

Линна Марсон

ДВОЕ ДЛЯ ТРАГЕДИИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Они ходят среди нас #1

18+

Они ходят среди нас

Анна Морион

Двое для трагедии

«Автор»

2020

Морион А.

Двое для трагедии / А. Морион — «Автор», 2020 — (Они ходят среди нас)

Два тома в одной книге. 21 век. Прага. Могущественный вампирский клан Морганов является скрытым хозяином города. О том, что Морганы - не люди, неизвестно никому, ведь они усердно и ловко скрывают свою тайну. Седрик Морган - один из них. Он не только наблюдатель и мыслитель, но еще и студент Карлового университета, в котором все считают его заносчивым и угрюмым отшельником. Еще бы! Седрик не общается со смертными, потому что презирает их. Для него они - только пища. За почти 300 лет его жизнь не имела особых волнений и забот. Но все изменилось в один октябрьский день, и в жизни Седрика появляется подопечная-смертная, которая, против своей воли, пробудила в нем новые, совершенно неизвестные ему ранее чувства. Содержит нецензурную брань.

© Морион А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	27
Глава 7	33
Глава 8	39
Глава 9	45
Глава 10	56
Глава 11	63
Глава 12	68
Глава 13	74
Глава 14	81
Глава 15	87
Глава 16	93
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Анна Морион

Двое для трагедии

Глава 1

– Солнце заходит слишком медленно.

Мои слова были встречены молчанием.

Впрочем, я не ожидал другого ответа. Ведь стоящие рядом со мной были такого же мнения. Они были такими же, как и я. Одного рода. Моя семья, стоящая на балконе древнего замка, уединившегося в невысоких горах, неподалеку от Праги, старой и прекрасной. Но истинными пражанами мы не были – мы переехали сюда из Лондона для того, чтобы тихо жить в Чехии – прекрасной стране, словно созданной для нас.

– Ты говоришь как девица из женского романа, – вдруг сказал мой старший брат Маркус и ухмыльнулся, довольный тем, что сумел задеть меня.

Мои губы дрогнули в усмешке. Я приподнял бровь.

– И давно ты увлекаешься женскими романами? – парировал я.

– Ирония здесь лишняя. Есть исключения из правил.

– Например?

– Классика. Джейн Остин.

– Ты прав. Эта женщина создала шедевры.

– Я наблюдал за ее жизнью. Она была крайне приятной особой. Но тебя в те времена занимали совсем другие вещи.

– Маркус, перестань хвастаться своим старшинством. Ты старше меня всего лишь на десять лет. – Я насмешливо усмехнулся.

– Именно, братец. Десять лет – довольно внушительный срок.

– Не для нас.

– Маркус, Седрик, отложите свой спор и наслаждайтесь закатом. – Нежный упрек матери заставил нас с братом саркастически улыбнуться и замолчать. Мой задумчивый взгляд недолго побродил по небольшому лесу и замер на одной из красных крыш великолепной Праги.

Я ненавидел свое имя. Седрик. Оно напоминало мне какой-то плохой роман. Должно быть, так обязан быть назван главный герой. И это имя мне придется нести всю свою жизнь. Но уже сейчас, в свои двести восемьдесят шесть лет, я не понимал, отчего родители дали мне это напыщенное имя.

Забыл сказать: я – вампир. Как мой брат, отец и мать, я нес бремя вечности и бессмертия – два великих дара. Однако эти дары были не всегда удобны: наше место жительства менялось так часто, что, кажется, в Европе не существовало города, в котором мы не оставили свой след. Мы переехали в Прагу из Лондона десять лет назад. Но года стали пылью так скоро и незаметно, что мне казалось, будто прощание с мрачным Лондоном свершилось вчера. Не могу сказать, что кровь пражан отличается от крови лондонцев. Думаю, совсем чуть-чуть. Кровь людей всегда одинакова. Как и все люди.

Наша семья – Морганы – одна из самых больших и уважаемых и в вампирском мире, и в мире людей. Мой отец был обладателем гордого звания «Сэр»: когда-то он был рыцарем Ее Величества, королевы Английской империи Елизаветы Первой. Моя мать – представительница чешской семьи Богали. А я – наполовину англичанин наполовину чех с дурацким именем Седрик. Своего старшего брата Маркуса я уже упоминал.

Наша жизнь наполнена весельем: ночь в полном нашем распоряжении. Скорость, сила, свобода – все это великолепно и прекрасно. До восхода солнца. Едва дневное светило начинает

свой восход, мы спешим спрятаться в своих жилищах. В отличие от выдумок людей, солнце не убивает нас и не жжет нашу кожу. Причина нашей нелюбви к солнцу – в другом: коснись оно нас своими лучами, люди видели бы дряхлые, полуразвалившиеся останки, которые мы прячем под прекрасной маскировкой, созданной идеалом человеческой красоты. Мы притворялись людьми. Поэтому, солнце было нашим врагом: едва завидев наши истинные обличия, настоящие люди разбегались бы кто куда, а паника в человеческом мире нам ни к чему. Наша тайна и отрицание собственного существования – главный аспект нашей жизни: ведь мы – хищники, люди – наша добыча.

– У меня к тебе дело, – вдруг шепнул мне брат. – Личное.

– Я заинтригован, – коротко ответил я.

Маркус нечасто обращался ко мне с «личными» делами. И любопытство взяло меня в настоящие тиски. Зная брата, я предчувствовал важный и крайне занятный разговор.

Глава 2

Как только ярко-оранжевый диск солнца сел в густое длинное море облаков, Маркус и я покинули замок и устремились на отдаленный невысокий валун.

Загадочно-рассеянный вид брата интриговал меня. По глазам Маркуса, всегда смеющимся, но теперь спокойным и даже нервным, я понял, что наш разговор будет серьезным. Интересно, какими в этот момент были мои глаза? В душе я строил догадки, о чем будет идти речь, если для этого потребовалась такая секретность.

Мы остановились у края пропасти, и я ожидающе взглянул на брата, думая, что Маркус начнет свой рассказ незамедлительно, но, казалось, он вообще забыл о том, что вызвал меня на тайную беседу, и молча наблюдал за горизонтом.

– Так, о чем идет речь? – скупающим тоном спросил я, чувствуя, что, если не заговорю первым, Маркус не скажет ни слова.

– Мне кажется, я уже знаю, что ты ответишь, – сказал брат, взглянув на меня. На его губах играла довольная улыбка.

– Маркус, не тяни. У меня есть планы на вечер. – Фраза Маркуса показалась мне бессмысленной.

– Никогда не думал, что доживу до этого дня. Я влюбился, – спокойным тоном сказал Маркус. И добавил. – Совсем недавно.

Я насмешливо хмыкнул. Мне-то казалось, что речь действительно пойдет о чем-то серьезном.

– И ради такой ерунды ты отвлек меня от дел? – недовольно заметил я.

– Ерунды? – нахмурившись, переспросил он.

– Именно.

– Ты сумасшедший! – обреченно вздохнул Маркус и потер пальцами свою переносицу.

– Если ты считаешь, что я разделяю твои взгляды на подобный предмет, то, боюсь, ты фатально ошибся, – бросил я.

У меня были причины для раздражения: разговоры о любви и намеки матери о том, что следовало бы породниться с одной из вампирских семей, выводили меня из состояния равнодушного существования. Все эти разговоры были для меня каким-то балаганом, смешной пьесой, поставленной бездарным режиссером.

– Ты смешон, – резко ответил на мои слова Маркус. – Ты вообще любил когда-нибудь кого-то, кроме себя?

– Само это слово никак не вяжется с моей жизнью. Любить. Быть рабом женщины – не мой удел. – И почему в этот момент я чувствовал себя героем плохой мелодрамы?

– Когда я увидел ее, в моем сердце что-то взорвалось. – Маркус отвернулся от меня, видимо, обиженный моими словами.

– В таком случае мне жаль твое сердце.

– Я увидел эту прекрасную вампиршу и понял, что отныне мое сердце бьется только для нее. Все произошло стремительно и незаметно. – Маркус будто утонул в своих мыслях и не слышал меня.

Раздражение охватывало меня все больше: Маркус был прекрасно осведомлен о том, как я ненавижу подобные разговоры. Влюбился и черт с тобой! Для чего понадобилось оповещать об этом меня?

– Любовь – это просто метафора, придуманная людьми, чтобы объяснить влечение друг к другу. Только, помилуй, не говори мне, что когда-нибудь я сам попадусь в этот капкан, – с иронией сказал я, предвидя нравственные наравоучения.

– Какой же ты еще зеленый юнец! – усмехнулся брат.

Мне очень хотелось бросить ему в ответ что-нибудь едкое, но, взглянув в его мечтательные и в то же время чрезвычайно серьезные глаза, я понял: Маркус открыл мне свою душу, а я насмехаюсь над ним. И меня охватил глубокий стыд.

– Прости. Я зашел слишком далеко, – примиряюще сказал я. Мне было стыдно за свое поведение. Только сейчас я понял, как глубоки были чувства брата к его возлюбленной.

– Не извиняйся за свою глупость, – пробурчал он. – Мои пустячные жизненные изменения кажутся огромными мне одному. Ты никогда не любил и не можешь понять меня!

– Не думаю, что вообще когда-нибудь полюблю. – Я говорил правду, ибо действительно считал любовь и все, что с ней связано, откровенной глупостью. – Мне не нужна любовь.

– Думаешь, она будет спрашивать у тебя разрешения?

– Я уже влюблен, – усмехнулся я, через силу сдерживая себя от раздраженного тона.

– Какие новости! И в кого же? – насмешливо спросил Маркус

– В луну и закат.

Мой брат посмотрел на меня, как на безумного. И вдруг громко расхохотался. Я с неприглядным лицом наблюдал за его истерикой и терпеливо ждал, когда она утихнет. Наконец, Маркус справился с собой и окинул меня полным насмешки взглядом.

– Ты сравниваешь любовь к девушке с любовью к закату? С твоими понятиями о любви тебе лишь детей развлекать да книги для неудачников писать, оправдывая их неуспех у противоположного пола!

Маркус всегда был шутником, и его ирония никогда не попадала мимо цели.

Я невольно усмехнулся.

– Кто знает, может, в будущем эта книга будет пользоваться успехом среди смертных! – со смехом сказал я. – Но сейчас огласи: кто же счастливица?

– Ты помнишь Мрочек? – вместо ответа спросил меня брат. – Польский клан?

При упоминании о предмете его воздыхания, глаза Маркуса потеплели.

С легкой улыбкой на губах я кивнул.

«Значит, одна из девиц Мрочек?» – подумал я.

– Маришка. – Маркус выдохнул это имя с таким благоволением, что я едва удержался от насмешливого смешка. Мне было занятно наблюдать за ним – неужели любовь так изменила его?

«Маришка. Ах, да. Тонкая красавица с волосами цвета спелой пшеницы» – вспомнил я и улыбнулся.

– Что ж, поздравляю тебя: она действительно хороша, – поздравил я брата, решив, что Маришка Мрочек действительно идеально подходит такому серьезному вампиру, как он.

– Она бесподобна, – поправил он меня.

– Тебе виднее, – улыбнулся я.

Несмотря на мое справедливое предубеждение против любви, я был счастлив за брата. Ведь он верил в любовь, искал и ждал ее, прямо, как люди. И, наконец, обрел то, чего жаждал.

Я не искал и не верил. Слова «любовь», «искать», и «ждать» казались мне отвратительными. Только люди могут быть настолько наивными.

– Надеюсь... Нет, я уверен, что скоро и ты найдешь свою спутницу жизни, – с ухмылкой сказал Маркус.

– Не начинай комедию, – криво усмехнулся я.

– А знаешь, я готов поспорить, – настойчиво сказал брат и протянул мне руку. – Ставлю на кон кубок крови.

Я усмехнулся, но твердо пожал его ладонь.

– Ты проиграешь, – предупредил я

– Посмотрим. – Маркус взглянул на свои часы и улыбнулся. – Мне пора лететь!

– К ней? – поинтересовался я, хотя уже знал ответ.

– Я пригласил Маришку в кино.

«В кино? Как дети малые!» – подумал я, но сдержал свои мысли при себе.

– Удачи. Лети, – вместо этого сказал я.

– И тебе удачи. И, чтобы ты не говорил, твое одобрение многое для меня значит. – Он дружески хлопнул меня по плечу и улетел. А я остался стоять у обрыва и наблюдать за прекрасным вечерним небом и размышлять о тягостной рутине моей жизни.

Все, чем я когда-то увлекался, давно перестало меня интересовать: охота, развлечения, музыка, книги, философия, учеба, история, наука... Сейчас я жил просто потому, что тянулась моя жизнь. Сказать точнее, я проживал свою жизнь, не имеющую никакого смысла, и порой мне казалось, что, в конце концов, я зачахну от скуки и утомления течением. Университет и система высших учебных заведений, которые я когда-то боготворил, стали мне нестерпимы. Эти заведения превратились для меня в сосредоточие глупости, и смешно было наблюдать за тем, как профессора пытались передать знания молодому поколению, чьей целью в жизни будет передача этих знаний очередному поколению глупцов. Бесконечная цепь. И, хотя я, без хвастовства обладал глубокими знаниями всех известных наук современного мира (ради интереса я закончил все известные университеты земного шара, и теперь, сидя на лекциях, изнемогал от скуки), открывать для себя что-то новое превратилось для меня в обязанность, перестав быть наслаждением для души и разума.

После беседы с братом я чувствовал что-то странное, необъяснимое. Это было новое чувство, название которому я не знал. Оно отличалось от всего, что я когда-либо ощущал. Это чувство напоминало пустоту. Пустоту и разочарование. Но в чем я разочарован? У меня нет никаких оснований быть в ловушке черной меланхолии. И, чтобы отвлечься от этих мыслей, я решил полететь на мост, на котором любил встречать закат. Но в этот раз закат уже ушел: я бы встретил его, если бы Маркус так неожиданно не пожелал побеседовать со мной.

Вернувшись в замок, я надел длинный непромокаемый плащ. Благо, была осень, поэтому мой наряд мало чем отличался от одежды пражан. Затем я зашел в гараж, чтобы взять свое авто. Я являлся счастливым обладателем черной «Тойоты», но не одной из новейших моделей несмотря на то, что члены моей семьи меняли автомобили едва ли не каждую неделю. Отец, мать и Маркус решили, что, раз не могут летать по городу днем, то будут щеголять автомобилями – новейшими моделями известных мировых марок. Это утешение самолюбия вызывало у меня лишь насмешливую улыбку. Прохожие нередко провожали взглядом кортеж иномарок Морганов, и моя «Тойота» в нем выглядела настоящей изгнанницей. Но моя верная железная подруга была мне по душе, и менять ее я не собирался. Еще с юности я утвердился во мнении, что средство передвижения должно иметь лишь одну функцию – быть комфортным, а не становиться способом навязчивого самовыражения.

Вопреки мнению смертных мы не летаем по городу в прямом смысле этого слова. К моему великому сожалению. Но все наши передвижения по городу мы называем именно «полетом». И в очередной раз я летел на мост, соединяющий районы Праги и находящийся на двух холмах, протянувшись над глубокой Нусельской долиной. Этот мост так кстати находился по соседству с физико-математическом факультетом, в котором я учился.

Нусельский мост, высотой в сорок два метра по центру, чехи называют «Мостом самоубийц». По аналогичной технологии в мире были построены еще семь таких мостов, но все они, кроме Нусельского, канули в небытие. В советские времена Нусле считался районом рабочего класса, хотя рабочие, хулиганы и прочий народ живет здесь до сих пор. Дух у этого района депрессивный, и такой же дух впитал в себя и бетонный мост. Смотришь вниз и думаешь о том, как легко умереть. Эти мысли посещают сотни самоубийц, приезжающих сюда покончить с жизнью. Самоубийств было так много, что правительство Чехии всерьез задумалось об этом феномене, поэтому в настоящее время перила моста были железными перегородками и решетками. Однако искателей смерти эти куски железа не останавливают: время от времени, рас-

крывая ежедневную пражскую газету, я в очередной раз узнавал о новых жертвах Нусельского моста, этого мрачного исполина. Человек пролетает расстояние в сорок два метра, в свободном падении, всего за три секунды, а затем, на скорости в сто километров в час, встречается с асфальтом. О самоубийцах напоминает находящийся под мостом и освещающий часть его тубуса уличный фонарь, направленный вверх для того, чтобы освещать самоубийцам последний путь. А желающих покончить с собой – много: их число приближается к четыремстам. В истории моста известны лишь два случая, когда прыгнувшие с него выживали, правда, один из них все же скончался в больнице, семнадцать дней после рокового прыжка. В советское время СМИ замалчивали самоубийства на Нусельском мосту, так как ничто не должно было осквернять имя первого «рабочего» президента Клемента Готвальда, который мост носил вплоть до тысячи девятьсот девяностого года. Сегодня же, мост носит печальную всемирную славу, как «Мост самоубийц».

Не зная, что такое смерть, я любил это место. С моста открывался прекрасный вид, и лицезреть его мне не мешали никакие решетки. На нем я любил размышлять, провожать взглядом закат, а иногда даже встречать рассвет. В отличие от моих родственников, приезжающих в замок еще до рассвета, я не боялся находиться здесь утром и, накинув на голову капюшон плаща, оставался до первых лучей восходящего солнца. Здесь мне не мешали ни шум города, ни шум проезжающих мимо машин – я давно научился абстрагироваться от реальности. И в этот раз, после разговора с братом я морально нуждался в длительных раздумьях. По неизвестной мне причине, в этот раз я чувствовал себя неполноценным, изгнанником, чужим в собственной семье, в которой каждый имел смысл жизни. Этим смыслом были их вторые половинки. А я похож на особу, не знающую, чего она желает, точнее, не знающую, чего ей недостает. Но чего мне не хватает? У меня есть все, о чем смертным можно точно мечтать: бессмертие, богатство, идеальная физическая маскировка, любящая семья, огромный багаж знаний. Что же заставляет меня чувствовать себя неполноценным и чужим, если у меня есть все? Я надеялся найти ответ на этот вопрос. Но как быстро я отыщу его? И, худшее в том, что могут пройти месяцы, годы, и даже столетия, прежде чем ответ будет найден. Но и тогда я буду неудовлетворен: каждая новая догадка рождает еще десяток вопросов. И эта бесконечная цепочка не прервется никогда. И все это время мне придется жить с чувством душевной пустоты. Смогу ли я? Куда я денусь. Я же вампир. Бессмертный.

Приехав на мост, я поставил свой автомобиль на небольшой стоянке и направился к высоким железным перилам.

Что бы ни говорили суеверные люди, Нусельский мост был произведением искусства, наполненным особой атмосферой моральной свободы и раздумьями о тленности жизни. Любуясь пролетающими надо мной тяжелыми облаками, цвета штормового моря, с прорезающими их тонкими жилами серых нитей, я много думал. Кроме меня, на мосту были несколько человек, но это были всего лишь любопытные туристы, соблазненные страшной красотой моста. Банально: они сделают фотографии на память и вскоре уйдут, не выдержав ауры сотен самоубийств.

Так и произошло, однако мой разум посетило неприятное напоминание о начале промежуточных осенних экзаменов, к которым мне не было смысла готовиться. Я знал, что сдам все экзамены, ведь этот материал я проходил уже много раз. Как я упоминал выше, мне выпала честь обучаться во всех американских, канадских и европейских университетах, включая и Пражский, в котором я вновь учусь. Здесь я учился три раза, в разные эпохи, под разными именами, естественно, не привлекая к своей особе ненужного внимания.

На Прагу опустилась тьма. Город зажегся тысячами разноцветных огней и наполнился гулом вечернего веселья. Люди получили долгожданный отдых. Что это сулило мне? Я ел всего два дня назад, поэтому не был голоден, но сегодня на охоту выходил Маркус. Пусть развлекается, возможно, даже в паре с дамой сердца.

Я облокотился на перила, закрыл глаза, и оставался в таком положении до тех пор, пока не уловил в воздухе что-то необычное, что заставило меня забыть о раздумьях и посмотреть в сторону, откуда ветер принес мне это чудо: в метрах пятидесяти от меня стояла девушка. Я не мог ошибиться, ведь вампирский взгляд – гораздо отчетливей человеческого. И, несмотря на сгущающуюся темноту, я стал откровенно рассматривать незнакомку.

Аромат ее крови одурманивал меня. Этот букет, никогда ранее не слышанный мной, поразил меня своей красотой. Аромат свежей молодой человеческой крови, наполненный оттенком морского бриза и терпкой сладости. Чтобы наслаждаться им, я часто и глубоко задышал, и мой разум невольно наполнили странные вопросы. Кто эта девушка? Что она здесь делает? Как я не заметил ее появления на мосту?

Мой интерес к незнакомке возрастал с каждой секундой, и я невольно просто уставился на нее. Вдруг, словно почувствовав на себе мой откровенный взгляд, девушка на несколько секунд обернулась ко мне. Но мне хватило и полсекунды, чтобы воспроизвести в своем уме ее портрет. Первым, что бросилось мне в глаза, были ее волосы – темные, густые, они спадали водопадом до ее поясницы. Лицо незнакомки было необычным, интригующим. Мягкие бледные губы давали немного резкий контраст с ее яркими темно-кариыми глазами. Ее фигура была стройной, без очертаний нездоровой худобы и голодания. Девушка показалась мне таинственной и даже красивой. Ее красота была мягкой и выразительной, как осенний день, не успевший остынуть от солнечных лучей, но уже с ушедшим солнцем, обагрившим небо своим прощальным светом.

На мгновение наши взгляды перекрестились, как шпаги. Вдруг незнакомка зашагала быстрым шагом прочь от моста, словно сбегая от моего невольного, настойчивого внимания. Но я, как замороженный, смотрел ей вслед, просто не мог отпустить ее. Отпустить это волшебство.

Черт! И о чем я только думаю?

Я мысленно отругал себя за то, что позволил себе разглядывать какую-то смертную, и, благодаря усилию воли, хоть и тяжелому, выбросил мысли о ней из своей головы и вспомнил о ближайших планах на этот вечер – уйти мыслями далеко от мира и хоть недолго побыть в другой реальности. Но это воспоминание вернуло другое, нежеланное – аромат крови незнакомки, такой манящий. Убить бы ее и выпить эту восхитительную кровь до последней капли.

Нет. Не в этот раз.

У меня имелись принципы, от которых я не отступал даже ради такого неповторимого вкуса: убийства девушек и детей были для меня табу. Я охотился на людей, которые уже испробовали вкус жизни. Категория моих жертв начиналась с возраста тридцати лет до пятидесяти, и я безошибочно чувствовал возраст своих жертв, определяя его по запаху крови, и за годы моей жизни не допустил ни единой ошибки. Я чувствовал, что заинтересовавшая меня девушка была еще юной, лет двадцати двух. Пусть живет. Может быть, через восемь лет я найду ее и испробую ее крови.

С этими мыслями я поехал обратно в замок. Там, оставив «Тойоту» в гараже, я пешком отправился в город.

Утром по Праге в который раз объявили о пропаже нескольких людей. Услышав это, я усмехнулся: это были следы охоты Маркуса и его невесты. Об этих очередных таинственных исчезновениях написали все пражские газеты, включив в статьи вопли несчастных родственников и призывы к бдительности. Пражане с горькими вздохами обсуждали новость. Меня же наполняли лишь равнодушие и насмешка.

Глава 3

Экзамен по физике был сдан на отлично: легче легкого рассказывать то, что выучил давным-давно и что знаешь, как собственное имя. И, хотя в данный период жизни учеба была мне в тягость, быть частью современных университетов мне было интересно во все времена, и я с любопытством наблюдал за тем, как меняется образование, его система, как каждый год появляются все новые и новые, неповторяющиеся лица. Одно время моим хобби было наблюдать за людьми, но это занятие вскоре стало для меня лишь источником разочарования и презрения.

Вновь обучаясь в Карловом университете, в этот раз я избрал физико-математический факультет и находился на пятом курсе. Еще полтора года и, завершив обучение в Праге, я уеду учиться в Москву. Признаться, я никогда там не был. Россия всегда казалась мне диким местом, но в современности ситуация в этом огромном государстве изменилась в лучшую сторону, и я принял решение посетить его необъятные просторы и узнать на практике, что такое русское высшее образование. Впереди у меня было много планов. Например, попробовать какова на вкус кровь русских.

Эти утром шел дождь, и, благодаря этой прекрасной погоде, сегодня у меня была возможность сменить свой плащ на любимую кожаную куртку. Направляясь к входу в здание факультета, я попал в толпу юных девушек – второкурсниц и тотчас почувствовал на себе их взгляды. Они даже не пытались скрыть того, что глазели на меня. Многие смертные представительницы женского пола провожали меня взглядами, обманываясь моей внешностью. Со стороны могло показаться, что их внимание льстит мне, но, на самом деле, я чувствовал лишь неприязнь. Прельщаясь красивой внешностью, девушки даже не подозревали о том, что находится за этой оболочкой. А так, как смертные никогда не узнают о том, что мы существуем, эта человеческая глупость может выглядеть даже несколько забавной. Люди сами по себе – занятные создания. Но пустые.

Пока стояла идеальная для вампира погода, я решил прогуляться по Праге. Пешком. Мне достаточно редко доставалась возможность разгуливать по городу, так как в этом году дожди были редкостью, а пасмурная погода будто уступила право главенства солнечным дням. В слишком яркие деньки университет я не посещал, и теперь на моем счету было большое количество пропусков, за которые меня никто не смел упрекнуть. Помимо того, что я был одним из лучших студентов, я исправно пополнял счета моей alma mater большими суммами евро. Коммерция была мне по сердцу по двум причинам: во-первых, я сам составлял себе график занятий, и проблем с обучением у меня не было. Вторая причина – более банальная: моя мать всегда твердила о том, что гранты нужно оставлять умным, но не имеющим возможности учиться на коммерции смертным. К тому же отбирать грант у зеленого человеческого птенца было бы для меня настоящим оскорблением собственного достоинства.

Едва я вышел из университета, как тут же натолкнулся на своего сокурсника Ройса МакРессоса – амбициозного американца, который время от времени надоедал мне попытками заговорить со мной. Ройс протянул мне руку, но я никогда и никому не жал рук, ведь мои ладони были нечеловеческими, и я знал, что думали люди о рукопожатиях с нами: у нас ледяные руки. Поэтому я притворился замерзшим, спрятал руки в карманы и, нахмурившись, проворчал:

– На улице собачий холод, Ройс.

Американец взглянул на свою руку и, после недолгого колебания, спрятал ее в теплый карман своей дутой куртки.

– Хай, Морган! Как сдал? – весело спросил он.

– Да, как обычно, – отмахнулся я, пытаюсь сделать это непринужденно. Ройс начинал действовать мне на нервы, но он, кажется, и не догадывался об этом

– Как всегда – это отлично? Я и не сомневался в тебе, дружище! – с восторженной улыбкой воскликнул Ройс.

Услышав, каким лестным словом меня назвал этот чересчур дружелюбный смертный, я почувствовал легкое удивление. В моем мировоззрении звание «друг» необходимо было заслужить, а не награждать им почти незнакомых персон.

– Как сам-то? – вежливо спросил я, пытаюсь поддержать нежеланный разговор из-за своего проклятого чувства тактичности и размышляя о том, что люди бывают слишком назойливыми. Ройс МакРессор – один из таких.

Мой собеседник улыбнулся своей белозубой американской улыбкой.

– Высший бал! – воскликнул он, а я в это время строил план, как поскорее отделаться от его присутствия.

– Поздравляю тебя с этим. – В этот раз я не смог скрыть раздражения в голосе, но Ройс был так счастлив, что, кажется, не заметил моего сарказма. Или не хотел замечать. – Я тороплюсь.

Я обошел его и направился на стоянку, но, вдруг вспомнив о запланированной прогулке по городу, сменил направление и двинулся к выходу из университетского двора.

– Морган! – вдруг услышал я за своей спиной.

Я недовольно вздохнул, но все же обернулся.

– Встретимся на следующем экзамене! – Ройс помахал мне рукой и пошел на стоянку.

Наконец-то. Отвязался.

Пока я с неохотой перебрасывался фразами с надоедливым американцем, с неба закапал мелкий, но частый дождь, а из университета вышла небольшая группа девушек. Я хотел продолжить свой путь и благополучно покинуть это место, но вдруг увидел среди одинаковых смазливых мордашек знакомое мне интригующее лицо, которое, как оказалось, врезалось в мою память. Это была она. Вчерашняя незнакомка с Нусельского моста спускалась по ступеням, на ходу застегивая свое черное пальто. Застегнувшись, девушка подняла голову, взглянула на серое дождливое небо и мягко улыбнулась. А я прервал свой путь и наблюдал за ней, словно сталкер за своей жертвой.

Девушка достала из сумки зонтик (тоже черного цвета) и, раскрыв его, пошла по двору к выходу. Проходя мимо меня, она опустила взгляд, словно не желая встречаться с моим, и раздраженно вздохнула. И тут я понял, что неотрывно глазею на нее, и отвел взгляд, сделав вид, что это была случайность. Восхитительный аромат крови вчерашней незнакомки перебил ароматы крови всех находящихся во дворе университета людей.

«Я веду себя как последний дурак. Нет, как идиот!» – со злостью подумал я, и желание пройтись по городу вдруг исчезло.

Что эта девчонка здесь забыла? Если она учится в том же учебном заведении, что и я, почему я никогда не встречал ее раньше? Почему она так заинтриговала меня?

До меня вдруг дошло осознание того, что я стою посреди полупустого двора и смотрю вслед той девушке.

– Что за бред со мной творится? – вслух выругался я и направился на стоянку, по дороге удивляясь несвойственному мне поведению.

Быстрая езда успокоила меня, но я размышлял о странной незнакомке всю дорогу до замка. Почему я запомнил ее? Ее, среди всех этих смертных? Может, ее необычная внешность так бросается в глаза, что я невольно обращаю на нее внимание? Интересно было бы услышать ее голос... Что? Бред. Я резко отбросил эту мысль и твердо решил забыть и никогда больше не вспоминать о ней. Она всего лишь смертная. Одна из семи с половиной миллиардов на Земле. Ничего исключительного в ней нет.

Вдруг я вспомнил о том, каким жалким идиотом выглядел во дворе университета, и это вызвало у меня насмешливую улыбку. Я смеялся над самим собой.

В скором времени я был в замке. Как оказалось, там меня ждал сюрприз.

– Оденься попримечнее и спускайся в зал! Мы ждем тебя! – приветливо окликнула меня мать, едва я появился в замке. Эта просьба дала мне понять, что мой план уединения был разрушен.

Наш замок в который раз посетили гости: огромный гараж нашей обители был заставлен незнакомыми мне дорогими иномарками. Это были наши друзья. Естественно, кто-то из наших, ведь друзей-смертных мы не имели.

Переодевшись в черные джинсы и бордового цвета классическую рубашку, я спустился в большой каминный зал, ставший центром внимания сотни наших. Оказалось, приехал многочисленный польский клан Мрочеков. Среди гостей была и Маришка – возлюбленная Маркуса. Они вдвоем стояли у камина и тихо разговаривали. Я был рад видеть брата счастливым и любовался ими, пока сладкая парочка не заметила меня.

– Ну, наконец-то! Пришел! Мы тебя заждались! – негромко рассмеялся брат.

Я подошел к ним, но по дороге с удивлением обнаружил среди привычных лиц двух незнакомых мне красавиц. Они не принадлежали к Мрочекам, так как все члены этой большой семьи были златовласыми, а эти незнакомки обладали темными волосами.

– Маришка, рад вас видеть. – Я галантно поцеловал ее красивую тонкую руку.

Она снисходительно улыбнулась.

– Не пора ли нам перейти на «ты»? Мы так давно знаем друг друга, что на смех тянет, когда кто-то из Морганов обращается ко мне так, словно впервые меня видит, – сказала Маришка, весело сверкнув своими прекрасными серо-голубыми глазами.

– Как скажешь, – с улыбкой ответил я. – Теперь-то Маркус в хороших руках.

– Ты ошибся: это Маришка в моих руках! – весело парировал мой брат, обнимая свою возлюбленную за талию.

– Негодяй, всегда думает только о себе! Седрик, твой брат – неисправимый собственник! – так же весело сказала Маришка на реплику Маркуса.

Мы рассмеялись. Но вдруг я заметил, что Маришка мимолетным взглядом подозвала к нам двух незнакомок.

Это вызвало у меня легкую улыбку. Я знал, зачем она притащила их – сосватать одну из них за меня, и был неприятно поражен этими попытками вмешаться в мою жизнь.

– Это мои подруги из России: Эмма и Саманта, – представила Маришка. Я деликатно поприветствовал девушек, сказав все полагающиеся слова о радости нашего знакомства и так далее, но рук им целовать не стал. Мне было неприятно оттого, что они согласились принять участие в этой аванюре, и дал им понять, что разгадал их планы, игнорируя их прекрасные, протянутые ко мне руки.

Гости с легким удивлением попытались сделать вид, будто вовсе не претендовали на поцелуй, но это получилось у них довольно плохо. Я знал, что в душе они подумали о том, что я дурно веду себя с дамами. Но это было мне только на руку.

– Седрик, мы слышали, вы собираетесь в Россию? – спросила меня Эмма, мило улыбаясь.

Я с раздражением отметил, что они уже, наверняка, знают обо мне практически все. Видимо, Маришка или моя мать имели с ними занимательную беседу о моей скромной персоне.

– Собираюсь, – достаточно холодно ответил я.

– Если у вас есть какие-то неопределенности о России, можете спросить нас: мы довольно долго живем там и многое знаем о русском характере. Русские очень отличаются от других смертных, – вставила Саманта.

– Чем же? – хмыкнул Маркус.

– Все русские – оптимисты. поголовно. Но все о загадочной русской душе словами не передашь: на ее исследование нужно потратить много лет, но и даже тогда вы не поймете ее.

– А кровь русских? Имеет присущие лишь ей характеристики? – спросил я, все же, немного расслабляясь. Разговор о стране, в которую я мечтал съездить, пришелся мне по душе, и на время я потерял бдительность.

– Естественно, но, опять же, не могу сказать, чем – ее нужно просто попробовать, – улыбнулась мне Саманта.

– Как же вы попали в Россию? – спросил Маркус. Видимо, он, как и я, видел их впервые, и меня обрадовало, что он не в сговоре с ними.

– Мы американки, но переехали в Россию семь лет назад, – ответила ему Эмма. – Это Саманта уговорила меня, и, стоит сказать, я ни разу не пожалела, что пошла у нее на поводу.

– И как вам Россия? – спросил я.

– Прекрасное место для скромной и тихой жизни. Мы живем в Санкт-Петербурге, но успели побывать во многих городах. – Саманта мечтательно улыбнулась и вздохнула. – Рай для вампиров, поверьте мне!

– И много их там? – Разговор становился мне по душе.

– Один клан, но весьма внушительный и многочисленный. Они живут в Новгороде и почти никогда не выезжают из страны. Это клан Кравицких. Их глава – Антон Кравицкий считается потомком русского князя Алексея Кравицкого, но, мы знаем, что он сам им и является.

– Как россияне относятся к нам? – спросила Маришка.

– О, нас любят! Книжки и фильмы о нас разлетаются моментально! – сказала Эмма, и краем глаза я заметил, что она заинтересованно смотрит на меня, словно следя за тем, слушаю ли я ее красивый мелодичный голос.

Но я не смотрел ни на одну из девиц: я следил за тем, как, плавно извиваясь, танцует огонь в камине. И я с удовлетворением отметил, что моя холодность оттолкнула нежеланных незнакомок.

– Мы путешествуем по миру и живем сами по себе. Но в этот раз Маришка – наша давняя подруга пригласила нас в Прагу, на пару дней, и мы не смогли отказать ей. – Эмма улыбнулась Маришке, а та ей.

– Что ж, добро пожаловать в Прагу, – сухо сказал на это я, вновь почувствовав волну раздражения. – Маркус, можно тебя на минуту?

Маркус извинился перед дамами (я же проигнорировал их прощальные слова), и мы перешли в другое крыло замка, где никто не смог бы подслушать нас. Когда мы вышли на балкон, я оперся на каменные перила балкона и впери в брата жесткий недовольный взгляд. Теперь я точно знал, что Маркус был осведомлен о девицах и подыгрывал им, помогая их неловким прозрачным попыткам пленить меня.

– И для чего весь этот цирк? – строго спросил я.

Маркус удивленно поднял брови, будто не знал о чем идет речь. Но он всегда был плохим актером.

– Девицы зачем здесь? – нетерпеливо бросил я. – Не строй из себя дурака! Мне ужасно не нравится, когда кто-то лезет в мою жизнь, и тебе это известно, как никому!

– Между прочим, они приехали не только для того, чтобы познакомиться с тобой! Скоро Маришка станет твоей родственницей, – встав рядом со мной и посмеиваясь, сказал Маркус.

Смысл его слов дошел до меня лишь через пару секунд. И я не поверил своим ушам.

– Ты женишься? – От удивления, я на время забыл о своем гневе. – И сколько вы встречаетесь?

– Месяц.

– Хочешь сказать, что месяца тебе хватило, чтобы узнать о ней все? – с иронией спросил я.

– Но у меня такое чувство, что мы знакомы целую вечность... Хотя, черт возьми, так и есть! Но я не желаю слушать твои докучливые рассуждения о том, как глупа любовь.

Я покачал головой и не смог скрыть широкую улыбку.

– Ты их не услышишь. Я рад за тебя! Просто не ожидал такого скорого развития событий.

– Спасибо, но твой вид далек от того, что можно назвать «счастливым», – заметил брат, хлопнув меня по плечу.

– Мое настроение испорчено сам знаешь, чем, – объяснил я, чтобы Маркус не принял мое дурное настроение на свой счет. Я действительно был рад, однако новость о женитьбе Маркуса никак не укладывалась у меня в голове: я привык к тому, что и я, и он – вечные холостяки.

– Кстати, пригласить Эмму с Самантой хотела наша мать, – признался Маркус.

Я саркастически усмехнулся: мать настойчиво пыталась вмешаться в мою жизнь, но все было тщетно. Моя жизнь принадлежит лишь мне одному, и вмешиваться в нее я не позволю.

– А Маришка стала ее союзницей, – угрюмо сказал я. – Ладно, черт с ним.

Возвращаться в толпу гостей мне не хотелось: я не любил шум и суету, и в этот вечер чувствовал резкую потребность в одиночестве. Поэтому я покинул балкон и быстро направился в свою комнату.

– Куда это ты собрался? – Маркус в один миг нагнал меня.

– Хочу отдохнуть, – сквозь зубы процедил я. – У меня был на редкость паршивый день. Встретимся завтра. И передай Маришке мои искренние поздравления.

Я покинул замок вечером, чтобы попасть на Нусельский мост. Этот день действительно был паршивым. Буря эмоций утомила меня, и единственным, в чем я нуждался в этот момент, были тишина и одиночество.

Глава 4

Экзаменационный период пролетел так быстро, будто его и не бывало. Начались учебные лекционные будни. Нужно отметить, погода приготовила нам сюрприз и принесла в Прагу холод и серые тучи, что давало мне возможность посещать университет хоть каждый день. Приезжавшие в замок гости уехали, и я вздохнул с облегчением. Присутствие многочисленных сородичей каждый раз ломало мои планы и злило меня, к тому же, они были неаккуратны: после их приезда по Праге прокатилась волна паники – люди бесследно исчезали. Десятками. Почти каждый день.

После последней встречи с девчонкой с Нусельского моста я ни разу не встречал ее в университете, а ведь теперь посещал его ежедневно и сидел на всех парах, что было для меня необычайным геройством. Непонятно откуда, во мне вдруг вновь неожиданно появился интерес к наблюдению за жизнью огромного организма, или, лучше сказать, огромного муравейника, которым являлся Карлов университет Праги. Но было что-то странное в моем поведении: однажды я поймал себя на мысли, что ищу среди ярких цветов черное пальто, ищу в шумной толпе студенток ту девчонку, но не находил ее... Поняв, что словно нарочно высматриваю ту незнакомку, я мысленно чертыхнулся и заставил свой разум подавить это дурацкое, совершенно чуждое и ненужное мне желание вновь столкнуться с той смертной.

Каждый вечер я приходил на Нусельский мост и провожал взглядом закат, а после наблюдал за небом и летящими по нему облаками. Но, в который раз, после периода духовного подъема, мною овладели меланхолия и скука, и теперь дни проходили скучно, каждый был похож на предыдущий, и мою скуку не могли убить ни события, происходящие в университете, ни события, происходящие в стране и мире вообще. Учеба наскучила, охота еще два века назад превратилась в рутину. В моей жизни не происходило ничего интересного. Но в понедельник второго октября что-то пошло не так.

День проходил рутинно, и я с равнодушием смотрел на лектора, который, энергично махая руками, расхваливал свой предмет и способность рационального мышления. Лекция закончилась бы так же, как заканчивалась всякий раз, но вдруг, в конце пары лектор громко объявил аудитории, что студенты не должны расходиться, а обязаны прийти в актовЫй зал. Естественно, студенты тут же принялись перешептываться и посмеиваться. Для них это было веселье. Для меня – очередная морока и минуты потраченного впустую времени.

Актовый зал университета заполнился любопытными и в то же время испуганными студентами. Я сел в четвертом ряду, мечтая поскорее уехать в замок. Рядом со мной расположилась компания девушек, которые тут же пустили в ход свои женские чары, строя мне глазки. Спрятав руки в карманы, я сделал вид, будто не замечаю факта существования этих девиц вообще.

Прошло уже десять минут, и, только когда студенты совсем разболтались, в парадные двери важной походкой вошел, никто иной, как сам ректор университета, и гул, стоящий в зале, заглох. Студенты шумно поднялись с кресел, в приветствии. Ректор прошел на сцену, взял в руки микрофон и небрежным жестом разрешил нам сесть.

– Добрый день, студенты! – весело сказал он.
– Добрый день! – раздался ему в ответ нестройный хор голосов.
– Готов поспорить: всем вам интересно, зачем я собрал вас здесь. Так?
– Да! Именно! Шикарный галстук! Надолго мы тут? – послышалось со всех сторон.
– Я восхищен вашим энтузиазмом. Но я сегодня очень добр, поэтому в зале остаются только пятый и шестой курсы. Все остальные свободны!

Студенты пятого и шестого курсов недовольно заворчали, а младшие, с радостными лицами и с большим шумом поспешно покинули зал. Я пристально взгляделся в их толпу, наде-

ясь увидеть ту девушку... Черт! О чем я думаю! Я заставил себя смотреть на сцену и мысленно отругал себя.

– В нашем университете произошло что-то крайне странное: в прошлом учебном году многие студенты младших курсов сдали летнюю сессию так слабо, будто их вдруг всех схватил мор, – печально сказал ректор. – Особенно хромали алгебра и физика. На обе ноги.

– А мы при чем? – раздался недовольный голос с галерки.

Студенты захихикали.

– Нас это не касается! – послышался еще один голос.

Опять поднялся смех.

– Вас это касается больше всего. Знаете, в современном мире существуют миллионы учебных программ, которые мы могли бы взять на вооружение, но... Я вдруг подумал: почему бы Карлову университету не ввести свою? Такой себе эксперимент, так сказать. Старшие студенты, светила нашей alma mater, должны помочь своим младшим товарищам подготовиться к зимней сессии....

Предложение ректора явно не понравилось аудитории: послышались свист, недовольное мычание и даже тихая ругань.

Я не смог сдержать саркастической усмешки: люди совсем обезумели!

– Суть эксперимента довольно проста: каждый из вас до зимней сессии будет заниматься с одним из студентов младших курсов: одним, двумя, а может, и всеми предметами, с которыми он не в ладу... – продолжил свою речь ректор.

– А можно от этого отказаться? Программа добровольная? Почему нас не спросили? – послышалось со всех сторон.

– Не понимаю, отчего столько шума и недовольных кислых лиц? Экспериментальная программа недобровольная, но обязательна для каждого из вас! Участвуют все. Однако от нее можно отказаться. – Ректор выждал, пока по залу пронесется вздох облегчения, и продолжил, разрушив мои надежды всего тремя словами. – Но не вам. Привилегию отказа от этой великолепной программы имеют лишь те, с кем вы будете заниматься. Но я должен лично увидеть объективную причину для отказа. Вопросы исчерпаны?

В зале наступила тишина.

– Что за цирк! – тихо сказал я, поняв, в какое болото увяз.

– После собрания всем зайти в мой кабинет: там вам будут выданы имена ваших новых друзей. – Ректор внимательно осмотрел зал. – Все, кто не станет выполнять пункты экспериментальной программы, имеют полное основание, скажу прямо, на вылет из университета.

– Но мы платим за учебу! Почему мы должны выполнять обязанности преподавателей? Это нечестно! – недовольным тоном крикнул кто-то из задних рядов. Его тут же поддержал гул голосов.

– Эта экспериментальная программа продлится лишь несколько месяцев. Но, конечно, если вы считаете, что ваши деньги дают вам право не подчиняться программе Карлового университета, то всегда можете перевестись, – ответил на это ректор и выключил микрофон.

Эти слова произвели оглушающий эффект: в зале воцарилось гробовое молчание.

Ректор, наверняка, довольный результатом своего выступления, покинул зал. Едва он скрылся в коридоре, зал будто взорвался: студенты громко возмущались и жаловались друг другу на вопиющую несправедливость. Все были недовольны. Но я молчал, скрывая свое недовольство глубоко в душе.

К кабинету ректора я шел с ужасным настроением. Теперь придется носиться с каким-то глупым дитем. В этот момент мысль об отчислении не пугала меня. Наоборот, даже привлекала.

Честно стоя в длинной очереди и слушая нытье и жалобы студентов на горькую судьбу, я едва заметно усмехался от этой человеческой глупости: в жалобах нет никакого смысла.

Жалобы ничего не изменят. Все студенты старших курсов, включая меня, стояли с кислыми лицами в очереди за ненавистным именем.

Наконец, я вошел в кабинет.

– Отчего вы все такие хмурые? – спросила меня секретарь.

– Думаю, вы понимаете почему, – сухо ответил я.

– В этот раз ректор устроил шоу, достойное телевидения. Не знаю, как вам, а мне весело.

Настоящая лотерея.

– Я заметил. Чертовски жестокая лотерея.

– Будешь тянуть сам?

– Неохота марать руки.

– Нет уж! Это твоя судьба! Тяни сам. Секунду. – Секретарь засунула руку в стоящую на столе стеклянную круглую вазу, наполненную маленькими белыми листами, и тщательно помешала эту белую кучу. – Теперь можешь тянуть.

Я равнодушно выхватил из всей этой гадкой кучи один из листков, но не стал смотреть, что за имя указано в нем. Какая разница? Я уже ненавидел его.

– Так... Седрик Морган... – Секретарь выхватила у меня из рук листок, взглянула на имя, записала его в компьютер и протянула листок мне.

Быстро покинув университет, я присел на одну из скамей, стоящих во дворе. Прочесть или подождать? Черт, от судьбы не уйдешь.

Я раскрыл листок: там черными крупными буквами было напечатано ненавистное имя: Вайпер Владинович.

Вайпер. Дурацкое имя. Кто это: парень или девушка?

Ниже стояла дата и время нашей встречи: завтра в 17: 00, библиотека, столик № 8.

Такая поспешность заставила меня недовольно поморщиться. Вдруг я услышал чьи-то шаги и обернулся: это был Ройс, бодрым шагом направляющийся ко мне. Ну вот, только его и не хватало. Что за день, право? Неужели кто-то наверху решил высыпать на мою голову ведро ненастий?!

– Привет! – поздоровался со мной Ройс, плюхаясь рядом, на скамью.

Я промолчал, даже не взглянув на него.

– Ну, и кто там у тебя? – весело спросил американец. – У меня какой-то болван со второго курса. Кто у тебя? Дай глянуть?

Чтобы он отвязался от меня, я поспешил показать ему свой листок.

– Вайпер Владинович... – вслух прочитал американец и фыркнул, как конь. – Что за птичка?

– Без понятия, – мрачно ответил я, забирая листок назад. – Вайпер. Змея.

– Наградили же именем родители! – поддакнул Ройс.

Молча поднявшись со скамейки, я направился на стоянку. Мои руки непроизвольно сжались в кулаки. Скомкав листок, я выбросил его в ближайший мусорный бак. Я ненавидел Вайпер Владинович. И завтра этому Вайперу придется прождать меня около часа, а может, и двух. Пусть ждет. Надеюсь, ему не понравятся мои постоянные опоздания, и он откажется от занятий, раз уж только он имеет на это право.

Какая ирония: я, вампир, буду готовить к экзамену свою жертву. Нет, не сегодняшнюю: возможно, лет через десять он станет моим ужином, а сейчас пусть выносит мои презрение и ненависть.

Что ж, тупица Вайпер, совсем скоро ты поймешь, что тебе не повезло. Крупно и категорически.

Я удивленно уставилась на сообщение из университета с именем того, кто будет заниматься со мной по экспериментальной программе ректора. Кто должен будет почти три месяца готовить меня к зимней сессии. Мой личный тьютор, так сказать.

Седрик Морган.

О, ужас.

Морган. Тот самый.

Конечно, я знаю Седрика Моргана. Кто в университете его не знает? Этот парень всегда держится скромно и особняком, но, по какой-то неизвестной мне причине, считается самым желанным парнем нашего университета. Половина моих однокурсниц были заинтересованы им, и каждый раз вздыхали, глядя ему вслед или слыша его имя. Поэтому я знала, с кем судьба так отвратительно свела меня, невзирая на простую логику: я и Седрик Морган – несовместимы. Да, я его знала. Дело в том, что он меня не знал, и, наверняка, так же, как и я был «рад» возможности познакомиться со мной. Да, согласна, Седрик – красивый парень. Но я никогда не понимала, что особенного в нем находят девушки: кожа этого парня была чересчур бледной, даже можно сказать, белой, что придавало ему вид мертвеца. Он ни с кем не общался, а в присутствии других людей молчал. Нет, я не наблюдала за ним – это бросалось в глаза. Он слишком горд, заносчив, и ему плевать на людей, которым повезло не так крупно, как ему – родиться в богатой семье. Поэтому Седрик Морган не нравился мне даже не как парень, а как человек. И именно этот эгоист должен будет помогать мне? Хотя, о чем это я! Не будет! Бьюсь об заклад, он рвет и мечет, зная, что ему, красавчику-богачу, придется проводить время со мной – глупой девчонкой с третьего курса!

Да пошел он к черту! Я абсолютно не была в восторге от этой дурацкой ситуации, но решила, что честно отсиджу первую встречу с ним, чтобы со стороны руководства ко мне не было никаких претензий. Эта, откровенно скажу, идиотская идея ректора не нравилась никому, а больше всех мне. Все шишки посыпались именно на меня. Однако, скрепя сердце, я сказала себе, что выполню приказ ректора и приду на встречу с Седриком Морганом. Но почему из всех старшекурсников нашего факультета мне попался именно он? За что мне такое наказание? Наверно, после первого же занятия я повешусь. А мои однокурсницы поздравляли меня и пытались поменяться «тьюторами», но, узнав, что пары скреплены лично ректором, просто завистливо улыбались. Чему завидовать? Я с удовольствием бы поменяла Моргана на любого другого старшекурсника! Была бы возможность! Но ее не было.

В пятницу, в пять часов вечера я сидела в библиотеке, за столом №8, и ждала Седрика Моргана. Я уже взяла нужные мне книги по физике и то и дело смотрела на часы. И молча злилась.

Половина шестого. Моргана все не было. Но я упрямо ждала, уговаривая себя отсидеть положенное время и уйти. Придет он или нет – плевать!

Круглые настенные часы библиотеки показали шесть.

Его не было.

Я кипела от гнева. Паршивец! И где его носит?

Мое терпение лопнуло: я решила, что, если Морган не придет через пять минут, – я уйду, плюнув на все. Не желает приходить? Отлично! Тогда у меня будет объективный повод отказаться от его «помощи» в кабинете ректора!

Скрестив руки на столе, я положила на них голову и принялась мысленно отсчитывать пять минут. Спустя три минуты и семь секунд я услышала: «Привет», небрежно брошенное приятным низким голосом, и вздрогнула.

Надо же! Все-таки, соизволил прийти!

Глава 5

Мои лекции закончились в шестнадцать часов (они тянулись скучно долго), и, после, я зашел в ближайший парк, удобно устроился на скамейке, достал из рюкзака книгу размышлений Томаса Манна и с удовольствием принялся за чтение, одновременно, с невероятным удовлетворением и злорадством думая о том, как неизвестный мне Вайпер бесится, ожидая меня в библиотеке. Что ни говори, но это было потрясающее чувство мести прыщавому Человеческому юнцу, которому страшно не повезло стать моим подопечным. Хотя, он был окутан смертельным грехом – плохо знал физику, а ведь, знай он этот простой предмет как следует, мне не пришлось бы отдавать ему свое драгоценное время, вбивая в его бестолковую голову эту элементарную логически верную информацию. Возможно, Вайпер настолько глуп, что его не спасет уже ничто.

Дочитав очередную главу, я бросил взгляд на часы: без семи минут шесть. Что ж, хватит мучить беднягу – пора осчастливить его своим приходом. Аккуратно закрыв книгу, я положил ее в рюкзак и, закинув его на плечо, вольготным шагом направился к университету, а затем в библиотеку. Открыв тяжелую дверь, я тут же почувствовал уже знакомый мне прекрасный аромат. Кровь и морской бриз.

Возможно ли это? Я поспешно обвел зал ищущим взглядом. Неужели... Мой взгляд упал на столик, за которым должен был сидеть мой подопечный. №8. И меня тут же пронзило понимание того, что незнакомка с Нусельского моста, оказалась совсем рядом. Я медленно направился к столику, по пути рассматривая сидевшую за ним девушку и придумывая себе убедительное оправдание.

Девушка сидела за столом, положив голову на руки, и ее густые прямые волосы волной укрывали ее плечи, скрывая от меня ее лицо. Но мне незачем было видеть ее лицо – я прекрасно запомнил его еще с первого пристального взгляда на нее на мосту. Она – Вайпер Владинович? Эта студентка – незнакомка с Нусельского моста? Эта девушка – моя подопечная?

Не знаю, по какой причине, я был склонен считать, что Вайпер – это он. Ведь это имя совершенно не подходит женскому полу. Да ведь это и не имя, а английское слово *Viper* – «гадюка». Каким же извергами нужно быть, чтобы назвать свою дочь Гадюкой? Никогда бы не подумал, что найдутся любители такой странной экзотики. Но сейчас я стоял у столика №8, рядом с незнакомкой, от запаха крови которой я чувствовал трепет, и которую звали Вайпер. И она прождала меня целый час.

Я чувствовал себя негодяем и не мог даже представить, как оправдать мое опоздание. Меня объяло непреодолимое желание оправдаться несмотря на то, что я никогда ни перед кем не оправдывался, особенно перед людьми. В этот момент я совершенно забыл о том, что я – вампир, а Вайпер – всего лишь смертная.

– Привет, – только и смог сказать я.

Девушка подняла голову и взглянула на меня. Мои голубые глаза встретились с ее темно-кариыми: взгляд моей неожиданной подопечной был сердит и презрителен, а бледные губы плотно сжаты; ее по-своему красивое лицо дышало удивлением, смешанным с оскорблением.

– Ты – Вайпер? – задал я глупый вопрос. Лишь бы начать разговор.

Девушка не ответила. Она пронзила меня презрительным взглядом, резко вскочила со стула и принялась собирать вещи в свою сумку.

Я молча наблюдал за своей подопечной, неприятно поразившись ее глупейшим поступком, хотя в душе понимал ее мотивы: девушка чувствовала себя крайне оскорбленной моим опозданием на целый час. И, пока она готовилась к побегу и не смотрела на меня, я получил возможность рассмотреть ее вновь, в этот раз при свете дня.

Незнакомка с Нусельского моста (Вайпер, как я теперь знал) была одета скромно: темно-зеленый пуловер, несколько обтягивающий ее стройный стан, и черные прямые джинсы, строгие, классического фасона. Она была похожа на работницу офиса. Но густые прямые темные волосы украшали ее облик и придавали строгой одежде нарочный контраст, указывающий на то, что девушка совсем не имела свойства чопорности и не старалась выглядеть официально. В этот раз я увидел ее без пальто, и она показалась мне еще более необычной, чем на мосту: во всем ее облике, движениях, взгляде была таинственность и женственность, несмотря на ее злость в мой адрес, и создавалось впечатление, будто я видел перед собой волшебного эльфа с необычайно яркими карими глазами.

– И куда ты собралась? – спокойно спросил я, усаживаясь напротив нее и стараясь выглядеть спокойным и равнодушным.

– Вообще-то, занятие уже закончилось! – язвительно сказала Вайпер приятным, но полным стали голосом, не удостоив меня взглядом. Девушка уже спрятала свои вещи в сумку и собиралась покинуть мое общество.

– До окончания занятия еще тридцать минут, – заметил я.

Почему-то, я чувствовал себя ужасно неловко. С чего бы это? Неужели моя месть, из сладости, стала мне укором, едва я понял, что моя подопечная – незнакомка с Нусельского моста?

– Заниматься уже поздно, не находишь? – насмешливо выпалила Вайпер и зло посмотрела на меня, но я с честью для себя выдержал ее прекрасный, полный гнева, взгляд.

Я поднялся со стула и загородил собой проход к выходу.

– У нас есть еще полчаса, – настойчиво сказал я.

Для чего я распинаюсь перед ней?

Вайпер язвительно улыбнулась.

– Двадцать три минуты, – сухо уточнила она, бросив быстрый взгляд на библиотечные часы на стене.

– Именно. Поэтому давай не будем терять их и хотя бы познакомимся, – предложил я.

– Зачем? – последовал ее насмешливый вопрос.

– Если уж нам выпала возможность находиться в обществе друг друга...

– Точнее, нас заставляют! – перебила она меня.

– Даже если и так, мы должны знать друг друга, хотя бы по имени, – все же, закончил я свою мысль, осознавая весь абсурд сложившейся ситуации и последствия моего нарочного опоздания.

– Спасибо за предложение, но я знаю, как тебя зовут! Твое имя даже есть у меня в сообщении, в телефоне, думаю этого довольно! – сказала девушка и попыталась обойти меня, но, повинувшись внезапному порыву, я невежливо схватил ее за запястье.

– Прекрасно, но этого мало. Нам нужно сесть и поговорить, – настойчиво сказал я.

– Знаешь, я достаточно насиделась, когда, как дура, ждала тебя целый час! – вдруг горячо выпалила Вайпер. Я вдруг осознал, что сжимаю пальцами ее запястье, и поспешно разжал их. – О каком разговоре может идти речь? Если ты думаешь, что я в восторге от этой дурацкой программы, то ты глубоко ошибаешься!

Я почувствовал укол совести. Но, когда я заметил, что наш спор привлек внимание занимающихся в библиотеке студентов, меня охватило раздражение и желание проучить эту упрямую смертную.

– Мы привлекаем к себе слишком много внимания. Давай поговорим спокойно. Понимаю: ты зла на меня из-за моего опоздания, но, поверь, у меня были причины опоздать, и, если бы я знал тебя ранее, то предупредил бы. Но я знал лишь твое имя. А ты, вижу, уже сделала обо мне скоропалительный вывод! – Я постарался переложить вину на нее, однако, почему-то знание того, что упрямица злится на меня, доставляло мне моральный дискомфорт.

«Что я творю? До чего опускаюсь, чтобы унять ее гнев!» – невольно подумал я, анализируя свой недостойный поступок.

Вайпер серьезно посмотрела в мое лицо, словно проверяя, не лгу ли я, но я настолько владел собой, что она не нашла на моем лице даже намек на тень.

– Ну, хорошо. И какая же важная причина заставила тебя опоздать? – наконец, после недолгого лицезрения моей физиономии, спросила она.

– В этом месяце у меня было несколько пропусков... Точнее, я почти не посещал лекции, и один из преподавателей допрашивал меня о том, как я смею не ходить на его занятия. Ты ведь знаешь, какой педант наш старина Марчек, – не моргнув, солгал я. А так как солгал я очень убедительно, Вайпер перестала хмуриться, и ее лицо вдруг покрылось легким румянцем.

Я прекрасно знал, что вызвало этот милый румянец: теперь моя подопечная корила себя за свое нетерпение и нежелание выслушать мои объяснения, попав в крайне неловкое положение передо мной и своей собственной совестью.

Мне стало жаль ее, но я не мог признаться в своей лжи – тогда Вайпер точно взбесилась бы и отправила меня куда подальше.

– Извини, что опоздал. Я, правда, не хотел этого. – Я тут же увидел ее взгляд, будто спрашивающий: «Он извиняется?!».

– Ладно... И ты извини за то, что накричала на тебя... Я действительно думала, что ты опоздал нарочно... Что ж, я ошиблась. – Девушка была сконфужена и будто обдумывала каждое слово. – Но попрошу тебя больше не опаздывать.

– Даю слово, – улыбнувшись, сказал я.

Вайпер тоже улыбнулась и села за стол. Я занял место напротив.

– Давай знакомиться? – непринужденно спросил я, взглянув на собеседницу. – Я начну первым. Не возражаешь?

– Нет.

– Меня зовут Седрик Морган. Я студент физико-математического факультета, учусь на пятом курсе, – сказал я. – Теперь твоя очередь. Извини, что так кратко, но, боюсь, у нас нет времени на пересказ автобиографии.

Вайпер сидела, скрестив руки на груди. Несколько прядей ее красивых длинных волос лежали на ее плечах. Я вновь удивился ее ярким темным глазам: они словно прожигали меня, хотя сейчас ее взгляд не был ни презрителен, ни зол.

– Так даже лучше. Меня зовут Вайпер Владинович. Я студентка третьего курса того же факультета, – негромко сказала моя подопечная.

– У тебя необычное имя, – заметил я.

– Отец где-то услышал его и подумал, что неплохо было бы иметь дочь с таким именем. Хотя, мама долго сопротивлялась и хотела назвать меня... Впрочем, не важно. – Вайпер осеклась, словно боялась, что рассказала о себе слишком много.

– Красивое имя. А я свое терпеть не могу, – признался я. Конечно, я слухавил: еще недавно имя Вайпер казалось мне смехотворным, но, как ни странно, оно шло девушке, сидящей напротив, моей незнакомке с Нусельского моста.

Вайпер удивленно вскинула брови.

– Седрик. Как герой рыцарского романа. Откуда ты? – перевел я тему, стараясь выяснить о своей собеседнице как можно больше.

– Из Брно, – ответила она.

– Насколько я знаю, в Брно много хороших университетов. Почему тебя привлекла именно Прага?

– Ты прав, в Брно много университетов, но ведь это – Прага, столица. Не поступи я сюда, благодаря гранту, то никогда не смогла бы оплачивать учебу и осталась бы в Брно. Но, к счастью, все прошло благополучно. А откуда ты?

– Я родился в Англии, но десять лет назад моя семья переехала в Прагу. Когда назрел вопрос, в какой университет мне поступать, родители настаивали на Оксфорде, но мой выбор пал на Пражский университет, – сказал я, мысленно добавив про себя «просто Оксфорд я заканчивал шесть раз».

– Значит, ты англичанин?

– Не совсем – наполовину чех. Можно я задам тебе несколько личный вопрос? – твердо спросил я.

– Да? – удивленно ответила девушка.

– Сколько тебе лет? – Мне нужно было знать, не ошибся ли я тогда, на мосту.

– Двадцать два, – ответила Вайпер.

– И ты только на третьем курсе? – удивился я.

– У моей семьи были проблемы с финансами, и я смогла поступить не сразу, но, думаю, в этом нет ничего плохого, – спокойно ответила она. Вайпер опустила взгляд на свои руки и откинулась на спинку стула. Я тут же понял, что подобные вопросы обескураживают ее.

– Какие у тебя проблемы с учебой? – деликатно осведомился я, чтобы развеять эту неловкость.

Мне нравился наш разговор: оказалось, что эта таинственная и рассерженная девушка была довольно умной, простой в общении, нежеманной и не бросающей на меня томные взгляды, пытаясь привлечь мое внимание.

Вайпер просто сидела напротив и смотрела на меня своими прекрасными карими глазами.

– У меня завал по физике. Ненавижу физику. – Она дернула плечами, словно стряхивая с себя это неприятное для нее слово. – Я сдала ее на четыре, но это с натяжкой. Преподаватель пожалел меня и поставил четыре, чтобы я не лишилась стипендии. А так... Сначала хотел поставить три.

– Тройка – не такая уж плохая оценка. Думаю, ты уже слышала это: «Важна не оценка, а знания», – попытался подбодрить ее я.

– Ты учишься на гранте? – спросила она.

– На коммерции, – усмехнулся я.

– Видишь ли, для тебя тройка не страшна, потому что на свое обучение ты тратишь большие деньги, но такие, как я, борются за право обучаться здесь бесплатно и получать стипендию. Тройка – это недопустимо. К тому же, признаюсь честно: физика – не мое.

– Хорошо, с ней мы разберемся. Какие-то еще предметы?

Вайпер улыбнулась, а я вдруг невольно подумал, что у нее очень красивая улыбка. И тут я осознал, что тоже, правда, едва заметно, улыбаюсь.

– Все предметы, кроме языков, литературы и истории. Все, что касается чисел, – тоже не мое, – сказала девушка.

– Тогда почему ты избрала именно этот факультет? – Мотивы ее выбора были мне непонятны.

– Из-за родителей. Они оба – преподаватели математики, и я должна продолжить их дело. Поступая, я руководствовалась надеждами на наследственную тягу к точным наукам, но, как оказалось, мои способности крайне скромны.

– Будь они скромны, ты была бы исключена еще на первом курсе, – заметил я. – Все не так плохо, как кажется на первый взгляд.

– Может, я преувеличиваю, но, в любом случае, таких способностей, как у родителей у меня нет. До третьего курса у меня не было проблем в этой области, но теперь я осознаю, что мои знания исчерпались. Да и... – Она замолчала и нахмурилась.

– Что? – подбодрил ее я.

– Гуманитарные предметы мне больше по душе, – призналась Вайпер, опустив взгляд на стол. Она словно стыдилась того, что подвела ожидания родителей.

– Иногда родители бывают эгоистичны, – тихо сказал я. Мне было жаль ее.

– Ты неправильно меня понял! – воскликнула девушка, вновь взглянув на меня. – У меня замечательные родители! Поступить сюда было моим решением, хотя родители предоставили мне полное право выбора и даже отговаривали, узнав, что я решила поступать на физико-математический! Это не их эгоизм. Это – моя ошибка.

Я слишком долго жил, чтобы не разбираться в людях и их истинных мотивах поступить так и не иначе. Вайпер очень любила своих родителей, поэтому перекладывала всю вину на свои плечи. Она стала жертвой любви к родителям, и, как бы не уверяла меня в обратном, именно родители сделали за нее выбор. Негласно, но явственно. Передо мной сидела простая, серьезная девушка, которая ради мечты своих родителей пожертвовала своей. Сейчас она не понимала этого, но обязательно поймет позже, когда повзрослеет, и будет жалеть о своем выборе. Нет. Она уже жалеет.

– И каков твой любимый предмет? – поинтересовался я.

– Я очень люблю литературу, – ответила она и вдруг слегка смутилась. – Но, может, теперь ты расскажешь что-нибудь о себе? Ты словно нарочно допрашиваешь меня.

– Извини, если создалось такое впечатление. Просто я не думаю, что хоть чем-то интересен. Я прекрасно разбираюсь в точных науках, живу с родителями и братом. И, думаю, мне хотелось бы стать... – Я задумался. – Летчиком.

Вайпер поняла мой сарказм. Убрав упавшую на ее лоб прядь волос, она недоверчиво, но с улыбкой, взглянула на меня.

– Хорошая профессия. Но, вижу, ты не торопишься им стать. Неужели ты еще не определился с выбором профессии?

«Если бы ты знала, какую профессию я занимаю по праву рождения! Я охотник!» – подумал я, в душе мрачно улыбнувшись своим мыслям.

– Я пока не думал об этом, – вместо этого сказал я. – Впереди еще целая жизнь. У меня еще будет время определиться, чего я хочу.

У меня уж точно. Бесконечная жизнь.

Вайпер промолчала и взглянула на часы.

– Извини, мне нужно бежать, – вдруг сказала она и, поднявшись, взяла в охапку лежащие на столе учебники по физике, оказавшиеся на сегодняшней встрече совершенно ненужными и забытыми.

– Но до конца занятия еще десять минут, – с досадой сказал я, бросив взгляд на свои наручные часы.

– Знаю, но я могу опоздать на трамвай, – ответила она.

– Насколько я осведомлен, у них довольно частый маршрут, – сказал я, тот, кто никогда не терпел проблем с передвижением. Еще бы: легко быть мобильным, когда у тебя есть автомобиль!

Вайпер усмехнулась.

– Не совсем. Мне придется ждать следующий полчаса. Я живу не в центре и не могу позволить себе такую роскошь.

– Тогда нам следует назначить следующую встречу, – напомнил я. – Как ты на это смотришь? Когда?

Она задумчиво повесила сумку на плечо.

– В понедельник, в пять. Тебя устраивает?

– Абсолютно.

– Только не опаздывай, – с доброжелательной усмешкой сказала девушка и направилась сдавать учебники, после чего торопливо вышла из библиотеки.

Я остался сидеть в зале, мысленно воспроизводя в голове наш разговор, и отметил про себя, что, при всем моем презрении к смертным, эта девушка, Вайпер, показалась мне какой-то неземной. Я не чувствовал к ней ни капли презрения. Это было ново для меня, почти ошеломляюще – не презирать человека. Но Вайпер была славной смертной девушкой. А ее яркие глаза все еще стояли передо мной. Я поймал себя на этой мысли, но в этот раз не стал корить себя за слабость, ведь знал, что все произошедшее всего пару минут назад – обычная дань справедливости и ничего для меня не значило.

Глава 6

Я не верила самой себе.

Выходя из библиотеки и машинально забирая из гардероба пальто, я невольно размышляла о том, насколько приятным собеседником оказался ненавистный мне Седрик Морган. Да, он жутко опоздал, но все же... Я поняла, что ошибалась насчет него, и раз и навсегда решила не составлять о человеке никакого мнения, даже не поговорив с ним.

Впредь никакого предубеждения! Ведь я ошибалась, думала, Бог знает что, насчет Седрика, хотя ни разу не разговаривала с ним, и теперь мне было стыдно и перед ним, и перед самой собой. Конечно, он заставил меня одиноко маяться в библиотеке, но, когда пришел, несмотря на свое раздражение в его адрес, я отметила, что он несколько растерялся, но в ответ на мои язвительные речи, оставался вежливым. Когда мы, наконец, сели за стол, я присмотрелась к Седрику Моргану внимательнее. Я никогда раньше не видела его так близко, только издали, когда он шел по двору или поднимался по лестнице в университете, но я никогда не рассматривала его – это казалось мне неприличным. Сегодня же его облик предстал передо мной в полном свете. И меня настигло удивление: его кожа настолько белая... Именно белая, а не почти прозрачная, как бывает у светлокотых людей. И эта белая кожа, словно нарочно, подчеркивала его темные, почти черные, как смоль, волосы. До этого дня я всерьез считала, что Седрик – эгоист и что ему наплевать на других людей. Но сегодня Седрик невольно, сам того не зная, изменил мое мнение о себе. И это каким-то коротким разговором!

Наш разговор был недолгим, но я с трудом отводила глаза от красивого лица этого парня, словно он загипнотизировал меня взглядом своих холодных голубых глаз, напоминающих кусочки льда. И все же, несмотря на холодность, глаза Седрика излучали дружелюбие. А я все приказывала себе не смотреть на него так пристально... Мне никогда не нравились парни с волнистыми волосами, но довольно длинные и слегка растрепанные волосы Седрика подходили его холодному отчужденному облику просто идеально. Должна признаться, я никогда не видела таких красивых людей, как он. Надеюсь, он не заметил того, что я разглядывала его. Да я и не хотела разглядывать его, скорее, это вышло совершенно случайно: во время беседы, я всегда смотрю на собеседника – это признак внимания.

Через два дня, в понедельник, должна была состояться наша следующая встреча, и я надеялась, что за выходные подготовлю себя к тому, что присутствие Седрика Моргана не будет вводить меня в легкий ступор, как это случилось на нашем первом занятии. Я должна помнить о том, что встречаюсь с Седриком только из-за программы и не более.

Теперь я понимала, почему у этого отчужденного парня было столько поклонниц: он словно притягивал к себе, и в то же время отталкивал. Нет, я не одна из этих дурочек, а просто отмечаю этот факт – справедливо и незаинтересованно. А может, я несколько лукавлю перед самой собой...

Но больше никаких дифирамбов! Просто честно признаюсь себе в том, что, на самом деле, Седрик Морган – обаятельный молодой человек. Признаюсь, что мне было трудно разговаривать с ним: я боялась, что мой голос задрожит, поэтому пыталась быть краткой и следить за тем, чтобы не рассказывать о себе слишком много. Но это было вначале нашего разговора: когда дело коснулось физики, во мне вдруг проснулось удивительное спокойствие, будто я знала Седрика всю жизнь.

Когда я дошла до нужной остановки, чтобы подождать свой трамвай, я вдруг увидела черную «Тойоту» с тонированными стеклами – она бешено пронеслась мимо, и стоящие рядом со мной люди неодобрительно заворчали. Моя первая мысль была о том, что этот лихач – настоящий псих, но... Точно такой же автомобиль есть у Седрика Моргана. И он так гоняет? Сумасшедший. Хотя, может, это был и не Седрик, ведь его «Тойота» – не единственная в Праге.

Вскоре подошел мой трамвай. Проехав восемь кварталов, я оказалась в знакомом районе, где снимала квартиру. Я любила время, когда, сидя в трамвае, ехала на учебу и обратно. В эти долгие минуты я размышляла и мечтала. Музыка я не слушала, но мне ничуть не приходилось скучать: я наслаждалась своими размышлениями или хорошей книгой.

Вот и мой дом. Я медленно поднялась на четвертый этаж старенького здания, все еще блиставшего своей старинной архитектурой, но уже нуждающегося в реставрации. Лифта в доме не было. Казалось, дом стоял неприкосновенным с тех пор, как его возвели сто или больше лет назад. Покопавшись в сумке, я достала ключ и отперла дверь своей небольшой квартиры, которую снимала третий год подряд, и которая дорого мне обходилась. Родители переводили мне деньги, но это мало помогало моим нуждам, ведь почти все они уходило на оплату квартиры. Иногда я подрабатывала в кафе, но эти деньги не помогали моему положению. К счастью, довольно высокая стипендия спасала меня: получив ее, я откладывала суммы на питание, трамвай, ксерокс – на это уходила большая половина средств, но на оставшиеся деньги я покупала себе книги и всякую приятную, нужную мелочь. Некоторую сумму я тратила на приобретение одежды, но это случалось довольно редко.

Мой гардероб был весьма скромен: моя верхняя осенняя и зимняя одежда состояла из длинной шерстяной кофты и черного пальто, в котором я частенько прогуливалась вечером. Несмотря на то, что я была студенткой Пражского университета, что предполагало деликатный вкус в выборе одежды, мой гардероб не отличался разнообразием, так как я имела невообразимую любовь к темным цветам. Но моя одежда подходила моему настроению: я часто пребывала в серьезной задумчивости или просто в ровном настроении. Косметика меня не привлекала, и из всего ее разнообразия я использовала только черную тушь для ресниц и бледно-бронзовые тени, хотя однокурсницы утверждали, что мне следует скрывать мои бледные губы под слоем яркой губной помады, что мне следует сделать химическую завивку, потому что мои натуральные прямые волосы абсолютно мне не идут... И еще тысячи мелочей, на которые я не обращала внимание.

Зайдя в миниатюрную прихожую, я сняла пальто, аккуратно повесила его на плечики в шкаф-купе и, бросив сумку на старенький матерчатый диван, с наслаждением сняла осенние полусапожки, после чего направилась напрямиком в кухню, чтобы поставить чайник на огонь: мне ужасно хотелось кофе.

После вечернего кофе начиналась ежедневная студенческая рутина: подготовка семинаров, рефератов, докладов, самостоятельное изучение тем... И, хотя в этот вечер я могла сделать все и сразу, но решила не нагружать свой усталый разум, а сделать задания поэтапно. Учеба – учебой, но отдых тоже никто не отменял. Да и разве в пресыщенном информацией и волнениями мозгу закрепиться хоть что-нибудь толковое? Но я вдруг зачем-то вспоминала о том, что скоро наступит понедельник, и знание этого неизбежного события заставляло меня волноваться о том, что, при встрече с Седриком, мой голос повысится до второго сопрано.

Нет, довольно думать об этом! Это всего лишь Седрик Морган. И ведь впереди – два дня выходных. Но эти два дня пролетели совершенно незаметно, и вместо того, чтобы укрепляться в своей силе воли, в своих мыслях я возвращалась к беседе с Седриком.

Понедельник пролетел как одна секунда. На лекциях я была невнимательной, не могла сосредоточиться на рассказе лектора, и меня даже пару раз спросили, хорошо ли я себя чувствую. Перемены проходили еще хуже: мои однокурсницы, знающие о том, что я занимаюсь с Седриком, и том, что у нас уже было занятие, брали меня в настоящую осаду и терроризировали вопросами, требуя рассказать, как все прошло, о чем мы разговаривали, как Седрик смотрел на меня и даже с какой интонацией говорил. Просто балаган какой-то! Да и я не помнила о таких мелочах, ведь все мои мысли и усилия были направлены на то, чтобы заставить себя не смотреть на него.

Из-за боязни вновь оказаться под вниманием сплетниц, едва закончилась последняя пара (дополнительная, по физике, для тех, кто плохо понял предыдущую лекцию), я буквально вылетела из аудитории и направилась в библиотеку. Было без трех минут пять, и в этот раз опоздать могла я, а опаздывать мне жутко не хотелось. Я почти вбежала в библиотеку и, окинув взглядом зал, увидела Седрика, сидящего за нашим столом и читающего книгу.

Я быстро подошла к столу.

– Привет! – приветливо сказала я Седрику, тяжело дыша после быстрой ходьбы по длинным коридорам и лестницам университета.

– Привет. Не следовало так торопиться, – с легкой усмешкой сказал Седрик, оторвавшись от своей книги и взглянув на меня.

– У меня был сумасшедший день, – объяснила я, доставая нужный мне учебник по физике. – Поставили дополнительную пару, но я не хотела опаздывать. Я пунктуальна до тошноты.

– Я вижу, – вновь с усмешкой отозвался Седрик.

Сегодня он был одет чрезвычайно просто и не напоминал щеголя, как в первую нашу беседу.

– Что читаешь? – спросила я: мне действительно было любопытно, что за книгу он читал так жадно.

Седрик закрыл книгу и показал мне лицевую ее обложку.

– Бодлер? – искренне удивилась я. – В первый раз вижу парня, который любит поэзию Бодлера.

Мне казалось, что такие парни, как Седрик Морган, вообще не интересуются литературой и поэзией. А он читал «Цветы Зла» Шарля Бодлера. В оригинале.

Седрик прищурил глаза и положил книгу на стол.

– Тебя это удивляет? – насмешливым тоном спросил он. Его глаза зажглись ледяным светом.

– Если честно, то очень, – ответила я, вдруг ощутив, как по моей коже пробежал холодок от его ледяного взгляда.

– Почему же?

– Представители сильного пола редко читают поэзию, так как большинство считает это «не мужским» делом. А те мужчины, которым поэзия по душе, редко предпочитают Бодлера и находят его стихи непонятными и слишком мрачными.

– Вот как, – насмешливо изрек он, складывая руки на груди и презрительно глядя на меня. От его кусачего взгляда моя душа содрогнулась. – Решила блеснуть умом? Но вместо ума ты показала лишь то, что ничего не знаешь о мужчинах и размышляешь, как наивная дурочка.

Я не поверила своим ушам. Я была поражена. Настолько поражена, что не сразу смогла найти слова, чтобы ответить на его открытое хамство. На его оскорбление. Мои руки задрожали. А Седрик продолжал сидеть и убивать меня своим ядовитым взглядом.

– Однако, ты хам! – тихо сказала я, стараясь не выдать голосом свое волнение. – Видимо, тебе не в первый раз приходится оскорблять женщину?

– Я оскорбляю только тогда, когда собеседник этого заслуживает, – последовал его спокойный, но строгий ответ.

Дар речи покинул меня окончательно. Я изумленным взглядом смотрела на сидящего передо мной хама, которого совсем недавно оправдала в своих же глазах, и не могла найти ни сил, ни ловкости на достойный ответ. Я была права с самого начала, но потеряла бдительность из-за его потрясающего актерского мастерства. Глупая! Дала себя обмануть!

– Вот, значит, как. Что ж, к счастью, меня, в отличие от тебя, воспитали хорошо, поэтому я не буду отвечать на оскорбление оскорблением и опускаться до твоего уровня. Можешь упи-

ваться гордостью: тебе удалось оскорбить меня совершенно безнаказанно, – таким же ледяным тоном сказала я.

Мое настроение упало. Я думала лишь о том, как ошиблась, приняв Седрика Моргана за порядочного милого парня. Но он показал свое истинное лицо. И вдруг до меня дошел весь ужас моего положения: мне придется заниматься с этим мерзавцем до зимней сессии. Три месяца, почти каждый день видеть это холодное гордое лицо, эти глаза, похожие на куски льда, и ощущать на себе этот презрительный взгляд.

Седрик усмехнулся мерзкой улыбочкой.

– Если твоё воспитание так идеально, то ты должна знать, что вмешиваться в чужие дела, значит – копать себе могилу, – ответил он на мою тираду.

– Если один вопрос о поэзии кажется тебе вмешательством в твои дела, то не волнуйся: я никогда и ни о чем тебя не спрошу, – мрачно пообещала я. – А теперь не будем терять время и займемся физикой.

С очередной усмешкой Седрик взял в руки мой учебник.

– И что из этого материала тебе не понятно?

– Параграф шестнадцать, – коротко ответила я. Мне был неприятен его голос.

– Что здесь сложного? Это материал повторения второго курса, – пробормотал он себе под нос, и уголки его губ приподнялись в новой насмешке надо мной.

Крепко вцепившись пальцами в тетрадь, так, что побелели костяшки, я попыталась успокоить себя мыслью о том, что скоро эта попытка закончится. И что Морган недостойн того, чтобы из-за него я превратилась в такую же хамку, как он сам. Не дождется!

Все полтора часа занятия я чувствовала себя ужасно. Ужасно маленькой и глупой. Седрик терпеливо объяснял мне материал, но я чувствовала его презрение в каждом его слове, взгляде, жесте, однако и виду не подавала. Но, оказалось, моя сила воли была не так сильна, как я на то надеялась, и меня вдруг пронзило осознание того, что из объяснений Седрика я не слышу и не понимаю ничего, а лишь стараюсь сохранять невозмутимый вид. Но мои нервы начали сдавать. Я глубоко вздохнула и закрыла лицо ладонями.

– Извини, Седрик. Ты хорошо объясняешь, но я ничего не понимаю. Думай обо мне, что хочешь! – вырвался у меня возглас отчаяния.

Открыв лицо, я увидела, что Седрик внимательно смотрит на меня. И в его взгляде промелькнуло что-то странное. Наверняка, очередная насмешка.

«Чертов ректор! Чертов университет! Чертова программа!» – мысленно крикнула я.

– Думаю, наша встреча подошла к концу! – С этими словами я поднялась со стула и начала бросать вещи в сумку.

Седрик молча смотрел на меня холодным взглядом.

Едва выйдя из библиотеки, я тут же почувствовала моральное облегчение и вспомнила о том, что мы с Морганом не договорились о следующей встрече.

Черт с ней! Черт с этими занятиями и физикой! Черт с этим хамом Седриком! Пошло все это к чертовой матери!

На глаза навернулись слезы. Мне хотелось заплакать от мысли, как несправедлива жизнь. Почему, когда пытаешься быть со всеми вежлив, получаешь в ответ лишь грубость? Пытаешься проявить участие, а вместо благодарности или дружелюбия получаешь оскорбление? Но нет! Я не буду плакать! Я не слабонервная девица, которая плачет из-за того, что какой-то паршивец обозвал ее тупицей и наивной дурочкой! Ведь, если я заплачу, – это будет смешно! Ведь потом я устыжусь своей слабости...

Эти мысли помогли мне прогнать слезы, и я перешла к анализу своих действий, ища причину грубости Седрика: или грубость – свойство его характера, или же я чем-то его зацепила. Но чем? Я всего лишь удивилась тому, что Морган читает Бодлера. Это ли не оскорбление для него?! Что я посмела усомниться в его высоком литературном вкусе?

«Я больше никогда не встречу с ним. Никогда. Он грубиян и гордец! – думала я, бодро шагая к остановке. – Но я сама виновата! Сама позволила себе ошибиться и наделить Седрика Моргана качествами, которых у него нет и никогда не было. Это тебе урок, Вайпер: не открывай никому свои мысли и не прельщайся красивой внешностью! Потому что за ней может прятаться чудовище. Как этот Седрик».

Свежий воздух и ходьба помогли мне: я уже не чувствовала в груди то жжение, что охватило меня от оскорбления Моргана. Я села в трамвай и размышляла, искала способ, с помощью которого смогла бы отказаться от «помощи» Седрика и никогда больше не видеть его. Я мысленно перебирала идеи, анализировала возможные последствия, как вдруг увидела выход, не совсем легальный, но позволяющий мне не вмешивать в это дело руководство университета. Странно, почему я не догадалась об этом раньше? И, в первый раз за последние три, дня я вздохнула с облегчением.

На следующий же день после первой пары, я попросила свою подругу Юлию поменяться со мной местами.

– Поменяться! – с радостным и удивленным возгласом ответила она (хотя радости было больше, чем удивления). – В смысле, я буду заниматься с красавчиком Седриком, а ты с моей занудой-зубрилой? Ты еще спрашиваешь?!

Юлия светилась от счастья, а я, наверно, тоже, от радости, что избавлюсь от общества хама Моргана и оттого, что подруга выразила полное и такое бурное согласие.

– Ну, так договорились? – уточнила я.

– Я согласна! Вайпер, ты просто чудо!

Я довольно улыбнулась, а подруга, в знак благодарности, чмокнула меня в обе щеки.

С моей души словно упал огромный камень: мне сразу стала легко и радостно от мысли, что я больше не увижу Седрика Моргана.

– Тебе нужно будет договариваться с ним? Он знает о том, что ты собираешься поменяться со мной? – вдруг нахмурилась Юлия.

– Поверь, ему будет только приятно! Он не хочет со мной заниматься. Так что, он будет только рад, – ответила я, совершенно уверенная в своих словах.

– Это просто великолепно! – Юлия была в восторге, но вдруг тихо добавила: – Но почему он не хочет с тобой заниматься? Он сам сказал тебе об этом?

– Нет, он этого не говорил, но я это знаю. Он меня на дух не переносит.

– Почему?

– Мы не сошлись характерами.

– Ты так говоришь... Он что, так плохо помогает, или, может, приставал к тебе? – допытывалась моя подруга.

Я весело рассмеялась от этого предположения и от самой мысли о том, что Седрик Морган когда-нибудь снизойдет своим вниманием до девушки вроде меня, да еще и с приставаниями.

– Нет, что ты! Просто он всеми силами показывал мне, насколько я ему неприятна и как глупа по сравнению с ним! Тем более, ты же знаешь, что он никогда мне не нравился, – весело ответила я на глупый вопрос подруги.

– А я уверена, что Седрик – лапочка! Может, он отнесся к тебе по-свински, но со мной все будет иначе! – с решительным видом твердо сказала на это Юлия.

– Наверно, я просто ненормальная, – предположила я.

– Нет, ты просто очень странная. Не хочешь быть рядом с Седриком? Да еще и имея такую возможность? Уверена, что потом не пожалеешь о своем решении?

– Нет уж!

– И не будешь просить поменяться обратно?

– Клянусь!

– Что ж, тогда договорились! Я безумно рада! Но мне нужно бежать на пару... Значит, так: твоя встреча с моей, то есть, теперь твоей занудой состоится сегодня в библиотеке, в пять, столик №4.

– Отлично!

– А когда я встречаюсь с Седриком?

– Ох, кажется, я забыла договориться с ним о встрече, – нахмурилась я. – Но я сегодня же узнаю, где и когда, и передам тебе.

– Великолепно! Жду твоего звонка! – Юлия чмокнула меня в щеку и легким красивым шагом пошла в аудиторию.

Я была чрезвычайно довольна. Осталось только каким-то образом договориться с Седриком о встрече. Но и этот вопрос разрешился сам собой: Морган сам передал мне записку через моего однокурсника.

«Сегодня не получится. Завтра в пять, там же» – гласила записка, написанная красивым твердым почерком. Кратко и бездушно.

«Он всерьез думает, что я хочу встретиться с ним еще раз? Он еще и самоуверен как осел!» – недовольно подумала я, комкая записку и насмешливо улыбаясь.

Нет, Седрик. Мы никогда больше не увидимся. Ты никогда больше не ранишь меня.

Я написала Юле сообщение: завтра в пять, стол № 8.

В пять часов я была в библиотеке. Моим новым «другом» оказалась приятная умная девушка с шестого курса – Марит. Она немного удивилась, увидев, что вместо Юлии за ее стол села я, но я убедила ее в том, что это воля руководства. Марит улыбнулась мне приветливой улыбкой, и мы начали занятие.

Как отличалось занятие с Марит от вчерашнего занятия с Седриком! Эта милая и дружелюбная девушка, как могла, старалась помочь мне. Кроме того, в отличие от Моргана, она не давила на меня и не относилась ко мне как к глупой маленькой девочке. С Морганом я чувствовала только дискомфорт, тревогу и волнение. И это, не говоря о ледяном презрительном взгляде, которым он смотрел на меня! А с Марит мне было интересно, комфортно и спокойно. Я была крайне довольна тем, что смогла все это пережить. Мне не было страшно за Юлию, потому что она была настолько обаятельной и красивой, что могла растопить даже ледяное сердце Моргана.

После занятий я отправилась домой. Как ни странно, я очень устала, но радость того, что я избавилась от ненавистного мне мерзавца, поднимала мне настроение и согревала мою душу, и я бодро шагала на остановку.

Прощай навсегда, Седрик Морган!

Глава 7

Не знаю, что нашло на меня вчера. Отчего я так взбесился и сорвался на Вайпер? На это у меня не было ни малейших причин. Но факт остается фактом: я сорвал на девушке свой гнев, оскорбил и унизил ее. Из-за чего я так завелся? Из-за того, что она поинтересовалась книгой, которую я читал? Да ведь это смешно! Из-за такой мелочи, которая не тянула даже на намек насмешки или оскорбления в мою сторону, я стал вести себя как невоспитанный грубиян. Я видел растерянность, удивление, даже боль в ее глазах, когда с моих губ сорвались грубые слова в ее адрес. Мой голос был ледяным и черствым. Обычно, так грубо и холодно я разговариваю лишь со смертными, желая отпугнуть их. Видимо, это поведение настолько вошло мне в привычку, что теперь я не мог вести себя иначе.

Целый день прошел в размышлениях о случившемся.

Почему я вел себя, как настоящей мерзавец? Желал оттолкнуть Вайпер?

«Должно быть, мне нужно извиниться» – пришел я к мысли. Но вдруг, из ниоткуда, раздался недовольный голос: «Извиниться? Перед какой-то смертной? Я должен просить прощения у этой глупой девчонки? Нет уж. С чего бы это. Откуда эта мягкость? Откуда такая идея? Она всего лишь смертная!».

Черт... Стоп! Что за резкая мысль? Откуда она взялась? Как только я начинал думать о Вайпер что-то доброжелательное, во мне тут же поднималась моя вампирская гордость. В этот раз я желал, чтобы моя гордость повиновалась приказу разума: мне следовало держать себя в руках и поступить порядочно. Да, я извинюсь перед Вайпер за свое свинское поведение... Нет, не будет никаких извинений! О чем я думаю? Люди не заслуживают никакого участия или сочувствия!

Вот, опять эти мысли! Что со мной происходит? У меня раздвоение личности? Или это мое вампирское естество борется с моей совестью? Но откуда у меня вдруг появилась совесть? У меня, кто ни разу в жизни ни перед кем не извинялся (родители и Маркус ни в счет) и относился к смертным с пренебрежением, что присуще высшим созданиям над низшими? Почему чувства и мнение Вайпер мне небезразличны? Ведь кто она? Смертная девчонка, которую я видел лишь несколько раз в своей жизни! Всего лишь пылинка в моей вечной вселенной.

Но вновь и вновь я прокручивал в голове события нашей последней встречи: я видел, что Вайпер не слушала меня, она была поглощена обидой, однако я монотонно продолжал объяснять ей материал, чтобы не видеть ее горящие обидой глаза. Состояние, в которое я ввергнул эту девушку, причиняло мне моральный дискомфорт, и я искал спасения в бессмысленных пересказах законов физики. Но, когда Вайпер устало закрыла лицо ладонями, во мне что-то оборвалось.

Меня никогда не волновало и не трогало то, что обо мне думают и вампиры, и люди. Но в тот момент я вдруг с ужасом подумал о том, что Вайпер ненавидит меня. А когда она стала молча собирать свои вещи, готовясь покинуть меня, я молчал. Я не смел упасть в своих же глазах, попросив у нее прощения. Теперь мысли о Вайпер мучили меня. Возможно, она считает меня сукиным сыном, моральным уродом, или еще что похуже.

По неизвестной мне самому причине, я с нетерпением ожидал очередной встречи с Вайпер. Так как девушка не назначила ее, я сам передал моей подопечной записку через третьи руки.

В назначенное время я сидел в библиотеке и ждал появления Вайпер. Было уже шесть ноль две, но девушка не появлялась, что было несвойственно ей, учитывая ее тошнотворную пунктуальность, как она сама выразилась ранее. Весь зал был занят другими парами студентов – жертвами экспериментальной программы ректора.

Когда дверь библиотеки в очередной раз открылась, я вновь впился в нее взглядом, ожидая появления Вайпер. Но вместо нее появилась другая девушка: она осмотрела зал, и, увидев меня, решительным шагом направилась ко мне и села напротив. Красивая светловолосая смертная с сияющей широкой улыбкой.

«Это еще кто?» – недовольно подумал я, вперив в нее хмурый взгляд, но девушка словно не замечала моего взгляда и продолжала улыбаться.

– Привет! – весело сказала она, протягивая мне руку. – Я Юлия Новак, твоя новая подопечная! Но ты можешь не представляться – я знаю тебя! Ты Седрик Морган!

Я сделал вид, будто не замечаю ее протянутой руки.

Новая подопечная? Что за шутки?

– Насколько я помню, я занимаюсь с Вайпер Владинович, – коротко бросил я. Непонимание происходящего злило меня.

– Да, я знаю, ты занимался с ней, но все изменилось, и теперь твоя подопечная – я, – все еще улыбаясь, уверенно сказала девушка.

– Занятно. Кто решил? – холодно спросил я, обдавая Юлию ледяным взглядом.

– Мы с ней поменялись, – объяснила она. Ее улыбка постепенно угасала. – Она уже занималась с новым «другом», и, по-моему, они хорошо поладили. Впрочем, я уверена, что и мы найдем общий язык.

– Поменялись? – тихо переспросил я.

Поменялись? Менять можно вещи, но не людей... В моем случае – меня. Поменялись. Я был взбешен. Как могла эта девчонка Вайпер посметь сделать это? Поменять меня, как наскучивший ей предмет, вещь! Что она о себе возомнила, эта тупица?

– Вайпер попросила меня поменяться с ней, потому что... Она сказала, что вы не поладили, и что тебе все равно... – хлопая ресницами, начала лепетать Юлия.

– Называй все своими именами: она просто не хочет со мной заниматься! – насмешливо перебил ее я.

Так вот, в чем причина! Вайпер струсила и за моей спиной просто поменяла меня. Как вещь. Разочарование и злость на эту смертную тут же залили мою душу.

– Передай своей подруге, что, если она действительно хочет продолжать учиться и получать стипендию, то ей не следует менять меня на кого-то, так же, как и отказываться от занятий со мной, – тихим злым голосом сказал я.

Юлия промолчала, но ее прежде светящиеся дружелюбием глаза сменились светом раздражения и обиды.

Я молча поднялся из-за стола, закинул на плечо рюкзак и направился к выходу, услышав, как Юлия прошептала себе под нос: «Вот псих!». Меня охватила такая жгучая злость, что, попадись Вайпер мне на глаза, я с удовольствием бы разбил ее, сломал. Убил. Проходя мимо студентов, я опускал голову, чтобы не были видны мои сияющие яростью глаза. Презрение к Вайпер заполнило все мое существо. Надо же, а я еще хотел извиниться! Перед кем? Перед этой трусихой? Которая исподтишка поменяла меня как вещь? Теперь – никогда. Я не позволю какой-то малолетней глупой смертной девчонке пренебрегать мною и обходиться как с вещью! Она получит отменный урок.

Да, я мог бы заниматься с Юлией – она довольно красива. Но, черт подери, я не желал проводить время в ее назойливом обществе. Я чувствовал в ней неограниченное высокомерие: она считала себя королевой, мнение и приказы которой – обязательны. Вайпер же – мягкая, женственная, но в то же время несколько холодная. «И трусливая» – насмешливо подумал я. Ее необычная красота привлекала намного больше, чем идеальный облик Юлии.

К моему собственному удивлению, несмотря на весь свой негатив в адрес Вайпер Владинович, я хотел видеть ее. Она вызвала у меня бурю негодования, но я искал встречи с ней. По какой такой причине? Я должен презирать ее! Нет, я уже презираю ее!

На следующий день я увидел эту особу. Она разговаривала с Юлией. Точнее, та упрекала ее за идею поменяться и обвиняла в том, что поставила ее, Юлию, бедную, ни в чем неповинную овечку в неловкое положение, а затем принялась жаловаться на меня. Вайпер стояла у большого окна, облокотившись на подоконник. Ее лицо было хмурым и напряженным. Она молча выслушивала обвинения подруги, но вдруг закрыла глаза ладонью.

– Мне очень жаль! Поверь, я не хотела подставлять тебя! Я действительно верила, что он ненавидит именно меня! Но, оказалось, он вселенский человеконенавистник! И что мне теперь делать? Придется получить разгром от ректора... Я откажусь от этой программы. В голове не укладывается, как этот Морган может быть таким хамом! Бессовестный и бесчувственный гордец! – с отчаянием сказала она.

Эти слова заставили меня мрачно усмехнуться: да, она действительно оскорблена! Но я был оскорблен ее действиями вдвое больше и желал преподнести ей урок. Пусть зарубит себе на носу, что конфликтовать со мной – очень плохая идея.

Я направился к подружкам. Первой мое приближение заметила Юлия – она толкнула подругу в плечо и многозначительно взглянула на меня. Вайпер поспешно отняла руку от глаз и, сперва с удивлением, а затем с ненавистью взглянула на меня.

Словно предоставляя подруге шанс разобраться со мной, Юлия поспешно удалилась, а Вайпер, скрестив руки на груди и испепеляя меня взглядом, наблюдала за моим приближением. Когда я подошел к ней, она смело смотрела мне в лицо, не пряча своих блестящих глаз.

– Что это было? – осведомился я, глядя на Вайпер сверху вниз, как учитель на ученика. В этот момент я с трудом сдерживал себя от того, чтобы не наорать на нее или причинить ей физическую боль. Или убить.

– Это была моя попытка избавиться от твоего общества! – сердито выпалила девушка. – Но раз и это не помогло – я воспользуюсь запасным выходом!

– Думаешь, это лучший выход из сложившейся ситуации? – насмешливо сказал я. – Из-за одной мизерной неприятной размолвки ты трусливо убегаешь в кусты!

– У меня есть на это много причин!

– Как интересно. Что ж, огласи!

– Ты считаешь, что тебе позволено оскорблять и хамить другим людям! Ты – высокомерный и эгоистичный тип, и ты ясно дал мне понять, что ты презираешь меня и как личность, и как особу женского пола! – буркнула Вайпер.

Я удивленно приподнял брови. И это о ней я так хорошо думал, при первой нашей встрече в библиотеке? Узость ее мыслей и суждений неприятно поразила меня.

– Давай, скажи, что я ошибаюсь! Я ведь всегда ошибаюсь и ничего не понимаю в людях. А впрочем, как я могу? Я всего лишь наивная дурочка! – насмешливо добавила она. – К чему сейчас это представление? Я не желаю заниматься с тобой, ты брезгуешь заниматься со мной, так давай же...

– Почему ты решила, что я брезгую с тобой заниматься? – перебил ее я, стараясь задать этот вопрос как можно спокойнее.

– О, нет, ты не сделал ничего, чтобы оттолкнуть меня от себя! Пеняй все на мое богатое воображение! – огрызнулась Вайпер.

– Нет, уж, объясни мне, откуда у тебя такие мысли. – Я был в бешенстве от ее насмешливого тона и от того, как упрямо она держалась за свои заблуждения.

– Хочешь знать?

– Умираю от любопытства.

– Ты с первой же нашей встречи дал мне понять, что я никто, а тебя просто насильно заставили заниматься со мной. Унизили твою чрезмерную гордость. И твое опоздание было нарочным! Господи, я поняла это только сейчас, ведь ты настолько потрясающий лгун, что

заставил меня поверить тебе и чувствовать себя виноватой за мои резкие слова! А сейчас я понимаю, насколько они были справедливы! – тихо, но твердо сказала она.

– Это все? – осведомился я.

– Ты высокомерен и эгоистичен. Я не могу этого выносить. Ты смотришь на меня презрительно, как на таракана, заставляешь меня чувствовать себя ничтожной и глупой. В тебе нет ни капли человечности! Все, чем ты наполнен – презрение к людям!

– Я был о тебе лучшего мнения, – презрительно усмехнувшись, сказал я. – А ты оказалась обычной трусихой.

– Лучше быть трусихой, чем таким монстром как ты!

От ее слов у меня перехватило дыхание.

Вайпер смотрела мне прямо в глаза, и мне вдруг показалось, что она знала о том, кто я, знала мою тайну.

– *Monstro in frontum, monstro in anima*. Но ты скрываешь свое истинное лицо за красивой оболочкой и обманываешь людей, – тихо сказала Вайпер. Сама того не зная, она назвала мою истинную сущность.

Ведь она была абсолютно права: я был монстром.

– Я думал, что ты смелее, но, вижу, что ошибся, раз при первой же ссоре ты поступаешь так глупо, – мрачно сказал я.

– А я думала, что ты лучше того, кем оказался на самом деле, – горько сказала Вайпер. Ее лицо побледнело. – И, может, я не так умна, как ты, но я не заслужила твоих оскорблений, – прошептала она, опустив голову.

Поняв, насколько мои грубые слова и мое поведение обидели Вайпер, я почувствовал душевный дискомфорт.

Вайпер подняла на меня взгляд, и я вновь увидел в нем ту же боль, что отразилась в ее глазах в тот миг, когда я обидел ее. В эту секунду я осознал, как сильно заблуждался насчет нее, думая, что она слаба духом и боится борьбы. Сейчас я чувствовал: ее воздушная душа не смогла стерпеть оскорблений, которым я совершенно незаслуженно ранил ее. Это была моя вина, и я не желал перекладывать ее на хрупкие плечи этой смертной девушки. Я умею признавать свои ошибки. Меня объяли сожаление и стыд за свои заблуждения. И в этот раз вампирская гордость не заглушала во мне голос разума.

– Извини меня, – неожиданно для самого себя, сказал я.

В глазах Вайпер сверкнуло искреннее удивление.

– Я действительно люблю творчество Бодлера и часто перечитываю его, чтобы не забыть в своей памяти, – поспешил сообщить я.

– Чем тебе нравится его поэзия? Я хотела узнать только это, а ты воспринял мой вопрос таким образом! – тихо сказала Вайпер, чуть нахмурившись.

– Он писал правду. Как ты и сказала, в его стихах присутствует мрак, хотя, нет, они просто пропитаны им, но этот мрак не отталкивает, наоборот – окутывает разум красотой, меланхолией и величием. Читая Бодлера, я невольно думаю о бренности мира и о том, какая красота скрывается там, где людям не суждено ее увидеть, потому что они слепы и не желают видеть прекрасное.

Зачем я все это говорю? Чтобы заслужить благосклонность Вайпер? Смертной?

Какой позор.

– И, чтобы услышать это, сначала мне необходимо было выслушать твои оскорбления? – грустно спросила она.

– Приношу тебе свои извинения за мое невообразимое и недостойное поведение, – еще раз извинился я.

Сколько уже можно повторять ей эти слова? И сколько раз мне еще придется их повторить, чтобы Вайпер простила меня? Почему я так жажду ее прощения?

- Чем я так разозлила тебя? – поинтересовалась девушка
- Я не знаю. Должно быть, у меня было дурное расположение духа, – сказал я.
- Это была правда. Я и сам не знал ответ на этот вопрос.
- Значит, ты очень вспыльчивый? Но почему ты считаешь, что тебе позволено срывать на окружающих людях?
- Я способен контролировать свои эмоции.
- Боже, что я делаю? Уговариваю смертную девчонку не отказываться от занятий со мной!
- И поэтому ты нагрубил Юлии?
- Вот черт. Как ловко она меня подловила!
- Ты устроила обмен за моей спиной. Согласись, не очень-то приятно, когда тебя меняют, как вещь, – в свою очередь, упрекнул ее я.
- Вайпер вдруг покраснела и опустила взгляд на пол.
- Да... Это было некрасиво с моей стороны, – тихо сказала она.
- В следующий раз, если между нами возникнут противоречия, мы будем решать их сразу и без вмешательства посторонних лиц, – настойчиво сказал я.
- В следующий раз? Ты думаешь, мы сможем заниматься вместе? – удивилась Вайпер.
- Почему нет?
- Хотя бы потому, что ты не можешь держать свою вспыльчивость при себе.
- Кажется, я уже сказал, что способен на самоконтроль? – спокойно и чуть насмешливо осведомился я.
- Да, я прекрасно слышала. Но сможешь ли ты гарантировать, что больше не будешь оскорблять меня и смотреть на меня таким презрительным взглядом?
- Я... обещаю держать себя в руках. – Я еле выдавил из себя это обещание, впервые в жизни пообещав что-то человеку, а перед этим дважды извинившись перед ним.
- Тогда я согласна продолжать наши занятия.
- Согласна? Как будто я просил ее об этом?
- Раз уж мы все выяснили, позволь мне спросить, каких еще поэтов ты предпочитаешь? – словно воспользовавшись случаем, вдруг спросила Вайпер.
- Гете, Шиллер, Лорд Байрон, Петрарка. О Бодлере я уже упоминал. Но, на самом деле, их много, трудно перечислить всех. Из литературы предпочитаю классику. А что читаешь ты?
- Классика – редкий гость на моей книжной полке. Я прочла кое-что из классики, но это скорее для саморазвития... На самом деле... Можешь считать меня наивной, но мне нравятся книги о вампирах. А из поэтов предпочитаю Лермонтова, ну, и Бодлера, конечно, – поделилась со мной девушка, тихонько посмеиваясь.
- Я не мог не усмехнуться. Если бы Вайпер только знала о том, что не наивна в своем увлечении книгами о нас, и что один из вампиров стоит рядом и ведет с ней беседу!
- Вампиры? Хороший выбор, – с усмешкой сказал я.
- Нет... Плохой. Мне следовало бы предпочитать более серьезную литературу... Увы, я слишком легкомысленна, – смущенно сказала Вайпер, вновь пряча от меня свои красивые глаза, словно стесняясь своего пристрастия к мистической литературе.
- Наоборот: ты слишком близко принимаешь все близко к сердцу, – тихо сказал я, желая, чтобы она не смела умалять своих достоинств. – Возможно, твоя душа слишком нежна для нашего жестокого материального мира. И тебе нечего стыдиться своих литературных вкусов.
- Да... Наверно, ты прав, – тихо отозвалась на это Вайпер.
- Как бы я ни старался, она чувствовала себя неловко. Возможно, моя усмешка, при ее упоминании о книгах про вампиров, ввела ее в заблуждение.
- Меня раздирали противоречивые чувства. В книгах, которые предпочитала читать Вайпер, вампиры всегда изображены романтическими героями, чей романтизм затмевает истинную жестокость нашей жизни. Всегда мрачные, но благородные, книжные вампиры остаются

в воображении смертных девушек идеалами, которых те никогда не могут найти в реальной жизни, ведь вампиры никогда не соприкасаются со смертными. Разве что, я вынужден, или, не стану лгать, сам не понимая зачем, искал общения с этой смертной. Но люди сделали из нас идолов. Неужели и Вайпер находится в этом глупом заблуждении?

– Я совершенно не верю в существование вампиров – сказал я, пытаюсь узнать у Вайпер ее отношение к нам.

– Честно говоря, я тоже. Не подумай, что я считаю их реальными – мне банально нравится сама атмосфера мистики... Хотя, конечно, это – субъективное мнение, ведь мы не можем утверждать, что вампиров не существует только потому, что мы их не видели. Ведь мы не видим Бога, но он есть, – серьезно отозвалась на мои слова Вайпер. – Но я не верю в вампиров. Скорее, я поверю в то, что Солнце крутится вокруг Земли... Ладно, не будем об этом. Я понимаю, что все это звучит странно и глупо, и глупо даже то, что мы обсуждаем эту тему.

– Как скажешь. Так что насчет следующей встречи? – спросил я, удовлетворенный сарказмом моей подопечной в адрес книг о вампирах и тем, что мне удалось убедить ее продолжать заниматься со мной.

– Ну... Может, завтра? – робко предложила она.

– Отлично, – без колебаний согласился я.

– Скоро будет звонок на пару. – Вайпер взглянула мне в глаза. – Давай так: в пять, там же. Тебя устроит?

– Конечно, – коротко ответил я, решив не задерживать ее.

– Тогда до завтра, – сказала девушка и, схватив свою сумку, не оборачиваясь, быстрым шагом скрылась за углом коридора.

Провожая Вайпер взглядом, я слегка усмехнулся. Странно, но воспоминания о том, что я извинился перед ней, смертной, причем дважды, заставили мою усмешку превратиться в еле заметную улыбку удивленного удовлетворения. Это было неправильно, ненужно. Противостоит. Но я не желал останавливать поток этих удивительных мыслей – они не угрожали мне. Я в любой момент мог отдалиться от Вайпер, без сожаления и ущерба для себя. Это так легко.

Глава 8

Не думал, что дойдет до примирения. Наоборот – я собирался вновь унижить и пристыдить Вайпер, но вышло так, что это я стоял перед ней, унижаясь и стыдясь своего поступка. Что-то необъяснимое толкнуло меня рассказать ей о моей любви к поэзии и даже объяснить причину этой любви. Зачем? Разве я должен что-то ей объяснять? Мой разум словно заснул: мое презрение к Вайпер улетучилось, и мне стало приятно ее общество, а ведь я всегда рьяно охранял свое личное пространство и свои мысли, предпочитая одиночество любому собеседнику. Мне нравился голос этой девушки – достаточно низкий, но мягкий и чарующий, словно проникающий в самую душу.

Полный этих мыслей я направился на следующую пару, но, удобно развалившись на своем стуле, я не слышал голоса преподавателя. О чем он говорил и как объяснял иероглифы, украшающие доску – было не важно. Я не мог сосредоточиться. Я смотрел на эту доску и видел на ней размытые силуэты, растекающиеся по ней, как акварель на мокрой бумаге.

Во второй половине дня выглянуло нежданное солнце, что принесло мне некоторые трудности. Натянув куртку, буквально на уши, и стараясь прятаться в тени, что отбрасывал университет, я стремительно пробрался к своему автомобилю. Когда я достиг его и положил ладонь на ручку дверцы, на мою кожу упал луч солнца, тотчас превративший мою ладонь из молодой и красивой в уродливую, старческую, пожелтевшую, как древний пергамент. Моментально оказавшись в машине, я насмешливо улыбнулся этому небольшому происшествию: к счастью, в этот момент рядом не оказалось свидетелей, которых мне пришлось бы устранять, чтобы никто никогда не узнал о том, что представляет собой Седрик Морган на самом деле.

Я приехал в замок, поставил авто в гараж и поднялся в главный зал, который служил нам гостиной и, изредка, столовой, когда мы, с кубками, полными свежей крови, сидели у огромного камина и вели беседы на самые разные темы.

Несмотря на то, что в моем распоряжении имелся личный вместительный флигель, в который мне приходилось идти через весь замок, я занимал в нем всего одну комнату. По пути, я редко встречал нежданных визитеров, так как большую часть времени замок пустовал. Присутствие шести слуг, перебивавшихся по замку потайными ходами, чтобы не мелькать перед хозяевами, стоящим внимания я не считал.

Для такого старинного, богатого и уважаемого рода, как Морганов, наличие лишь шести слуг было чем-то экстраординарным, из ряда вон выходящим. Однако мы прекрасно обходились таким их количеством, ведь с прогрессом науки и техники большую часть работы выполняли машины. Да, еще сто лет назад слуги делали все, и в те времена наши замки были заботой не менее чем пятидесяти слуг. Теперь же в них просто не было надобности. Естественно, слугами были не люди, а вампиры, не сумевшие найти свое место в жизни и предпочитающие подчиняться сильнейшим.

Замок Морганов был произведением искусства: готическая архитектура не позволяла уродовать себя крикливой позолотой и пышностью более поздних стилей. Строгость и простота – вот что бросалось в глаза многочисленным гостям нашей обители. Вездесущим украшением были ножки столов, стульев, соф и даже шкафов, представляющие собой лапы хищных животных. В каждой комнате имелись большие каменные каминные, которые охраняли каменные хищники, в каждой комнате – разные. Старинные канделябры, восковые свечи в которых давно были заменены электрическими, украшали стены вместе с гобеленами и тяжелыми большими картинами. Обстановка пахла средневековьем, но в ней не было мрака – ее освещал приглушенный мягкий свет, освещающий весь замок и спрятанный так искусно, что, казалось, стены светились изнутри.

Моя комната не отличалась разнообразием и роскошью и представляла собой огромное прямоугольное помещение, застеленное толстым мягким ковром, своим серым цветом сливавшимся с каменным полом. Здесь были деревянная кровать, стоящая скорее для вида, черный, несколько потертый письменный стол, удобный широкий диван, два больших кресла у резного камина, который охраняли две изогнутые каменные пантеры, моя огромная личная библиотека, располагающаяся на дубовых полках и тянущаяся по всему периметру стен от пола до потолка. Над камином висела большая картина в грубой дубовой раме, исполненная пастелью и изображающая суровый пейзаж норвежского фьорда, где наша семья жила около ста лет назад и который настолько врезался в мою память, что я нарисовал этот пейзаж просто по памяти. Тяжелые плотные черные шторы закрывали комнату от света и солнечных лучей – мне было неприятно видеть, каким чудовищем я стал за два с половиной столетия, поэтому шторы всегда были плотно закрыты. Это скудно обставленное помещение являлось моим личным пристанищем и местом истинного уединения, где я практически не знал беспокойства.

Я зашел в комнату, кинул рюкзак в угол, налил в железный кубок свежей крови и предался созерцанию танца огня в камине. Порой я думал о людях и удивлялся тому, насколько они несовершенны: и где они находят время на учебу, семинары, отдых и личную жизнь, если они каждые сутки нуждаются во сне и пище, причем не реже трех раз в день? Другое дело мы. Мы всегда полны сил и энергии. Мы не нуждаемся во сне, а лишь на пару секунд глубоко входим в глубины своего сознания, и этого хватает нам на целую неделю. Крови одной жертвы хватает минимум на три дня, максимум на неделю, в зависимости от закаленности организма.

Вечером я спустился в главный зал, где обнаружил родителей и Маркуса с его невестой: недавно Маришка переселилась к нам и стала законной обительницей замка и членом нашей семьи.

Мать и отец всегда сидели рядом: они очень любили друг друга и редко расставались. Смертные считали, что они – мои брат и сестра, так молоды и красивы они были.

Моя мать была коренной чешкой. Несмотря на то, что ей было уже за пятьсот лет, она была прекрасна: она обладала матово-белой, как снег, кожей, ее красивые длинные волнистые волосы темно-каштанового цвета поражали своей роскошью. Светло-карие глаза, четкая, нежно изогнутая линия бровей. Моя мать представляла собой удивительно красивую женщину, и никто из смертных не давал ей больше двадцати пяти лет.

Отец – истинный уроженец Туманного Альбиона, обладал такой же белой кожей, что и его супруга, но его черные, как уголь, волосы придавали ему несколько мрачноватый и чрезмерно аристократический вид. Его глаза – холодные, голубые, улыбались редко. В глазах смертных он был молодым великолепным мужчиной. А на самом деле ему было пятьсот семьдесят четыре года.

И только глаза выдавали истинный возраст моих родителей – они блестели знаниями и многовековой мудростью, и словно пронизывали сознание.

Маркус и Маришка сидели в дальнем углу и о чем-то шептались. У нас было принято не подслушивать друг друга, поэтому никто не обращал внимания на их конфиденциальную беседу. Точнее, любовное воркование.

Когда я вошел в зал, отец рассказывал матери об одном старинном друге, который в скором времени собирался погостить у нас пару дней. Эта новость не принесла мне радости: друзья приносили нашей семье одни неприятности. Почти каждый месяц кто-то из друзей отца или матери посещал наш замок, поодиночке или целыми кланами, и тогда приходилось совсем худо. Пражанам. Так как прокормить орду вампиров стоило немалых жертв, с первого же дня их пребывания пражские газеты трубили о том, что в Праге вновь завелся маньяк. Другие журналисты предполагали появления неизвестного хищника, убивающего людей в лесу. Некоторые вампиры вели себя чересчур открыто и нагло: несмотря на строгое предупреждение

не убивать без надобности, они убивали ради забавы. Я всегда был раздражен этим, но отец упрямо прощал этим отступникам, ссылаясь на многовековую дружбу.

Сев в одно из кресел, я погрузился в свои раздумья. В последнее время я ловил себя на мысли, что постоянно вспоминаю о Вайпер, что перед моими глазами возникает ее образ, что я слышу ее голос и думаю о встрече с ней. Эти размышления не приводили меня к определенному выводу, и, как бы строго я ни приказывал себе подавлять эти мысли, они возвращались вновь и вновь, заставляя меня беспокоиться о том, что я стал думать о человеке. Я размышлял, удивляясь самому себе, пока не услышал, как мать назвала мое имя – это вывело меня из плена моих мыслей.

– ... Седрику новую машину. Его старая развалина выводит меня из себя.

Все банально: мать вновь завела очередной ненужный разговор о том, что мне следует заменить автомобиль. До сегодняшнего дня мне удавалось защитить своего верного скромного друга, но сегодня, мыслями, я был далеко от этого зала, поэтому в этот раз не особо сопротивлялся настойчивому желанию матери сделать из меня «достойного вампира».

– Мы столько раз говорили с тобой об этом. Неужели, твой пыл все еще не остыл? – слабо улыбнулся я матери.

– Ты знаешь меня, дорогой: я буду настаивать до тех пор, пока ты не заменишь свою старую развалюху на более достойное транспортное средство! Ты – Морган! – горячо воскликнула мать, явно не собираясь уступить мне в этом споре.

– Что ж, повторю в сотый раз: мое авто меня устраивает, и расставаться с ним я не собираюсь.

– Но взгляни правде в глаза: она уже давно похожа на старую покрашенную банку. И мне стыдно за что, что мой сын ездит на такой старой и негодной к употреблению машине!

– Ты одна не можешь смириться с этим печальным фактом, потому что всех, кроме тебя, моя «Тойота» не раздражает, – с иронией сказал на это я.

– Мы просто молча терпим, – послышался издевательский голос Маркуса.

Я взглянул на отца, молчаливо прося его остудить материн пыл и заставить ее оставить меня в покое, но он лишь пожал плечами и обреченно усмехнулся.

– Отлично, похоже, все Морганы объединились против моего выбора, – усмехнулся я. – А что скажешь ты, Маришка?

– Я не могу идти наперекор мнению моего жениха! – весело ответила та.

– Вижу, мое мнение никого не интересует, – саркастически улыбнулся я.

– Конечно, интересует, но в данном случае, мнение большинства должно тебя образумить. – Маркус был в своем репертуаре: мы любили подшучивать друг над другом, а сегодня он был настоящей звездой пошлого юмористического шоу.

– Сегодня я была в автосалоне и присмотрела для тебя отличный вариант, – обратилась ко мне мать.

– Похожий на павлина? – насмешливо спросил я, зная вкус моей родительницы.

– Между прочим, твой отец считает также. Правда, Грегори?

– Отличный автомобиль, – сказал отец, но я знал, что он во всем поддерживал свою возлюбленную и был необъективен в своем мнении.

Мы могли бы препираться еще очень долго, но в этот раз у меня не было ни сил, ни желания тратить время на пустые беседы.

– Что ж, я смирюсь... – начал я.

– Аве Мария! – съязвил Маркус.

– А ты чего лезешь? По-моему, вы там разговариваете? – насмешливо спросил я, подтрунивая над ним.

– К твоему сведению, я обладаю уникальным даром говорить и слушать одновременно, что не мешает мне наблюдать за вашим спором. Мама просто волшебница – таки образумила нашего упрямца и выиграла со счетом 1:0! – весело ответил мне брат.

– Ты действительно согласен? – встрепелась мать.

– Согласен? Меня вынудили согласиться! – смеясь, сказал я. – К тому же, я сам рад тому, что теперь вы от меня отвяжитесь.

– Я сегодня же еду в салон! – Мать вскочила со своего места.

– К счастью, он уже закрыт, – хмыкнул я.

– Для меня – нет! Я хочу, чтобы завтра ты поехал в университет, как нормальный вампир, на хорошей машине, а не на этой рухляди! – ответила мать, выходя из зала.

– А что будет с моей верной ласточкой? – с сожалением пробормотал я.

– Пусть земля ей будет пухом, – печальным заунывным голосом сказал Маркус. Он и Маришка захихикали.

– Заткнись, Маркус, – резко вырвалось у меня.

– Как скажете, мистер! С этой секунды – ни слова благоразумия! – отозвался тот.

Вновь послышался смех влюбленной парочки.

Я решил не обращать на них внимания и вновь поразмышлять. Но в этот раз мне помешал отец.

– Как прошел день? – поинтересовался он у меня.

– Как обычно. Моя жизнь настолько скучна и однообразна, что в ней не может произойти ничего интересного, – ответил я, недовольный тем, что отец не дает мне поразмышлять в тишине и спокойствии.

– Судя по твоему настроению и тону, рутина съедает тебя заживо. Что-нибудь новенькое в учебе? – вновь спросил отец.

– Ректор решил показать свою власть и поиздеваться над студентами, – усмехнулся я. – Еще с прошлой недели, старшие курсы должны до зимы готовить младших к экзаменам.

– С чего бы это?

– Кто знает. Этих олухов в университете целая стая.

– Интересно.

– И весело.

– Каким образом это происходит? – поинтересовался отец, явно заинтересованный этим нововведением.

– Каждому на шею сел студент с младших курсов.

– И тебе?

– И мне.

– Кто сидит на твоей шее?

– Девчонка с третьего курса.

– И как ваши взаимоотношения?

– Никак. Единственное, что странное в этой ситуации, это... – начал я, но вдруг умолк. Говорить отцу о моем странном состоянии, охватившем меня после знакомства с Вайпер? Может, он объяснит, что, черт побери, со мной происходит?

– Аромат ее крови, – вместо этого сказал я, не желая делиться ни с кем информацией о своей слабости. – Я никогда не чувствовал такой прекрасной крови. Он так тяжел и терпок, что мне трудно сосредотачиваться, когда я сижу рядом с ней.

Я давным-давно научился контролировать себя и усмирять свои инстинкты хищника. Сейчас любой аромат, даже возбуждающий к убийству, был мне неопасен. Но кровь Вайпер манила меня так, как ничья за все годы моей долгой жизни. Я мысленно представлял, как пью эту чудесную кровь и чувствую морской бриз на своем лице. Но откуда этот морской бриз, если Вайпер родилась и выросла в Брно?

– Ее кровь так же хороша на вкус, как и ее аромат?

– Я не убивал ее.

Испытывающий взгляд отца будто пытался просканировать мою душу. Разговор о Вайпер заинтересовал его намного больше, чем я мог предположить.

– Если тебе так хочется ее крови – выпей, тогда ты избавишься от этих мыслей, – посоветовал мне отец.

– Ты когда-нибудь испытывал подобное? – спросил я.

– Все мы, хоть раз, вдруг чувствуем помешанность на определенном аромате. В такой ситуации следует убить жертву, чтобы не чувствовать себя скованным. Убей ее и забудь об этой ерунде.

– Так я и сделаю, – сказал я, чтобы отец отстал от меня.

Убить Вайпер и выпить ее кровь. Убить. Как это легко. Как легко отделаться от этой проблемы. Каким сладостным будет этот момент. Момент моего освобождения от нее. Это ли не ответ на мой вопрос?

Но, когда я представлял, как убиваю эту девушку, этого эльфа, мне становилось не по себе. Что-то во мне восставало даже против мысли об этом. Это решение было бы ужасным. Если я убью Вайпер, и этой хрупкой девушки не станет, – исчезнет загадка. А вдруг ее смерть будет напрасной? Вдруг я так и не найду ответ и буду мучиться оттого, что ошибся в своем поступке? Нет. Вайпер должна жить. Я не буду убивать ее лишь потому, что общение с ней ввело меня в это ненормальное состояние. Да, она всего лишь человек, но, если Вайпер и лишится жизни, то не от моей руки. Потому что я не представлял, как буду жить, зная о том, что лишил мир такого хрупкого чудесного цветка со странным именем Вайпер.

«Что-то я совсем разомлел и слишком часто думаю об этой смертной!» – с раздражением пронеслось в моей голове. Меня охватила злость на себя и на Вайпер из-за того, что с момента нашей первой встречи, эта особа не покидала моих мыслей. Я мог подавлять их, блокировать, но они все равно находили уловки и потайные ходы в моем разуме и вырывались на волю. Никогда в своей долгой жизни я не думал о смертных вообще – они были мне неинтересны. Их суетная короткая жизнь ни чему не учила их, и я был уверен в том, что все смертные – глупы и невежественны. И я никогда так долго не думал о женщине. Тем более о смертной. Мысленно проследив свой жизненный путь и вспомнив свое временное восхищение и короткое влечение к одной из вампирш, что была намного красивее, умнее, совершеннее Вайпер, я насмешливо усмехнулся, посмеявшись над самим собой и своим помешательством на какой-то смертной.

Откуда, черт возьми, возник мой нездоровый интерес к этой девушке? Именно нездоровый, ведь раньше я думал о людях лишь как об источнике пищи. И уж тем более, меня не волновало, какое впечатление я могу произвести на них: обижу ли, напугаю, заставлю ненавидеть меня и считать сукиным сыном. Хищник не видит в своей жертве никакой красоты, кроме той, что скоро утолит ею свой голод.

Так что со мной? Я деструктивен? Неужели меня влечет к Вайпер именно по этой причине? Что мне делать, если это на самом деле так? А вдруг мое увлечение этой смертной превратится в нечто большее? Тогда мне придет конец: мы влюбляемся лишь раз. На всю жизнь. Мы или вечно счастливы, или же отдаем нашу страсть напрасно, живя в муках неразделенной любви, не имея возможности излечить свое сердце другой любовью, ведь оно на всю оставшуюся жизнь будет отдано только одной жизни.

Нет, я не впаду в эту крайность и не полюблю смертную. Да ведь это и невозможно. Мучения от любви – не мой удел.

Так что мне делать? Что предпринять, чтобы прогнать образ Вайпер из моего сознания? Как избавиться от этих противоречивых для хищника чувств? Что-то непонятное творится в моей душе. Но что? Этому нет названия. Нельзя заходить дальше, нельзя наслаждаться обществом смертной. Нельзя позволять себе думать о ней, позволять себе наслаждаться ее красо-

той, и голосом. Ее существованием. Она – всего лишь источник пищи... Черт, как легко говорить все это! Однако я даже не пытался осуществить свои же планы изгнания из своей головы Вайпер и заставить покориться мне мои собственные мысли. Уверен, у меня хватит силы воли отказаться от нее позже, в том случае, если я почувствую, что увлекся Вайпер сверх меры. Я просто забуду о ней и сотру ее образ, но, пока этот момент крушения не наступил, я буду стараться понять эти чувства, постигнуть эту тайну, попытаюсь разгадать загадку этой смертной.

Для меня это будет своего рода эксперимент – узнать, насколько я силен и насколько подчиняется мне мой разум. Просто видеть Вайпер. Просто разговаривать с ней, слышать ее голос и смотреть в ее яркие темные глаза, в которых всегда царит легкая грусть и некоторая замкнутость. Я чувствовал, что за этим барьером скрывается что-то прекрасное, что можно разгадать лишь, когда мне удастся уничтожить эту стену.

Душа Вайпер подобна жемчужине, томящейся в твердой раковине на дне океанского желоба.

Глава 9

Поведением Седрика Моргана обескуражило меня. Ну, и как можно понять этого странного парня? То оскорбляет, то вдруг извиняется! То он холоден и зол, называет меня трусихой, обвиняет в трусости, и вдруг сам же ищет встречи со мной! Он даже дважды извинился и, словно желая загладить свою грубость, поделился со мной очень личным. Когда Седрик рассуждал о Шарле Бодлере, я почувствовала в нем родную душу. Мне было непередаваемо приятно от рассуждений Моргана, ведь сама я рассуждала так же. Он передал словами то, что чувствовала я, читая мрачные творения этого великого французского поэта.

Как жаль, что я не владею французским языком, чтобы, как и Седрик, чувствовать истинную красоту и оригинальные мысли Бодлера, не искаженные чешским переводом! Но, даже в весьма искаженном виде, его стихи оставались прекрасными.

Седрик – романтик. Не может быть иначе. Тот, кто предпочитает Гете, Петрарку и Бодлера, не может быть всего лишь отстраненным ценителем, не ощущая на себе силу и мощь гения этих авторов. Их может понять лишь тот, в чьей душе есть романтика. Увидев, насколько увлек Седрика наш разговор о поэзии и литературе, я поняла, что он всерьез увлекается ею. Но, если в поэзии мы были практически единогласны, в литературе, как оказалось, наши вкусы расходились просто монументально: Седрик любил серьезную, тяжелую литературу, а я предпочитала легкий и пленительный жанр – романы о вампирах.

«Ну вот, теперь он думает, что я легкомысленна... Хотя, какая разница, что он думает?» – с неудовольствием подумала я, но в душе призналась себе, что мне важно знать его мнение. Хотя, на что надеяться? В глазах Седрика я выглядела глупенькой или даже недалекой. Но, Боже, какой же он странный! И как он умеет убеждать! Я ведь твердо решила отказаться от его «помощи», и уже мысленно попрощалась с ним, но уже завтра встречаюсь с ним в библиотеке!

Чистой воды абсурд. Всего лишь короткий разговор, прояснивший так много.

Весь оставшийся день я провела в размышлениях, но они померкли наряду с презентацией для семинара по истории Чехии. Презентация заняла у меня много времени: нужно было довольно коротко и доступно описать биографию и влияние исторической личности на развитие Чехии. Моим выбором стал национальный герой – Ян Гус. Делать дела, спустя рукава, я не любила, поэтому презентация вышла очень даже достойной. Чтобы размять спину и ноги, я изредка отрывалась от монитора ноутбука и бродила по комнате, или шла на кухню, сделать кофе. К вечеру у меня не осталось никаких сил. Отредактировав последний слайд, я захлопнула ноутбук, взглянула на часы и удивилась своей выдержке: шесть часов! Пролетели быстро, как одна минута!

За окном давно стемнело, лишь одинокий фонарь тускло освещал улицу и кусок придомовой территории.

Как изнемогающий от кислородной недостатчи дельфин, я нуждалась в глотке свежего воздуха: моя голова была словно вылита из бронзы. И, надев, пальто и сапоги, я спустилась во двор. Вечер был тихим и прохладным. Все вокруг дышало свежестью. Я спрятала руки в карманы и принялась наматывать круги вокруг фонаря. После долгих часов, проведенных в душной квартире, я с удовлетворением чувствовала свободу и вновь настигшую мой усталый разум ясность сознания. Казалось, вечерний воздух вывел меня из состояния летаргического сна. Взглянув на окна своей квартиры, я с сожалением подумала о том, что мне придется возвратиться туда. Но вдруг, из ниоткуда, во мне родилось упрямое желание прогуляться по вечерней Праге.

Вечерняя Прага небезопасна для одиноких девушек, но этот факт никогда не страшил меня, и я направилась на Нусельский мост. Идти до моего любимого моста было довольно долго, но я потратила это время на размышления и созерцание мрачной красоты готических

церквей и старинной, неповторимой, пражской архитектуры, завораживающей своей таинственностью, как поэзия Бодлера. К тому же, в Праге всегда было много туристов, поэтому я чувствовала себя в полной безопасности.

Спустя полчаса я была на мосту, и, как обычно, облокотившись на перила, обнесенные защитными решетками, предалась любованию вечерней Прагой. Ее огни сияли в темноте, наполняя вечер радостью и величием. Прага. Мой прекрасный любимый город! Любимая страна! Как же мне повезло родиться в Чехии и быть частью этой прекрасной культуры!

Шум пролетающих мимо машин не мешал мне: я была глубоко погружена в свои мысли и простояла так около часа, не отрывая взгляд от огней города. Изредка мимо меня проходили шумливые подростки, но я лишь улыбалась, думая о том, что когда-то тоже была совсем не тихоней.

Вдруг какой-то животный инстинкт заставил меня почувствовать на себе чей-то пристальный взгляд. Я осторожно взглянула вправо.

Недалеко от меня стоял Седрик Морган. Он наблюдал за мной.

Я тут же растерялась.

«Что он здесь делает? Зачем он здесь? В Нусле?» – удивилась я.

Седрик направился в мою сторону.

«Он идет ко мне?!» – пронзила мой мозг ужасающая мысль. Меня охватили смущение и неловкость, а ноги словно приросли к асфальту. Благоразумно вперив взгляд на район Нусле, лежащий под мостом, я притворилась, будто совсем не смущена, и взглянула на Седрика лишь тогда, когда он подошел совсем близко.

– Добрый вечер, – слегка удивленным тоном поздоровался он, остановившись рядом со мной.

– Добрый вечер, – вежливо ответила я, понятия не имея, как вести себя в этой неожиданной ситуации.

– Не ожидал увидеть тебя здесь.

– На самом деле, я бываю здесь довольно часто, поэтому могу сказать о тебе то же самое. – Я пожала плечами.

Седрик улыбнулся. При свете фонарей он был неотразим.

– Странно. Я прихожу сюда почти каждый день, но увидел тебя здесь лишь впервые.

– Должно быть, потому что я всегда нахожусь на этой стороне моста, – осторожно предположила я. – С какой стороны обычно приходишь ты?

– С той. – Седрик махнул рукой в противоположную сторону.

– Ну вот, как я и предполагала.

– Как далеко отсюда ты живешь? – вдруг спросил он.

Этот вопрос удивил меня. Зачем ему знать?

– Думаю, отсюда до моего дома около получаса ходьбы.

– Ты приходишь сюда пешком?

– Да. Думаешь, тридцать минут – это чересчур много?

– Не думаю. Просто я редко хожу пешком и в основном передвигаюсь на автомобиле.

«Нет сомнений: ты не знаешь, что такое трамвай!» – подумала я и не смогла сдержать улыбку при мысли о том, что Седрик, возможно, ни разу не ездил на общественном транспорте.

– Я живу за городом, – прохладным тоном объяснил Седрик, очевидно, неверно истолковав эту мою улыбку.

– Я не хотела обидеть тебя, – смутилась я. – Просто я подумала, что ты никогда, наверное, не ездил на городском трамвае.

– Да. Признаюсь в этом, – усмехнулся Седрик.

Воцарилась тишина. Я не знала его, он не знал меня, и мы просто обоюдно молчали.

– Не могли бы мы перенести занятие на понедельник? – вдруг выпалила я. Мне отчаянно не хотелось встречаться с ним завтра. Я была не готова противостоять ему. – Не подумай, что я опять струсилась. У меня возникли кое-какие проблемы с квартирой, – соврала я, чтобы выглядеть убедительной.

– Конечно, – спокойно отозвался это Седрик.

У меня отлегло от сердца.

– Здорово, что мы так неожиданно встретились. У меня не было бы возможности предупредить тебя, и ты просидел бы в библиотеке без толку. Наверно, было бы хорошей идеей обменяться номерами телефонов! – веселым тоном сказала я.

Седрик не ответил, и я тут же решила, что обидела его, но, увидев добродушное выражение его лица, поняла, что ошиблась. Мне захотелось уйти: между нами стояло неловкое напряжение, и молчание лишь ухудшало ситуацию.

– Ну... Я пойду, – сказала я, спрятав руки в карманы. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – равнодушно ответил Седрик.

Выдав из себя улыбку, я поспешила пойти прочь.

«Слава Богу, он не попросился провожать меня!» – с облегчением подумала я, представляя, что творилось бы в моей душе, если бы рядом со мной шел Седрик Морган. Даже молча.

Твердым и довольно быстрым шагом я направилась домой, несказанно радуясь своей неожиданной отсрочке. Теперь в запасе у меня было целых пять дней, чтобы поразмыслить и попытаться понять Седрика. Хотя, думаю, я никогда не смогу понять его.

Погрузившись в свои мысли, я дошла до края моста, как вдруг услышала чужие шаги за моей спиной. По моей коже пробежал холодок. Шаги приближались, и, по мере их приближения, мой мозг наполняли истории о маньяках. Ужасными кровавыми сценами. Ведь это не мог быть Седрик: он остался стоять на мосту и не мог догнать меня так быстро.

Шаги раздались прямо за моей спиной. Я вынула руки из карманов, сжала кулаки и резко обернулась.

– Черт! Ты напугал меня! – воскликнула я: это был Седрик.

От волнения и пережитого страха я не могла унять дрожь.

– Извини, но я не могу отпустить тебя одну, – с легкой улыбкой сказал на это Седрик. – Кстати, кулак ты держишь неверно: большой палец всегда должен быть вверх. – Он вдруг схватил меня за левую руку, и я чуть вздрогнула: его ладонь была ледяной. – Расслабь ладонь. Вот так. А теперь сожми кулак правильно. Молодец. Я провожу тебя.

По его тону я поняла, что это не вопрос и не предложение. Да и я что-то совсем струсилась. Поспешно высвободив свою ладонь из ладони Седрика, я спрятала ее в карман.

– Но тебе придется возвращаться на мост! К машине! – сказала я, совершенно не желая, чтоб он провожал меня. Нет уж! Только этого мне не хватало!

– Вечерний воздух еще никому не навредил. Нет ничего лучше прогулки перед сном, – безапелляционным тоном отозвался Седрик.

Я не нашла, что ответить, поэтому лишь молча кивнула.

Мы медленно пошли по дороге.

«Надо же, а он, оказывается, джентльмен!» – удивилась я, идя рядом с Седриком и устремив взгляд на асфальт. В конце концов, теперь я точно была в безопасности. С Седриком.

Мы молчали. Седрик шел, не глядя на меня, и мне вдруг стало обидно оттого, что он решил провести меня лишь из чувства долга.

– Знаешь, я уже почти пришла: осталось метров сто пройти, – соврала я, чтобы избавить Седрика от моего общества и дать ему уйти без угрызений совести. – Я уже почти у дома, так что, спасибо за то, что проводил меня.

Я остановилась. Он тоже.

Седрик взглянул на меня равнодушным взглядом, а я молча ждала пока он уйдет.

– Ты здесь живешь? – спросил он.

– Да, – уверенно солгала я.

– Должно быть, в том зеленом доме?

Я обернулась, чтобы взглянуть на зеленый дом, но он находился далеко в тени, и я не смогла разглядеть его в темноте.

– Ты видишь его? – спросила я, вновь взглянув на Седрика.

– Да. Красивое здание.

– Ну, раз ты убедился в том, что я уже на месте, можешь возвращаться на мост, – соврала я, чтобы убедить его в том, что я больше не нуждаюсь в защите.

Седрик улыбнулся.

– Думаю, снимать квартиру там очень дорого, – вдруг сказал он.

– Да, немного дороговато, – нерешительно ответила я, не понимая, чему он улыбается.

– Но это место совсем не радует: здесь почти нет фонарей.

– Везде есть свои плюсы и минусы.

– И дорога требует незамедлительного ремонта.

– Возможно... Но мне все равно: у меня нет личного транспорта.

– Все это замечательно, но ты не можешь там жить, – спокойным тоном отрезал Седрик.

– Я снимаю квартиру в этом доме уже третий год, – настаивала я. – Почему тебе так трудно в это поверить?

– Потому что это – банк.

О, Боже мой.

Я не знала, что ответить. Мне стало ужасно стыдно. Мои щеки загорелись, и я прикрыла глаза ладонью, чтобы не видеть Седрика: мне казалось, что он рассердился или обиделся на меня.

«Надо же было так попасться! Теперь он подумает, что я неблагодарная!» – с отчаяньем подумала я.

– Ты не умеешь врать, – услышала я его голос.

– Седрик... – Я отняла ладонь от лица.

– Тебе так неприятно мое общество? – В голосе Седрика была насмешка.

– Это не то, что ты думаешь! – тихо сказала я, чувствуя, как справедлив его упрек!

Он усмехнулся, но промолчал.

– Я соврала не потому, что мне противно твое общество! Оно мне совершенно не в тягость! Просто... Я подумала, что тебе придется долго идти обратно... Вот.

– И это все?

– Нет... Еще я подумала, что ты сам не желаешь провожать меня... Что ты делаешь это из чувства долга, – тихо закончила я.

– С чего ты взяла?

– Мы почти незнакомы, и тебе не нужно провожать меня, даже просто из вежливости. Джентльменство нынче не в моде, – объяснила я, опустив взгляд на тротуар.

– Я никогда не провожаю девушек из чувства долга, – спокойным тоном сказал Седрик.

Я подняла взгляд и с тревогой посмотрела в его лицо.

– Но мне неловко оттого, что тебе нужно возвращаться на мост, – тихо сказала я. – Ведь это целых полчаса...

– Считаешь, что полчаса – это много? – вдруг спросил Седрик.

Я смогла лишь отрицательно покачать головой.

– Как долго тебе идти до дома? Только честно.

– Пять минут... Или шесть.

– Тогда мы расстанемся с тобой здесь, и я пойду обратно, чтобы ты не думала, будто я провожал тебя из чувства долга.

- Спасибо. Только, пожалуйста, не принимай всерьез то, что я сказала, – попросила я.
- Спокойной ночи, Вайпер. – Было его ответом.
- Спокойной ночи. Будь осторожен.

Седрик слегка улыбнулся и, развернувшись, пошел на мост.

Я поспешила домой. Но вдруг мой разум пронзила мысль, заставившая меня резко остановиться и обернуться назад.

- Седрик! – крикнула я, надеясь, что он услышит меня.

- Да? – послышался его голос, и через пять секунд появилась его фигура в темном плаще.

Он подошел ко мне.

- Я хотела бы спросить... – начала я, чувствуя себя крайне неловко.

- Спрашивай, – перебил меня он.

- Как ты смог так быстро догнать меня?

– Ты же знаешь, что мужчины ходят быстрее женщин? – ответил Седрик вопросом на вопрос.

– Да, но... – Я сильно покраснела: его объяснение было настолько понятным и естественным, что я тут же почувствовала злость на свое любопытство.

– Я пошел за тобой почти сразу. Сперва подумал, что поблизости тебя кто-то ждет, какой-нибудь друг или парень.

- Это очень мило с твоей стороны. Но как ты понял, что меня никто не ждет?

- Я решил, что будет нелишним убедиться в том, что ты в безопасности.

Мое лицо пылало от стыда.

– Это был дурацкий и бестактный вопрос с моей стороны. Извини, что задержала тебя! – выпалила я.

- Я никуда не спешу, – отозвался Седрик.

- Что ж... Спокойной ночи. На этот раз точно, – смущенно улыбнулась я.

– Спокойной ночи. – Седрик зашагал в обратном направлении, а я продолжила свой путь домой, посмеиваясь над собой и размышляя о сказанном Седриком в этот вечер.

Лишь потом до меня дошел смысл фразы, сказанной им: «Я никогда не провожаю девушек из чувства долга». Что это значит? Глубоко в душе я почувствовала тщеславную гордость оттого, что против своей воли, навязала Седрику Моргану некоторую симпатию ко мне.

Нет, следует размышлять трезво, а не радоваться мимолетной искре!

Скорее всего, Седрик сказал эту фразу, чтобы избавить меня от мук совести.

Глупая, а я еще чему-то обрадовалась!

Благополучно и без приключений добравшись до дома, я сняла пальто, сапоги и, почувствовав усталость и сонливость, прилегла на диван. Но мой разум отказывался отдыхать, и весь оставшийся вечер я думала о неожиданной встрече с Седриком на мосту.

«Отлично! Завтра у меня семинар, но моя голова забита какими-то глупостями! И эти глупости причиняют мне неудобство, приносят беспокойные виденья и дурацкие надежды. Надежды? На что? Отбрось все надежды, Вайпер! Живи реальностью, а не мечтами!» – С этими мыслями я благополучно заснула на диване и проснулась лишь утром, с ужасом осознав, что уже пропустила первую пару в университете.

Я вскочила с дивана, побежала в ванную, умылась, затем наскоро перекусила бутербродами, даже не выпив традиционного утреннего кофе. Почистив зубы, я быстро собрала сумку и побежала в прихожую надевать пальто, по дороге расчесывая свои спутавшиеся за ночь волосы. Так как времени на смену одежды у меня не было, я поехала в той, в которой проспала всю ночь.

Это был первый раз за все три годы учебы, когда я опоздала на занятия.

К счастью, в этот день Седрика Моргана я не увидела даже мельком.

Юлия, не успевшая расспросить меня о моем «разбирательстве» с Седриком, устроила мне настоящий допрос. Я честно рассказала подруге о том, что Седрик назвал меня трусихой и что он обо мне думает, но скрыла тот факт, что он дважды извинился и пообещал больше не срывать на мне свою злость. Я умолчала об этом не потому, что была горда, но, чтобы Юлия не впала в заблуждение, ведь она очень тягостно переносила отказы, так как считала себя экспертом в области отношений с парнями.

Седрик не появлялся в университете ни в четверг, ни в пятницу. Но, признаться, мне совсем не было любопытно узнать причину его отсутствия. Юлия, на данный момент имевшая отношения с однокурсником Седрика, зачем-то осведомила меня о том, что «злюка Морган» – заядлый прогульщик, поэтому я не была в заблуждении, думая, что он не посещал учебу из-за меня.

Когда в пятницу прозвенел звонок последней, для меня, лекции по истории, я, как на крыльях, полетела домой, а вечером предприняла очередную прогулку, наслаждаясь красотой вечерней Праги, и вернулась в квартиру поздно вечером. Снимая в прихожей пальто, я услышала, как зазвонил мой старенький Nokia. Достав из кармана пальто телефон, я взглянула на экран. Входящий номер не высвечивался: он был скрыт.

Кто это может быть? Да еще звонить так поздно?

– Аллю? – ответила я.

Ответом мне была тишина.

– Кто это? – недовольным тоном спросила я.

Но ответа не было – лишь протяжный жалобный писк, проскальзывающий в невидимой линии сети.

– Очень смешно! – бросила я и с силой захлопнула телефон.

Мое настроение слегка испортилось, а на душе остался неприятный осадок.

Позже позвонила Юлия и предложила прогуляться с ней по городу. К тому же ей требовалась помощь в выборе платья для романтического ужина с ее парнем. Я знала: это предложение было пустым, хоть и вежливым, предлогом, ведь моя подруга придерживалась лишь своего вкуса. Возможно, ей просто хотелось поболтать со мной. Я любезно согласилась стать ее спутницей, а она пообещала заехать за мной на своей машине завтра утром.

На следующий день я проснулась в восемь часов утра. Ночью я спала как убитая, поэтому замечательно выспалась, что благоприятно сказалось на моем настроении. Утренний кофе взбодрил меня еще больше, и, после короткого завтрака я принялась собираться на прогулку.

В моем гардеробе преобладали темные цвета. Можно сказать, у меня был довольно простой вкус в одежде. Я надела темно-зеленую юбку и черную кофту с длинными рукавами. Украшения и драгоценные камни никогда не привлекали меня, и единственным моим украшением были красивые серебряные серьги.

Собрав сумку и зная о том, что Юлия предложит посидеть в каком-нибудь кафе, и для того, чтобы не выглядеть бедной родственницей и не принимать от подруги любезной просьбы заплатить за меня, я взяла с собой немного денег на кофе.

В отличие от «скучной Вайпер» как иногда, не со зла, называла меня Юлия, моя подруга любила одеваться и делала это с большим вкусом. Украшения и яркая одежда никогда не покидали ее гардероб. Когда мы шли с ней по коридорам университета, то отличались как день и ночь: я была миловидной фрейлиной, а Юлия – прекрасной королевой. Но этот факт никогда не смущал меня: всеобщее внимание никогда меня не прельщало, но Юлия старалась заполнить его. И это ей удавалось.

Этим утром Юлия появилась у моего дома в десять. Ее роскошный ярко-красный автомобиль въехал во двор, и я, быстро запрыгнув в сапоги и схватив теплую черную кофту, спустилась к подруге. Мы приехали в исторический центр города, оставили машину на стоянке и решили прогуляться по городу пешком. Моя черная кофта служила ярким контрастом для

красной лакированной куртки Юлии. Юлия была очень красива и оживленна. Медленно бредя по людному тротуару, мимо пражских красот, мимо тысяч туристов, мы вели странный разговор. По какой-то непонятной мне причине все разговоры с моей подругой сводились к обсуждению парней, их характеров и склонностей. И почти всегда Юлия изливала на меня долгий и страстный монолог. Я же устаивалась роли слушательницы и иногда вежливо вставляла «Да?» или «Ничего себе», но чаще «Да ну!». Вот и все.

Юлия была умной девушкой и прекрасно училась, но в ее характере было что-то, что сводило все ее потенциальные способности к мелочным рассуждениям. Она любила говорить о моде, жизни звезд и отношениях, а я была не сильна ни в одной из этих тем, поэтому просто слушала ее длинные монологи. Порой я задумывалась: почему я вообще общаюсь с Юлией, если мы настолько разные и так различны наши интересы и жизненные и моральные ценности? Но Юлия была хорошей подругой: когда мне нужна была помощь, я всегда могла положиться на нее. Тем более, как говорят, противоположности притягиваются. Казалось, рядом со мной она становилась более серьезной, а я заражалась от нее бодростью и некоторым весельем.

Мы прошли по людной аллее, пестреющей яркими стеклянными витринами магазинов модных марок одежды, и, повиснув у меня на руке, Юлия рассказывала мне о бедняге, которому посчастливилось стать ее парнем на целых две недели. Но в этот раз я мало слушала рассказ подруги, так как мои собственные рассуждения о последней неделе моей жизни просто оккупировали мой разум. Лишь после часа бесцельного созерцания витрин мы набрали на небольшое, но уютное кафе и решили немного отдохнуть от довольно долгой прогулки. Мы заняли столик рядом с огромным окном, из которого открывался великолепный обзор на оживленную площадь: люди, автомобили, велосипедисты, туристы, щелкающие на свои фотоаппараты, планшеты и телефоны все вокруг.

Когда к нам подошла улыбающаяся официантка, я заказала чашку кофе, а Юлия – коктейль с вычурным названием.

– Теперь ты. Выкладывай! – вдруг заявила Юлия.

– Что выкладывать? – с удивлением спросила я.

– Ты действительно не догадываешься, о чем я хочу услышать? – с загадочной улыбкой ответила она.

– Нет. О чем?

– Перестань притворяться недотрогой! Рассказывай, о чем еще вы болтали с милашкой Седриком, когда он тогда подошел к нам, злой, как цепной пес!

– А, ты об этом? – Я пожала плечами. – Я ведь рассказала об этом еще вчера!

– Есть вещи, которые стоит услышать хоть сто раз. – Юлия подмигнула мне.

– Ты неисправима! – вздохнула я и сделала глоток кофе. Он оказался таким горячим, что я едва не ошпарила себе язык. – О, Боже, он безумно горячий!

– Седрик горячий? Какие подробности! – воскликнула Юлия. Ее глаза загорелись. – Черт, Вайпер, пока из тебя самой не вытянешь, ты ничего не расскажешь!

– Да, не Седрик! Это кофе горячий! Я чуть язык не ошпарила! Ну, ты и фантазерка! – Я даже тихо рассмеялась от ее пошлой догадки.

– Могу поспорить, что Седрик горяч не менее твоего кофе... – Но, видимо, приняв во внимание мой дружеский смех, Юлия тоже усмехнулась. – Ладно, оставлю свои мысли при себе. Но только расскажи, о чем еще вы разговаривали!

– Он извинился передо мной. – Все же, призналась я.

– Ух ты! Что он сказал?

– Что я ошибаюсь насчет него.

– И всего-то? А я думала... – Юлия откинулась на спинку стула и, прищурившись, уставилась на меня. Я удивлено смотрела на нее. – Как ты думаешь, почему Седрик не захотел заниматься со мной? – вдруг спросила она.

– Не знаю. Он вообще очень странный. Я была очень удивлена, когда он вдруг извинился. Не понимаю его: на прошлом занятии он был ужасен и делал вид, что ему неприятно находиться со мной даже в одном помещении, а потом взял и извинился!

– Поэтому ты попросила меня поменяться с тобой?

– Да, прости, я знаю, что поступила эгоистично, но я действительно думала, что ему неприятно заниматься именно со мной. Понимаешь?

– Ладно, я не обижаюсь. О чем еще вы разговаривали?

– В общем, мы встречаемся с ним в понедельник, – подытожила я. – Он сказал, что я ошибаюсь, если думаю, будто он не хочет со мной заниматься. – Я положила голову на руки. – Его не понять. Совершенно.

О нашей недавней встрече на мосту я промолчала, зная, что Юлия выдумает из этого случайного события целый роман.

– Да, вообще все парни странные. – Юлия отпила глоток своего коктейля и продолжила: – Возьмем хотя бы моего Яна. Сегодня он ласков и нежен, а завтра уже упрекает меня в легкомыслии! Или обвиняет в том, что я уделяю ему мало внимания, но мне ведь нужно и на себя время потратить...

Эти рассуждения о Яне я слышала уже тысячу раз, поэтому, не перебивая подругу, стала смотреть в окно, в очередной раз восхищаясь красотой Праги, ее красными крышами и ее мощными узкими улочками.

– Надо же, кого я вижу! – вдруг воскликнула моя подруга, прерывая монолог о своем парне. – Смотри!

С некоторым ужасом я взглянула туда, куда, не стесняясь, указательным пальцем указала Юлия. Там был Седрик: он стоял прямо напротив нашего кафе, в тени противоположного здания, облокотившись на машину и устремив взгляд куда-то в сторону.

– Ого, это его машина? Какая красавица! – Юлия пригляделась к машине. – Это «Ауди», но какая модель я не знаю. Это просто бомба!

Я растеряно взглянула на машину. Да, нечасто увидишь на дороге подобное чудо, что представляла собой новая машина Седрика: она была просто фантастической и, наверняка, стоила бешеных денег.

Но я совсем не чувствовала восторга. Я, та, у которой никогда не было и точно не будет собственного автомобиля, считала, что авто – это лишь средство передвижения и что покупать такую дорогую модель только из-за внешнего вида было глупо и несуразно.

– Хорошая машина, – из вежливости, согласилась я с мнением подруги. – Но я бы предпочла хороший велосипед.

– Раньше он ездил на черной «Тойоте», но эта «Ауди» потрясет весь университет! – воскликнула Юлия, словно не слыша меня. – Я уже вижу, как Седрик въезжает на стоянку, а все стоят, раскрыв рты и захлебываясь слюнями!

Описанная Юлией картина несколько рассмешила меня, и я продолжала смотреть на новый автомобиль Седрика Моргана, удивляясь, какими быстрыми темпами идет прогресс, как вдруг нечаянно встретила с взглядом его владельца. Седрик смотрел на нас с Юлией. Широко улыбнувшись, Юлия помахала ему рукой, но он не ответил, лишь не отводил от нас пристального взгляда. Мне показалось, что в этом его взгляде было одно лишь презрение. Я стала смотреть на свою чашку. Мне стало стыдно за то, что Седрик заметил, как мы с Юлией так непристойно разглядывали и обсуждали его роскошный новый автомобиль. Почему-то, мне вдруг вспомнился вчерашний вечерний звонок, который привел меня в негодование, и я решила поделиться этим с подругой.

– Да перестань ты глазеть на его машину, иначе Седрик подумает, что мы умираем от зависти! – с фальшивым смехом сказала я Юлии, чтобы отвлечь ее от любования автомобилем Седрика.

– И он будет прав! Я чертовски ему завидую! – пробормотала она, но все же отвела взгляд. – Эх, везет же некоторым!

– У тебя тоже есть машина, и не хуже этой, – напомнила я.

– Глупенькая! – рассмеялась Юлия. – Моей машине уже третий год, и она нуждается в срочной замене!

– Как по мне, хоть старая телега, только бы ездил, – простодушно сказала на это я. – Да и зависть не украшает человека.

– Ну, не будь такой серьезной, я же пошутила, – сказала Юлия, а сама то и дело бросала взгляд на Седрика и его машину.

– Вчера вечером мне кто-то позвонил, какой-то неизвестный номер.

– Ты ответила?

– Да, но этот «кто-то» просто молчал в трубку. Думаю, кто-то решил поиздеваться. А это не очень приятно.

– Может, это телефонный маньяк? Знаешь, который выслеживает девушек, потом звонит им, а потом...

– Нет! И перестань меня пугать! – перебила я подругу. – Он не угрожал мне и не говорил пошлости. Просто молчал!

– Тогда скажу одно: у тебя завелся тайный поклонник! – хитро улыбнувшись, сказала Юлия.

– Это все романтические бредни! – отмахнулась я.

– Уверена? Вспомни: раньше тайные поклонники писали возлюбленным анонимные письма и будоражили девичье воображение таинственной любовью. По-моему, эта традиция не умерла и в наше время.

– Только вместо письма – телефон?

– А что за номер? Дай взглянуть.

– Номер был скрыт.

– Ну, все сходится! – Юлия хлопнула в ладоши. – Поздравляю, моя дорогая! Ты стала объектом внимания тайного поклонника! Как романтично!

– Бред, – еще раз бросила я, поняв, что бурное воображение Юлии – не лучший помощник в раскрытии этой тайны.

– Уезжает. – Юлия кивнула в сторону площади. – Даже не улыбнулся.

Я не стала проверять слова подруги, но почувствовала, что она сказала правду: мне вдруг стало легче. Да, Седрик стоял далеко от кафе, но все же, мне было тягостно от его незримого присутствия. Поэтому, когда он уехал, я перестала пялиться на свою чашку и вновь обрела возможность созерцать площадь.

«Тайный поклонник. Эх, ну и фантазия у Юлии!» – с легкой усмешкой подумала я. – Послезавтра будет понедельник, и я встречу с Седриком... Но я не желаю этой встречи: в его присутствии я чувствую себя нелепой».

Интересно, какие дела привели его на эту площадь, к этому кафе, в этот час? И почему он смотрел на нас? А вообще-то, это не моя забота – думать о том, что забыл здесь Седрик. И почему я подумала, что он ищет моего общества? Прага – огромный город, и Седрик может находиться там, где ему угодно. В понедельник я встречу с ним и на этот раз сумею взять себя в руки и избежать ошибок, что могут показаться Седрику нелепыми, постараюсь не затрагивать его вспыльчивость.

Остальной день прошел скучно: Юлия отвезла меня домой, по дороге задавая мне вопросы о Седрике. Те же вопросы, что я задавала себе. Я пыталась убедить ее в том, в чем убедила себя: наша сегодняшняя встреча с Седриком – чистая случайность, но Юлия упрямо желала думать по-другому и уверяла меня в том, что кто-то из нас двоих ему нравится.

– Вот это нелепость! Тогда точно не я! – рассмеялась я от наивности подруги.

– Значит, остается один вариант: бедняга влюблен в меня и поэтому побоялся заниматься со мной! – самодовольно сказала Юлия.

Я улыбнулась, мысленно пожелав Седрику не попасться в сети моей легкомысленной подруги, чтобы потом не причинить ей боль своим уходом, поняв, какова она на самом деле. А так как Седрик – человек серьезный, он сделает это незамедлительно. Юлия выбирала парней себе под стать – веселых и легкомысленных авантюристов, как она сама, поэтому я не поверила в сильную симпатию Юлии к Седрику Моргану. Просто, отказав ей в своих занятиях, Седрик унизил ее девичью гордость.

Поднявшись на свой этаж, я обнаружила конверт, лежащий у моей двери. Почтальоном в моем районе работал восемнадцатилетний паренек, который, не застав адресата дома, оставлял письмо у двери и ретировался, с чувством выполненного долга. Дальнейшая судьба письма была ему неинтересна. Я подняла письмо и открыла дверь. Войдя в прихожую, я сняла с ног сапоги, повесила кофту и, швырнув сумку на диван (что я делала постоянно, приходя домой), побежала на кухню, делать бутерброды, так как была очень голодна. Утолив голод, я вспомнила о письме.

Письмо было от родителей. Ну, а кто еще будет писать мне настоящие, бумажные письма? Конечно, мы могли бы общаться по электронной почте или звонить друг другу онлайн, но мои родители плохо владели компьютером, а в Интернете ничего не понимали. По телефону мы общались довольно редко, чтобы не тратить денег на пустые разговоры.

Прочитав письмо, я горько расплакалась: родители сообщили мне о трагической гибели моей любимой собаки, овчарки Ютнер. Ее сбила машина. Я так любила мою верную Ютнер! Она всегда встречала меня как самое любимое существо на Земле! И теперь ее не стало...

Моя душа болела. Переодевшись в ночную пижаму, я легла в кровать. Сон увлек меня почти мгновенно. Должно быть, так мой организм боролся со стрессом.

Посреди ночи, разбудив меня, громко зазвонил телефон. Объятая яростью, я чуть было не разбила его о стену.

Разве умный человек будет звонить посреди ночи? Все нормальные здравомыслящие люди по ночам спят, и я в том числе!

– Алло! Кто это! – громким, полным злости голосом воскликнула я, думая, что кто-то вновь решил так по-свински пошутить со мной.

Я была готова высказать этому шутнику все, что о нем думала, но, к моему величайшему удивлению, вдруг услышала знакомый голос. Я никогда раньше не слышала этот голос в телефоне, но почувствовала, что это был он.

– Привет.

– Седрик, это ты? – спросила я, не веря своим ушам.

– Надеюсь, не разбудил?

– Вообще-то, разбудил.

– Прости. Я просто хотел узнать, как у тебя дела.

Я машинально взглянула на настенные часы.

– В три часа ночи? – со смехом спросила я.

В трубке повисла тишина.

– Да, наверно, немного поздновато, – наконец, после минутного молчания ответил Седрик.

– Раз уж я все равно теперь долго не засну, то могу ответить: у меня все хорошо. А у тебя что, бессонница? – поспешила сказать я, чтобы не дать ему возможности вновь извиниться и прервать наш неожиданный ночной разговор.

– Да, не могу заснуть. – Седрик коротко рассмеялся. – Что ж, рад, что у тебя все хорошо. Я не хотел будить тебя...

– На самом деле, у меня все плохо, даже ужасно, – вдруг вырвалось у меня.

– Что случилось? – Голос Седрика смягчился.

– Сегодня родители сообщили мне о том, что умерла моя собака. Ее сбила машина, а водитель даже не остановился, чтобы отвезти ее к ветеринару, и она два часа пролежала на дороге! – Мои глаза вновь обожгли горячие слезы. – И умерла! Ютнер лежала там, одна... А меня не было рядом, чтобы хотя бы утешить ее, чтобы она не боялась... Прости, что рассказываю такое, мне просто очень тяжело переносить эту потерю одной.

– Что ты, янисколько не рассержен... Ты плачешь?

– Нет, – всхлипнула я.

– Ямогу чем-то помочь?

– Чем? – сквозь слезы, усмехнулась я.

– Не знаю. Но, если мое сочувствие хоть немного уймет твою боль, то знай, что я очень сочувствую твоей потере. У меня была собака в детстве, и ее тоже сбили какой-то пьяный водитель. Я ревел целую неделю.

– Извини, но утешитель из тебя никакой, – честно призналась я.

– Согласен. Но я очень тебе сочувствую, – повторил он. И замолчал.

Прошла минута. Мы оба молчали. И, чтобы хоть как-то разбить эту затянувшуюся паузу, я решила задать ему глупый вопрос.

– Ты не звонил мне вчера? Нет... В пятницу вечером?

– В пятницу? – Я лихорадочно искал, что ответить.

Да, это звонил я. В тот момент мне необходимо было услышать голос Вайпер, и тогда я сам испугался того, что позвонил ей. Испугался этих странных чувств. Но не говорить же об этом ей.

– Извини, что спрашиваю... Просто мне позвонил какой-то скрытый номер и даже не представился. Это было странно, – смущенным тоном сказала Вайпер.

Ее голос был необычайно рассеянным. Конечно, ведь я и понятия не имел о том, каково это – когда твой сон жестоко прерывают посреди ночи. Процесс сна был мне чужд, и я совсем забыл о том, что люди спят. Поэтому три часа ночи показались мне подходящим временем для звонка Вайпер. Но я совершенно не собирался разговаривать с ней, а желал просто услышать ее голос. Молча. Однако что-то подтолкнуло меня сказать «привет». А затем я придумал трагическую историю о погибшей собаке, которой у меня никогда не было. Я солгал, чтобы утешить Вайпер. И все же, я не раскаивался в том, что позвонил ей. Это было странное чувство, я никогда не чувствовал его ранее. Я радовался тому, что слышу голос этой смертной девушки.

– Это был я, – коротко ответил я.

Мне казалось, что, услышав мое признание, Вайпер недовольно спросит: «Откуда у тебя мой номер?» или «Почему ты не ответил?». Но я услышал другое.

– Хм, понятно.

Глава 10

Признание Седрика настолько удивило меня, что из множества подходящих и достойных ответов на это признание я смогла сказать лишь то, что сказала.

Седрик так спокойно признался мне в том, что тем шутником был он! Словно это было в порядке вещей. Но я не могла злиться на него. Не могла.

– Тогда спокойной ночи? – вдруг спросил Седрик.

– Да. И тебе тоже, – машинально ответила я.

– До понедельника, – еще раз попрощался он.

– До понедельника, – рассеяно повторила я.

Послышались противные короткие гудки, но я еще десять секунд сидела с телефоном у уха, будто ждала вновь услышать голос Седрика. Но, вдруг осознав, что сижу на кровати – растрепанная, зареванная, и на что-то надеющаяся, мне стало смешно от моего дурацкого поведения.

Зачем он позвонил? И почему так поздно? Почему в тот раз он молчал? Эти вопросы и сотни других пронесли у меня в голове, и я не могла дать им рациональный ответ. Мне стало намного легче, зная, что Седрик разделил со мной мое горе. Он позвонил мне. Как бы по-дурацки это ни было, в три часа ночи, но я была рада. А чему рада сама не знала.

Боже, неужели я становлюсь наивной дурочкой и потихоньку влюбляюсь в него?

– Я ненормальная! – прошептала я и вновь легла в кровать, но в эту ночь уснуть мне уже не удалось.

Торопливо нажав на кнопку сброса, я швырнул телефон на кресло и вышел на балкон. Моросил осенний холодный дождь, и его капли падали на меня, но в этот момент я был рад дождю. Дождь всегда успокаивал меня. Вглядываясь в темноту этой странной ночи, вскоре я пришел в себя. Мой разум тотчас принялся искать причину моего поведения. Я был полон решимости узнать, что творится в моей душе, вспоминая, взвешивая и анализируя, однако ничего того, что я испытывал после встречи со смертной Вайпер Владинович, я не испытывал никогда. За все годы своей жизни я никогда не встречал этого нервного возбуждения и противоестественной одержимости смертной.

Откуда вдруг во мне появилось волнение? Боязнь обидеть ее, сказать что-то неловкое? Голос моего вампирского естества заглох. Я поборол его, подавил, уничтожил. Вайпер стала для меня не просто обычной смертной – я перестал думать о ней, как о человеке. Она больше не принадлежала миру смертных, миру, который я презирал и которого чуждался. Вайпер перестала быть «смертной девчонкой», и стала Вайпер, заставляющей меня чувствовать что-то непонятное.

Я облокотился на каменные перила, скрестил руки на груди, закрыл глаза и решил честно разобраться в себе, в своей душе и в своем отношении к Вайпер Владинович. Без оговорок, упреков и оправданий, я желал понять себя. Кто я есть теперь. Точно не эгоист, презирающий смертных. Я перестал обращать внимание на восхитительный аромат крови Вайпер и видеть в ней недостатки. Хотя, когда это я видел в этой девушке хоть один недостаток? Да, раньше я уверял себя в том, что она – наивна и глупа, но сейчас, оценив свое поведение ее глазами, я увидел, что Вайпер была вправе подумать обо мне то, что высказала мне в лицо. Я был полон радости оттого, что она не держала на меня зла, не сердилась на тот неуместный звонок, когда я молчал, как идиот. Как последний трус. Я был рад тому, что через день вновь увижу ее, заговорю с ней.

Наш короткий и бессмысленный телефонный разговор вызвал во мне бурю эмоций. Он дал мне то, что я искал – ключ к разгадке странного волнительного чувства, которое я испытывал с первой встречи с Вайпер. Мысль о том, что она грустит, причиняла мне моральный дискомфорт, а когда я услышал, что она плачет, в моей душе что-то оборвалось, и меня наполнила боль оттого, что я не в силах ничего изменить. Мне невыносимо было думать, что Вайпер страдает из-за смерти. Ведь я никогда не узнаю, что такое смерть и что это за чувство – терять родных и близких. А ей придется похоронить своих родителей, друзей. Всех, кого она любит. И сама она станет добычей Смерти.

И вдруг, после бурного круговорота этих мыслей, в моем разуме, как и в сердце, наступил покой. Я нашел ответ: Вайпер Владинович стала мне небезразлична. Я влюблялся в нее все больше с каждой новой нашей встречей.

Мне это совсем не нужно. Но это было беспощадной правдой, которую я не мог и не желал отрицать: я влюбился в смертную. В Вайпер. Зачем мне бороться с самим собой? Это было бы трусостью с моей стороны – бояться любить. Все попадают в эти сети, и я – но, боюсь, впервые и навсегда. Однако мои чувства не смущали меня.

Значит, так было суждено. В моей жизни появилась Вайпер, и я не желал терять ее. И теперь я точно знал, чего хотел: Вайпер стала частью моей жизни, и меня тянуло к ней так, как не тянуло ни к одной женщине.

Мысль о том, что я, наконец, нашел ответ на все мои вопросы, сделала меня счастливым. Как это странно: все, чего я хотел – увидеть Вайпер.

Воскресенье было долгим и солнечным, однако желанный понедельник соответствовал лучшим для меня условиям. Этот день был дождливым и холодным, но я был рад, по известным причинам, и желал, чтобы бессолнечная погода длилась вечно.

Понедельник. Сегодня я увижу Вайпер.

Моя мать все-таки воплотила свою угрозу в реальность и приобрела для меня новый автомобиль. Несмотря на сарказм и сомнения в выборе моей родительницы, я был доволен покупкой. Однако, полагаю, без отца не обошлось: автомобиль оказался истинно мужским, мощным и бесшумным. Правда, пришлось перекрашивать его, так как первоначальный цвет авто был желтым (а вот и привет от моей матери). Теперь он был черным – мне всегда казалось, что это самый подходящий цвет для машины, не имеющий претензий на всеобщее внимание.

Обычно я приезжал в университет в самые последние минуты, перед звонком на пару, бросал автомобиль на стоянке и быстро шел в аудиторию, но в этот раз мне необходимо было поразмыслить, поэтому я покинул замок намного раньше обычного. Поставив автомобиль на стоянку, я зашел в почти пустой университет и уединился в одной из аудиторий. Я желал посвятить эти минуты покоя с пользой – выстроить наилучшую стратегию и линию своего поведения с Вайпер. Однако, едва я отдался в распоряжение мыслям, как вдруг в мой разум вторгся цокот каблучков, приближающихся к моей аудитории. Вскоре вошла Юлия – подруга Вайпер. Приход этой девицы удивил меня, но и она явно не ожидала, встретить здесь мою особу. На лице смертной проскользнула тень неудовольствия, но через секунду она надела маску дружелюбия.

– Доброе утро! Никогда не видела, чтобы ты приезжал так рано, – приветливо сказала Юлия, подходя ко мне.

Но ее сладкий тон не обманул меня, и я был недоволен ее появлением, поэтому вновь превратился в хладнокровного и угрюмого Седрика Моргана.

– Что, не в настроении сегодня? – с широкой улыбкой добавила девушка.

– Оно было добрым, – холодно ответил я, решив избавиться от ее общества. И, взяв свой рюкзак, направился к выходу.

– Какой же ты грубиян! Разве мама не научила тебя хорошим манерам? – Вдруг раздался за моей спиной ехидный тонкий голос.

Я сжал зубы и остановился.

Юлия раздражала меня просто невероятно. Она была типичным человеком, типичной кокеткой: в ней не было ни капли морали, ни самоуважения или проблеска разума. Ее успехи в учебе я не считал разумностью, так как разум и ум – разные вещи, а первый отсутствовал у нее напрочь. Она была пустышкой, пустоцветом, расцветшим для того, чтобы гоняться за парнями. Я не питал к ней никаких чувств, кроме отвращения. И я мог только удивляться тому, что в ней нашла Вайпер – умная, загадочная, интересная, немного меланхоличная, но удивительная. Я с восхищением подумал о силе воли и разуме Вайпер, о том, что она не стала такой же, как ее подруга, и не растеряла свои ценности под дурным влиянием Юлии. Когда я увидел их в кафе, то не мог не отметить, какой яркий контраст был между ними: Юлия пялилась на мой новый автомобиль, а Вайпер лишь окинула его взглядом, и, наткнувшись на мой взгляд, смутилась и отвернулась.

Правильно писал Бальзак – великий тпец душ: все чистое ярко блестит рядом с нечистым. Но он говорил о низких людях, которые своей связью с падшими женщинами хотели выставить свою значимость и мнимую добродетель. Но насчет Вайпер Бальзак сказал бы так: она тускло сияет, не привлекая к себе внимания и не выставляя себя напоказ, и на ее фоне Юлия кажется яркой фальшивкой, которая бросается в глаза, но не имеет никакой ценности. Только зрячие люди смогут увидеть истинную драгоценность в скромном камне и фальшивку в ярком.

Я обернулся к Юлии и увидел ее самодовольную улыбку.

– Я знаю, что тебе нравится ходить на Нусельский мост, – подходя ко мне походкой королевы, сказала Юлия.

– И? – Я старался не выдавать ни словами, ни мимикой свое отвращение и злость к этой смертной, однако мои глаза не слушались меня: я чувствовал, что они превратились в лед.

Но это не остановило юную барышню.

– Интересно, чем же он тебя привлекает? По статистике, каждый второй человек думает о самоубийстве, – похвасталась она своими знаниями.

– Что за чушь ты несешь? – откровенно усмехнулся я, искренне потешаясь над ней и над ее усилиями выглядеть умной. Мне стало просто противно дышать с ней одним воздухом.

– Дослушай, и не делай такое лицо! – съязвила Юлия.

Я с усилием сдержал смех, забавляясь ее самоуверенностью.

– Вайпер тоже ходит на этот мост, – сказала Юлия.

– Я знаю, – коротко ответил я.

– Мне кажется, она думает о самоубийстве.

– С чего ты взяла? – насторожился я.

– Вайпер, конечно, моя подруга, но я не могу не видеть, что с ней что-то происходит: она стала странной, постоянно хмурится, молчит и смотрит на острые предметы, – нахмурившись, сообщила мне Юлия. – Не думай, что она всегда такая смиренная и кроткая. Она просто хорошая актриса. Я говорю это не для того, чтобы очернить ее, нет! Просто предупреждаю тебя, чтобы уберечь от проблем. Я-то ее старая подруга и не могу уйти в сторону!

Я смотрел на Юлию и ужасался тому, насколько она лицемерна. Я прожил не одно столетие в этом грязном мире, чтобы обмануться якобы искренней заботой Юлии о Вайпер. Юлия нагло лгала мне в лицо, с целью очернить в моих глазах свою «дорогую подругу», хоть и уверяла меня в обратном. Теперь я видел: она не просто легкомысленна и глупа, но и душа ее – низкая и подлая. Она легко лицемерила и поливала грязью девушку, преданную ей и даже не подозревавшую об истинной натуре этой девицы. И вдруг я понял, почему Вайпер дружит с ней: Юлия обманывает ее, уверяет в искренней привязанности и невидимо подтачивает ее, как термит дерево.

– Если людям нравится Нусельский мост, это не значит, что они думают о самоубийстве. И ты плохой психолог и ужасная подруга. Я вижу насквозь твою низкую душонку. И советую

больше никогда не обращаться ко мне, – угрожающе сказал я, думая о том, что могу отступить от своих принципов и убить Юлию на ближайшей охоте.

Девушка молча слушала меня и бледнела с каждым моим словом.

– И я удивляюсь тому, как такая чудесная девушка, как Вайпер, связалась с такой фальшивкой, как ты. – Я молча развернулся и вышел в коридор.

Несмотря на то, что я выглядел спокойным, в моей душе бушевал ураган: в мою голову пришла мысль, что Юлия, возможно, права насчет Нусельского моста и Вайпер. Ведь Мост самоубийц не мог привлекать просто так. Я думал на нем о том, как люди ищут смерти и находят ее в высоте этого исполина. А Вайпер? Неужели она думает о том же?

Меня объяли тревога и страх того, что Вайпер действительно хочет уйти из жизни. Ее голос в телефоне был нормальным, и я не почувствовал в нем ни грамма темных мыслей. Я почувствовал бы, что с ней что-то не так, едва взглянув на нее. Ее любовь к родителям не дала бы ей думать о самоубийстве, ведь она так любит их.

Нусельский мост всегда манил к себе самоубийц. Это какой-то феномен, необъяснимый и постоянный. Каждый год с него прыгают слабые люди, не сумевшие найти в себе силы жить. И высота – последнее, что они видят. Верная смерть. Что же в нем привлекает простую девушку? Ведь есть прекрасный Карлов мост... Но Вайпер выбрала Нусельский. Я не знал, что думать. Вайпер была загадкой для меня. Что-то в ней было нереальным и странным.

И все же, я не мог знать всех ее мыслей и чувств. Но, даже если она и думает о смерти, я не позволю ей убить себя.

О чем она думает? Грустит или смеется? Или она вообще никогда не смеется, а только грустит и держит свои чувства глубоко внутри себя? Что я мог сделать, чтобы узнать о ней больше? Как это обычно делается у людей?

Я не знал, что значит волочиться за женщиной, ведь никаких серьезных отношений не имел никогда. Были только короткие интрижки с вампиршами. Я никогда не чувствовал, не знал и даже не думал, что существуют еще какие-либо чувства, кроме усталости от долгой жизни, скуки и жажды крови. Вайпер пробудила меня ото сна, такого длинного и непонятного, что сейчас все чувства, разбуженные ею, вихрем метались в моей душе.

Весь день я не мог сосредоточиться. Предметы просто проплывали мимо, а люди быстро скользили вокруг. Мир исчез. Мне было безразлично абсолютно все. Я только ждал, когда придет время нашей встречи с Вайпер. Мне нужно было увидеть ее, чтобы не сойти с ума от мыслей и эмоций, чтобы понять по мимике и жестам ее характер, узнать ход ее мыслей и выяснить, права ли Юлия. Но мне было трудно понять Вайпер: ее лицо почти всегда было серьезным, и улыбка лишь изредка проскальзывала на нем. Ее глаза блестели – она высказывала ими свои чувства, но я, знаток, не мог понять ее. Ее глаза были такими выразительными, что можно было бы увидеть в них все, но Вайпер так старательно контролировала свои эмоции, что я не мог заглянуть дальше. В ее душу.

Как назло, время шло медленно, словно специально растягивая свою форму. Конспекты я никогда не вел. Я сидел, смотрел на часы, маялся и нетерпеливо постукивал карандашом по столу. Я специально сел на задний ряд, чтобы никто не видел моего нетерпения, и чтобы преподаватель не обращал на меня внимания, потому что всегда, когда я нечаянно садился на передние ряды, он постоянно о чем-то спрашивал меня, так как я всегда отвечал мудро и по существу. Но сегодня я спрятался от глаз преподавателя за компанией остряков, которые постоянно садились на галерку и сейчас были удивлены, увидев, что я сел за ними, один на ряду. Здесь я мог думать сколько влезет.

На переменах я искал Вайпер взглядом, но не находил ее. Юлия ходила одна, значит, Вайпер не было в университете.

Придет ли она? А как же наша встреча? Может, она опять струсилась или забыла о ней?

Я похолодел: а вдруг с ней что-то случилось? Тревога охватывала меня все больше, и в голову мне приходила только одна мысль – с ней что-то произошло. Моя рука машинально тянулась к телефону, чтобы позвонить Вайпер, но я вовремя сдерживал себя: я позвоню ей, если она не появится в библиотеке. Звонить сейчас было бы актом отчаяния, а показывать Вайпер свое отчаяние я не желал.

А если она не придет?

И как только смертные живут с этими чувствами? С постоянной тревогой и волнением, страхом, нетерпением? Как они терпят все это? И почему я стал чувствовать то же самое?

У меня мелькнула мысль сожаления о том времени, когда я был свободен, когда в моей жизни не было этой странной девушки Вайпер, когда я не знал всех этих ужасных чувств, когда я жил в свое удовольствие, без всяких тревог.

Но моя тревога улетучилась, когда я, наконец-то, увидел Вайпер.

Сначала я испытал облегчение, но затем – гнев.

– Вайпер, наконец-то! Где ты пропадала? Я даже не знала, что говорить преподам! – Юлия поцеловала меня в щеку. – Я сказала, что тебе плохо. О, ты и правда ужасно выглядишь!

Я попыталась улыбнуться.

– Да, я знаю! Мне не везет с самого утра! Проспала, а потом еще ключи не могла найти! Ну, вот, хотя бы на две пары приехала, – весело ответила я ей.

Действительно, под утро я заснула, и так крепко, что не услышала, как звонит будильник. Проснувшись в девять часов, я с ужасом посмотрела на часы и стала быстро собираться, роняя вещи и натываясь на мебель. А когда я была готова, то вдруг обнаружила, что не могу найти ключи! Я искала их целых полчаса, перерыла всю квартиру, оставила кавардак и, в конце концов, поняла, что держу эти злополучные ключи в руке.

– У меня сегодня не день, а сплошной сумбур! – пошутила я, пытаюсь перевести эту ситуацию в шутку.

Лицо Юлии было кислым. Оно всегда было таким, когда она была чем-то недовольна.

– Что с тобой? – с участием спросила я. – У тебя что-то случилось?

– Да нет, все нормально, просто утром я наткнулась на Седрика, и он наговорил мне кучу гадостей, – грустно ответила Юлия.

Я была удивлена: Седрик нахамил Юлии?

– Но почему? – спросила я, пытаюсь разобраться, так как знала, что моя подруга любит преувеличивать размер трагедии.

– Не знаю! Он будто с цепи сорвался, – отмахнулась она.

– Странно... – пробормотала я.

– Что тут странного? Нахал твой Седрик! – Злобно посмотрев на меня, раздраженно выпалила Юлия.

Эти слова заставили меня нахмуриться: Юлия никогда ранее не позволяла себе такой тон!

– Во-первых, Седрик – не мой, во-вторых, почему ты говоришь со мной в таком тоне, как будто я тебе что-то сделала!?! – ошеломленная, спросила я.

– Ну, прямо святая! Не прикидывайся, я все знаю! Знаю, что ты специально наговорила ему про меня гадостей, и поэтому он отказался заниматься со мной! Знаю, что ты специально окучиваешь его, хотя тебе прекрасно известно, что он мне нравится! – отчаянно жестикулируя, чуть не кричала Юлия.

Я была поражена и оскорблена ее словами.

Нет, ну что за дешевый фарс! Она обвиняла меня в том, что не понравилась Седрику!

– Не понимаю, почему ты так думаешь, но ты ошибаешься! Я вообще не разговаривала с ним о тебе, и я его не окучиваю! Ты – ненормальная, если так думаешь! – возмутилась я.

Благо, мы стояли в углу, и никто не обращал внимания на нашу ссору, которая возникла на ровном месте из-за фантазий Юлии.

Я никогда не видела ее такой. Такой неистойвой и отгалкивающей грубой.

– Правда? Тогда ты поклянешься мне, что не будешь встречаться с ним, если он тебе предложит? – Юлия испытывающе смотрела мне в глаза, но я не собиралась уступать ей из-за вымышленных ею же обид.

– С чего бы вдруг Седрик предложит мне встречаться с ним? Мы почти незнакомы и встречаемся лишь в библиотеке, по программе ректора! – усмехнулась я, недовольная глупыми требованиями Юлии. – Ради Бога, ты действительно заблуждаешься насчет него. И у меня нет ни малейшего желания обещать тебе то, что никогда не случится!

Я лукавила: я не хотела обещать ей потому... Потому что где-то в глубине души надеялась...

– Прекрасно, значит, ты не сделаешь то, о чем я прошу? – гордо подняв голову, спросила Юлия.

– Нет. И я считаю твою просьбу, а точнее, приказ, глупым и эгоистичным, – сказала я, не желая уступать ей. Я была невиновна в этом конфликте, и мне было неприятно оттого, что из-за парня она ставила под сомнение нашу дружбу.

– Нет, Вайпер, это ты эгоистка! Не хочешь сделать мне это маленькое одолжение? Тогда, может, объяснишь почему? – Юлия повысила голос.

– Все очень просто: я не хочу давать тебе никаких обещаний, потому что... Не хочу... Уже поздно их давать, – тихо сказала я. – Я поняла, что он небезразличен мне. Но, черт, давай не будем ссориться из-за парня. Если хочешь, мы обе выкинем его из головы, и все будет как раньше.

– Нет! Ничего как раньше не будет! Это конец, Вайпер! Да, мы ссоримся из-за какого-то парня, но я не собираюсь выкидывать его из головы! – Юлия смотрела на меня, как на злейшего врага, и я понимала, что никакого компромисса быть не могло.

– Вот видишь, ты требуешь с меня обещаний, но сама не готова сделать это для меня и нашей дружбы! И мне жаль! Мне очень жаль, – тихо, но с чувством, сказала я. – Ты моя единственная подруга, так почему ты даешь своим предрассудкам встать между нами?

– Какой пафос! Решила выставить меня какой-то стервой! Так знай же: или ты даешь мне это обещанье или все – конец нашей дружбе, – убийственно-холодным тоном заявила Юлия.

– Как ты можешь! – вырвалось у меня.

– Вот так и могу! Не волнуйся, Седрик расскажет тебе о том, какая я плохая! Он – идиот, раз предпочитает мне тебя!

– Ты говоришь чушь! И ради этого идиота, как ты выразилась, ты разрушишь нашу дружбу? Три года коту под хвост? И все из-за парня! Не думала, что такая проблема вообще когда-либо возникнет!

– Я тоже! Кто бы мог подумать, что он предпочтет тебя? Решай здесь и сейчас: или он или я.

Я была обескуражена. Она поставила мне ультиматум. Смешно!

– Я не хочу жертвовать ни тем, ни другим. Дай мне подумать! – с отчаяньем сказала я, понимая, что не смогу сейчас так быстро все решить... Не смогу просто взять и вырвать Седрика из своего сердца, ради прихоти своей подруги!

– Хорошо, подумай. До вечера! – мрачно сказала Юлия и, развернувшись, пошла от меня прочь.

Я осталась стоять, но ноги не держали меня. Мне пришлось облокотиться о стену.

Ссоры... Как я не любила их! В этот раз не я была неправа, но мне нужно было объяснить Юлии свои чувства спокойно и толково, а не говорить с ней так грубо и обзывать сумасшедшей. Черт, неужели это новое чувство – симпатия к Седрику рассорит меня со всеми друзьями?

«Со всеми? Как будто у меня их так много!» – обреченно подумала я.

Тяжело вздохнув, я направилась за Юлией. Меня захлестнуло чувство вины за то, что я действительно знала, что ей нравится Седрик, но я все равно позволила себе думать о нем. Мне захотелось пойти за ней, попросить у нее прощения и дать какие угодно клятвы. Но моя гордость не позволила мне сделать это.

«Я – ужасная подруга!» – пронеслось в моей голове, но я решила отдаться в руки судьбы и подождать знака, который укажет мне на верный выбор: призрачные надежды на любовь Седрика или дружбу с Юлией, но уже запятнанную недоверием, дружбу, которую, как оказалась, Юлия невысоко ценит.

Подняв взгляд от пола, я увидела Седрика. Он словно слышал нашу с Юлией ссору, так как смотрел на меня презрительно и прямо в глаза. Я не смогла выдержать его взгляда: в нем читался глубокий упрек, поэтому я поспешно отвела глаза и поспешила в аудиторию.

Как я и думала, Юлия пересела на другой ряд. Я не стала показывать свое разочарование – в конце концов, она всегда так делала, когда мы ссорились, но такой крупной ссоры у нас не было никогда. Она всегда обижалась на меня из-за мелких пустяков, которые выдумывала сама же.

Но в этот раз я чувствовала себя виноватой, и это жгло и мучило меня.

С такими мыслями я отсидела две пары. Юлия упрямо не разговаривала со мной и давала мне понять, что не заговорит со мной до тех пор, пока я не отступлюсь. Но я вдруг поняла, что мои извинения ни к чему не приведут, потому что ей нужно было только одно – то, что я не могла ей дать.

Глава 11

Не могу передать словами чувство, которое я испытал, встретившись с взглядом Вайпер. Это была душевная боль, но яростней и сильнее, чем она, будто меня полоснули ножом по сердцу. Ее взгляд был полон такой печали, что мне стало стыдно за то, что я так гневался на нее, пока слушал ее разговор с Юлией, сидя в соседней аудитории.

Меня злило то, что Вайпер была так слаба и наивна. Как она не поняла, что ее подруга, на самом деле, ей совсем не подруга? Иногда Вайпер просто бесила меня. Почему она позволяет другим людям использовать ее? Она видит, что они пользуются ее добротой и безотказностью, но ничего не предпринимает для того, чтобы прекратить это.

Она сказала, что я небезразличен ей – в этот момент я был рад, но затем разозлился: она цеплялась за эту стерву Юлию как забитая маленькая девочка, и мне было очень досадно за нее. Ее взгляд – взгляд загнанной в угол жертвы, я видел такой много раз. В нем было все: боль, обида, терпение, разочарование.

Я с нетерпением ждал момента, когда Вайпер будет выходить из университета. И вот, наконец, она вышла из здания. Увидев меня, она нахмурилась, словно желая пройти мимо меня незамеченной, но я не собирался дать ей сбежать.

– Нам нужно поговорить. – Я бесцеремонно схватил ее за руку (Вайпер вздрогнула, когда я прикоснулся к ней своей ледяной ладонью) и потащил к моему автомобилю. К счастью, на стоянке никого не было, хотя и люди не помешали бы мне увезти Вайпер даже против ее воли.

Она не сопротивлялась, а шла за мной, как послушный ребенок, но, когда я обернулся к ней, то увидел на ее лице настоящий испуг.

Но у меня не было ни времени, ни желания успокаивать ее.

– Что происходит? Что ты делаешь? – тихим, полным тревоги голосом, спросила она.

Я открыл дверцу.

– Садись. – Мой голос прозвучал грубовато.

Девушка удивленно посмотрела на меня, но все же села туда, куда я приказал ей – на переднее сиденье рядом с водительским креслом.

Захлопнув дверцу и обойдя машину, я сел за руль.

– Я подвезу тебя, – твердо сказал я, не глядя в сторону Вайпер, хотя она ни о чем не спрашивала, а просто молчала и с тревогой смотрела на меня.

Меня раздрало желание прочитать ей лекцию, накричать на нее, но слова, которые еще минуту назад рвались из моего горла, испарились: покорность и страх Вайпер подействовали на меня как успокоительное.

Я резко надавил на газ, и автомобиль бешено помчался по дороге.

Мы молчали. Я не желал смотреть на Вайпер, а она отвернулась к окну.

Вайпер! Она казалась мне такой независимой, а на самом деле...

– Черт! – Я резко остановил авто, и мы оба чуть не стукнулись головами о панель.

– Почему ты позволяешь ей использовать тебя? – холодно спросил я. – Тебе доставляет удовольствие, когда о тебя вытирают ноги?

Вайпер ошарашено смотрела на меня.

– Однако, спасибо, что сравнил меня с половым ковром! – вдруг тихо сказала она.

В ее словах слышалась усталость и грусть, но я был так зол, что не мог остановить свой словесный поток.

– А как тебя еще назвать? Эта стерва Юлия использует тебя, рассказывает о тебе Бог весть что, вытирает о тебя ноги, а ты или не чувствуешь этого, или тебе это нравится!

– Это не так! – вдруг возмутилась Вайпер. – Юлия – хорошая подруга, и тебя не касается, что у нас происходит!

– Как ты наивна, черт побери! Только сегодня утром она пыталась очернить тебя в моих глазах! Как ты можешь не замечать того, что происходит на самом деле!

– Это не твои проблемы! – вдруг вскричала она.

– Да, не мои, но твоё никчемное поведение выводит меня из себя!

– Я не хочу об этом разговаривать!

Вайпер попыталась открыть дверцу, но тщетно: я заблокировал её. Вайпер яростно толкала дверцу и нажимала ручку, но, в конце концов, бросила эти попытки.

– Открой дверь, – тихо попросила она.

– Не открою, пока мы не разберемся, – мрачно ответил я.

– Что тебе нужно? – глухо спросила она, глядя в лобовое стекло.

– Хочу понять, почему ты так не ценишь себя.

– Ты ничего не знаешь.

– Зато я вижу.

– Тебя это не касается. – Вайпер говорила тихо, но твердо, скрестив руки на груди и не глядя на меня.

– Почему ты позволяешь Юлии... – начал я.

– Ничего я ей не позволяю! Ты даже не знаешь, о чем идет речь! Седрик, это тебя не касается! – перебила она меня. – Открой эту чертову дверь!

– Тогда почему мне так обидно за тебя? А тебе самой, кажется, нет, – холодно сказал я.

– Я не хочу об этом разговаривать.

– Ты слепа и не видишь того, что все пользуются тобой.

– Это мои проблемы. Что тебе нужно?

– Я уже сказал, что мне нужно! – вспылил я. Она просто выводила меня из себя!

– Открой дверь, – тихо повторила Вайпер.

Я открыл, потому что чувствовал, что сейчас взорвусь от негодования. Пусть идет!

Вайпер быстро выскочила из автомобиля и зашагала прочь.

Сам того не ожидая, я тоже покинул авто и пошел за девушкой. Быстро догнав Вайпер, я развернул её лицом к себе.

– Я считал тебя сильной, но теперь вижу, что ошибался, – холодным тоном сказал я.

Вайпер подняла на меня взгляд: её глаза были полны слез.

– Да, я – слабая! Доволен? Я знаю это и без тебя! Что я могу? Ничего! Я всего лишь слабый человек! Черт, отпусти меня, ты делаешь мне больно!

Я поспешно отпустил её тонкое запястье. Она отвернулась.

После того, как я высказал ей, нет, не все, а всего лишь малую часть того, что крутилось у меня на языке, мне стало легче. Или это её слезы так повлияли на меня – я никогда раньше не видел, как она плачет. Я тут же почувствовал себя негодяем.

– Ты думаешь, я сама этого не знаю? Все пользуются тем, что я хороший человек. – Её голос был дрожал, я почувствовал, что заставил её открыться мне. – Ты думаешь, мне нравится все это? Я просто не знаю... Не умею отказывать людям! Я всегда надеюсь, что они сами поймут это, но нет! И Юлия! Она всегда была мне лучшей подругой, но теперь она показала, насколько она жестока! Я наивная! Я верила в нашу дружбу! У меня теперь никого нет! Я совершенно одна!

– Юлия недостойна быть рядом с тобой, – сдавленно сказал я, пытаюсь утешить её, но не зная, как это сделать. – Не плачь, прошу тебя. – Я встал к ней лицом к лицу и увидел, что она не плакала, но в её глазах блестели слезы.

Она ничего не говорила, а просто смотрела на меня.

– Прости меня. – Я протянул руку и погладил её по волосам. Какое блаженство!

– Ты ненавидишь меня? – робко спросила Вайпер. – Такую слабую, ничтожную?

– Нет, – ответил я, вкладывая в это слово всю свою душу. – Я не могу тебя ненавидеть.

«Тогда почему ты так со мной поступаешь? – кричала я внутри себя. – Почему ты так унижаешь меня?»

Его прикосновение к моим волосам загипнотизировало меня. Я смотрела в его прекрасное белое лицо и поняла, что он был растроган моими слезами и не знал, как себя вести, поэтому утешал меня, как ребенка, глядя по волосам.

Когда кончились пары, я решила не встречаться с Седриком – мне нужно было подумать. И к тому же он опять так презрительно смотрел на меня, будто я была похожа на жабу. Я решила сбежать из университета и совершила бы мой побег удачно, если бы не он.

Покинув здание факультета, я с ужасом увидела Седрика, стоящего прямо у выхода и облокотившегося на стену, будто он ожидал кого-то. Вот черт! Приняв гордый вид, я хотела, было, пройти мимо него, как вдруг он загородил мне дорогу, схватил меня за руку и потащил за собой. Я была так удивлена, что просто и не думала вырваться. Я шла за ним, как в глубоком трансе, и с удивлением заметила, что он вел меня к своей новой машине. Меня объял испуг. Тон Седрика задел меня, но я села в машину, сама не понимая, зачем. Я не знала его, не знала, что он задумал, но спокойно села в его машину!

Что ему нужно? Зачем он это делает? Куда он везет меня, в конце концов! Но Седрик молчал и обращал на меня внимания. Я тоже не смотрела на него, но мельком увидела, что его лицо было непроницаемым и холодным. Его скулы были напряжены. Он не отрывал взгляд от дороги. Его холодный строгий вид пугал меня.

И что потом? Он накричал на меня! Упрекнул в слабых характерах и раболепии! Да кто он такой, чтобы судить меня? Он меня не знает! Не знает, кто я!

Я чувствовала, как на глаза навернулись слезы, но плакать перед ним я не желала. Не дожидается! Пусть говорит, что хочет, но моих слез он не увидит! Никогда!

«Ты ненавидишь меня?» – единственный вопрос, крутившийся в моей голове.

«Нет. Я не могу тебя ненавидеть».

Я непонимающе смотрела в его холодные голубые глаза.

Что? Что он сказал? Зачем он так говорит?

– Что ты сказал? – прошептала я, не веря своим ушам.

– Тебе нужно быть сильнее, – тихо сказал Седрик, не отводя взгляда от моего лица.

– Если ты меня не ненавидишь, тогда что? Что ты... – Я не смогла договорить.

– Ты хочешь знать?

Я кивнула, потому что не в силах была ответить.

– Я знаю, что безразличен тебе, – ответил он.

Как он догадался? Я ведь и виду не подавала!

– Я слышал твой разговор с Юлией, – словно прочитав на моем лице, добавил Седрик.

– Но как ты мог слышать? Тебя ведь не было рядом... – непонимающе, спросила я.

– Я стоял за углом. И вы разговаривали намного громче, чем тебе кажется.

Но я прекрасно помнила, что сказала о том, что Седрик безразличен мне почти шепотом. Как он мог услышать?

Я нахмурилась.

– Ты так и не сказал, – нахмурившись, напомнила ему я.

– Ты тоже безразлична мне, – тихо сказал Седрик.

Его слова показались мне нереальными, будто их сказал не Седрик, а они просто плавали в моем воображении. Словно я сама выдумала их.

– Ты ничего не скажешь? – Как сквозь туман, услышала я его голос.

Его лицо было спокойным, а ледяные еще секунду назад голубые глаза светились мягким светом.

– Ты думаешь, я слабая? – ответила я вопросом на вопрос.

– Да, но я помогу тебе стать сильнее, – тихо ответил он.

– Но я не знаю, кто я! – Слова выпрыгивали из моего горла и растворялись в воздухе. – Я играю разные роли: подруга, преданная и безотказная! Дочь, умница-студентка, которая не думает ни о чем, кроме учебы! Я не могу разобраться в себе, мои мысли часто путаются, я слишком много мечтаю! Мое воображение убивает меня!

– Все мы играем разные роли. Иногда мы не знаем тех, кто стоит рядом и того, что они желают большего, чем простая симпатия. – Седрик мягко улыбнулся.

Должно быть, кровь ударила мне в голову, приняв такую прекрасную галлюцинацию. Это не может быть наяву! Седрик Морган хочет быть со мной? Что за чушь? Я никогда не поверю в это!

– Ты не хочешь быть со мной, – проямлила я.

– Хочу. – Он стоял так близко, что я чувствовала его дыхание.

– Ты играешь со мной! – вырвалось у меня.

Я не могла поверить ему.

Седрик нахмурился и отступил назад.

– Я отталкивал тебя прежде, но я никогда не играл с тобой. Ты слишком слепа, чтобы понять очевидное! – Он развернулся и стал уходить.

Меня охватил ужас. Что я наделала! Своим неверием я оттолкнула его!

Я быстро пошла за ним.

– Ты уходишь?! Просто уходишь?! – отчаянно воскликнула я.

– Кажется, я ошибся, подумав, что у тебя есть ко мне теплые чувства! – холодно начал Седрик, но все же взглянул на меня. В его голосе слышался упрек.

– Прости, я обидела тебя! Я хочу быть с тобой! Просто все это так... Нереально! – Я задыхалась от волнения.

Слезы вновь подступили к моим глазам, и образ Седрика стал расплываться.

Он резко остановился и обернулся ко мне.

– Ты хочешь быть со мной? – недоверчиво переспросил он. – Почему?

– Ты слишком слеп, чтобы понять очевидное? – сказала я его же словами.

Седрик смотрел на меня: на его лице были видны следы внутренней борьбы.

Затаив дыхание, я наблюдала за ним и отчаянно боялась того, что он оттолкнет меня. Мои ужасные слова ранили его. Как я могла? Он только что сказал, что я небезразлична ему и что он хочет быть со мной, но я все разрушила! Я сама!

Вдруг его лицо озарилось мягким светом, а его голубые глаза засветились. Он обнял меня, и я с восторгом ответила ему крепким объятием. Мне было спокойно и хорошо.

«Вот она – моя судьба! Все решилось. Я выбрала его! Мне нужен только он» – с умиротворением, подумала я, наслаждаясь его объятиями.

Это происходит на самом деле или я сплю? Если это так, я не хочу просыпаться. Теперь мир изменился. И я изменилась.

Когда мы шли к машине, взявшись за руки, мы увидели, где находились – мы были окружены осенним покоем пустого парка.

Мы приехали к моему дому, и еще долго сидели в машине, не зная, что сказать друг другу и болтая о пустяках. При прощании мы не обнимались, но я робко поцеловала Седрика в щеку, отчего на его лице расцвела довольная улыбка.

Этот день стал началом моей новой жизни. Жизни, где есть Седрик. Где я впервые полюбила. Моя новая прекрасная жизнь. Я надеялась, что она не закончится никогда.

Все во мне ликovalo. Небо казалось мне совершенно другим – безумно красивым, воздух – свежим и чистым, как и вся природа, как вся моя будущая жизнь. Я чувствовала себя красивой и единственной.

Как странно люди находят друг друга. Неужели, действительно, есть Бог или Судьба, которые сводят людей как нити и шьют из них жизнь? Неужели, мы с Седриком – такие нити? Но тогда я сделана из простого льна, а Седрик – из шелка. Я никогда не предполагала, что буду с кем-то встречаться, и уж точно не с ним. Надолго ли это? Как получилось, что все изменилось в один миг? Как получилось, что он полюбил меня?

Он со мной. Завтра я вновь увижу его. Он заедет за мной утром, и мы будем парой.

Парой. Как странно звучит это слово!

Как прекрасно любить.

Как прекрасно жить, зная, что тебя любят.

Глава 12

Ночь была для меня бессонной: я находилась между сном и явью, и размытые голоса и фрагменты преследовали мое сознание, мелькали перед моими глазами, не давали мне заснуть. В четыре утра я решила бросить тщетные попытки заснуть и, лежа на спине, смотрела в потолок. Я решила подождать, когда стрелки прикроватного будильника покажут шесть, однако через полчаса не выдержала пытки и встала с кровати. Спать мне совершенно не хотелось, и я желала только, чтобы мысли оставили меня. Не переодеваясь, я пошла на кухню, чтобы взбодрить свой организм чашкой горячего кофе. До шести я сидела так, за столом, у окна, выпивая кофе, чашку за чашкой.

Наверно, я пью слишком много кофе.

Голос разума говорил мне, что не нужно так волноваться и переживать из-за какой-то встречи, но этот голос был заглушен воплями сердца, и я беспокойно ждала приезда Седрика.

Для нашей встречи я надела фиолетовую юбку и осенние теплые сапоги. Я не носила каблуки и никогда не понимала, зачем другие девушки шли на такие жертвы лишь для того, чтобы выглядеть сексуально. Также я тщательно расчесала волосы и, глядя на себя в зеркало, отметила, каким ужасно бледным было мое лицо.

Наконец, я услышала звонок и тут же вздрогнула. Немного погодя, я взяла трубку.

– Доброе утро, Вайпер. – Послышался в телефоне голос Седрика.

На моем лице тут же расцвела улыбка: моя душа ликовала!

– Доброе утро. – Я невероятным усилием воли заставила себя говорить твердо. – Я уже готова, только возьму сумку и выйду.

– Хорошо, я жду тебя, но можешь не спешить, – сказал Седрик.

Я подошла к окну и, прячась за занавеской, увидела Седрика: он стоял рядом со своей машиной, скромно одетый. Он ждал меня.

Быстро надев теплую черную кофту, я взяла сумку, закрыла квартиру и быстрым шагом спустилась вниз, – мне не терпелось увидеть возлюбленного. Едва я появилась из-за входной деревянной двери, ко мне тут же подошел Седрик. Я не смогла скрыть радостную улыбку, и он тоже улыбался – своей прекрасной мягкой улыбкой. Он взял мою ладонь в свою и поцеловал ее.

Этот романтический жест обескуражил меня, но мне было приятно оттого, что Седрик соблюдал правила приличия и не тянулся к моему лицу с поцелуями. Но я знала, что он и не лез бы: по его поведению ощущалось, что он был несколько старомоден.

Вдруг я отчетливо почувствовала, что мое лицо загорелось – должно быть, я густо покраснела, но Седрик словно не обратил на это внимания и повел меня к машине. Он усадил меня в салон, закрыл дверцу и только после этого сел за руль.

Черный «Ауди», в отличие от вчерашней бешеной гонки в парк, мягко и плавно повез нас в университет.

Я был ошеломлен. Моя жизнь круто изменилась: я полюбил смертную.

Вчера, в парке, я понял, что Вайпер не просто небезразлична мне, но что я люблю ее, что не могу прожить и дня без ее голоса, без того, чтобы увидеть ее, коснуться ее руки, ее волос. Как быстро я пал.

Когда мы расстались с Вайпер, я приехал в замок, окутал салон авто и себя порцией купленного пять минут назад освежителя воздуха и поднялся в зал. Все мои мысли были в укрытом опавшей листвой парке, где я обнимал Вайпер, держал ее ладони в своих, слушал ее дыхание, прикасался к ее прекрасным мягким волосам... А потом я оказывался рядом с ее

домом, в воспоминаниях о том, как она уходила, как слышались ее шаги на лестнице, и как зажегся свет в ее окне.

Ночь прошла мучительно долго, но я провел ее на балконе своей комнаты, укрывшись от всех, наслаждаясь своими мыслями и с нетерпением ожидая, когда наступит рассвет. А ведь до этого дня я его ненавидел.

Когда Вайпер вышла из дома, сияя своей ангельской улыбкой, в распахнутой черной кофте, я был вознагражден за все. Рассеялись все мои страхи: страхи того, что она не поднимет трубку или не выйдет ко мне – все они разбились об эту улыбку, чтобы увидеть которую, я ждал всю эту невероятно долгую осеннюю ночь

Я поцеловал ее руку – это казалось мне самым сильным объяснением в любви, и я просто не знал, как поступают в современности. Я жил мнениями и этикетом прошлых веков. Возможно, Вайпер посчитала меня странным.

Сейчас она сидела рядом со мной, в автомобиле, и я знал, что так и должно было быть: она должна быть только со мной, а я – с ней. Когда она была рядом, я чувствовал себя полноценным и живым. Своим присутствием она заставляла меня быть счастливым, даже не говоря мне ни слова. Раньше я просто существовал и лишь сейчас узнал, что такое жизнь и как она прекрасна. Только сейчас, только с ней. Я понял для чего жил все эти мучительно-долгие годы: чтобы дождаться Вайпер.

Мы молчали. Я не знал, как начать разговор, и она, вероятно, тоже.

– Седрик, – вдруг тихо сказала Вайпер, нарушив наше тягостное молчанье.

– Да? – Я был безумно рад услышать ее голос.

– Ты позанимаешься со мной сегодня?

– Конечно. Не волнуйся, ты сдашь экзамены на отлично, – с улыбкой сказал я, желая, чтобы тень, легшая на ее чело, улетучилась.

– Мне так не кажется. Я думаю, что... – Она вздохнула. – Что мне будет очень тяжело сдать физику.

– Поверь, ты будешь понимать ее лучше, чем сам преподаватель. Я умею объяснять.

– Я знаю, – усмехнулась она. – Только тогда я ни слова не поняла.

– Тогда я вел себя как свинья, и это отвлекло тебя от физики, – поморщившись, напомнил ей я.

– Да уж, – с усмешкой сказала Вайпер. – Но, забудем об этом: мы оба были неправы.

– Ты лукавишь и стараешься выгородить меня, – усмехнулся я.

– Я просто пытаюсь быть объективной! – возразила она и посмотрела на меня таким сияющим взглядом, что я чуть не упустил руль.

– Не волнуйся, все будет хорошо. Ты сдашь. Я уверен в тебе, – с улыбкой подбодрил ее я.

– Только я сама в себе не уверена.

– Так не пойдет: ты тоже должна быть уверенной и поверить моим словам. Я никогда не ошибаюсь, – самодовольно сказал я.

Вайпер улыбнулась.

Я не знал, как обращаться к любимой, но не называть же ее постоянно только по имени. Я слышал, как обращаются друг к другу влюбленные смертные: «котик», «зайчик» и все в том же духе. Но все эти прозвища казались мне жутко пошлыми и недостойными касаться Вайпер. Она заслуживала намного большего, чем эти банальные обращения. У меня не было опыта в красивых словах и фразах. И теперь мне было неловко осознавать свою некомпетентность в этой сфере.

– После пар сядем в библиотеке и подтянем твою физику, – сказал я, уже предвкушая эти счастливые часы.

– У меня сегодня четыре пары, – сказала Вайпер. – Я освобожусь раньше.

– У меня тоже четыре пары, значит, можем встретиться сразу после пар.

На самом деле, у меня было не четыре, а три пары, но я с удовольствием был готов подождать ее. А солгал я потому, что уже немного изучил ее характер и понял, что малейшее ожидание или безвозмездная услуга принимается ею слишком тягостно.

– Отлично, тогда встретимся там, – ответила она на мое предложение.

Мы заехали на стоянку университета. Припарковав авто, я вышел из него и открыл дверцу для Вайпер. Она с удивленной улыбкой посмотрела на мою протянутую ей руку, но приняла ее без колебаний.

«Почему она так удивляется? Неужели в этой эпохе женщины настолько самостоятельны?» – невольно подумал я.

Вайпер поправила свою кофту и посмотрела на меня.

– Пообедаем сегодня вместе? – предложил я.

Вайпер вдруг густо покраснела, и только сейчас я понял причину ее неловкости: она стеснялась. Я оглянулся вокруг и увидел удивленные взоры студентов, наблюдавших за нами. Мне нужно было рассеять ее страх и помочь ей перебороть стеснительность. Я взял руку любимой и мягко притянул Вайпер к себе, пытаясь защитить ее от любопытных взглядов. Она покраснела еще больше.

– Прости, я чувствую себя так неловко! – прошептала она.

– Не обращай внимания на этих людей – им просто нужен новый повод для сплетен, – тоже прошептал я.

И, взявшись за руки, мы направились к входной двери, все еще ощущая, как все глазают на нас. Несколько раз я чувствовал, как Вайпер лихорадочно сжимала мою ладонь, и в ответ я крепко, но, не причиняя ей боли, сжимал ее ладошку.

– Давай встретимся у столовой, на большой перемене, – предложила она, когда пришел момент расставания на время пар.

– Хорошо. Я буду ждать тебя. – Я поцеловал ее руку, и мы разошлись по своим аудиториям.

Весь день, со всех сторон, я слышал, как шептались между собой девушки и мои однокурсники: «Наконец-то, этот Морган нашел себе подружку. А кто она?» и «Неужели этот нелюдим снизошел до какой-то девушки?».

Меня раздражало это любопытство. Но мысли о том, что я любил Вайпер и что она со мной, помогали мне высидеть скучные пары и не обращать внимания на сплетников. Это было странное чувство – знать, что теперь я отвечал не только за свою жизнь, но и за жизнь Вайпер, чувствовать, что я не один, что рядом со мной есть девушка, которую я люблю, и которая любит меня.

Любит?

Этого я не знал, но чувствовал, что небезразличен ей. И мне хватало этого, чтобы быть счастливым.

Я зашла в аудиторию, и в меня тут же впились десятки взглядов: однокурсники наблюдали за мной: все улыбались саркастически, некоторые – добродушно, но красивые девушки мерили меня взглядом, будто спрашивая: «Что в ней нашел Седрик Морган?».

Этот назойливый интерес заставил меня ужаснуться, но затем мне удалось взять себя в руки. Я села в полупустой первый ряд, чтобы лекция отвлекла меня, и чтобы хоть на какое-то время забыть о Седрике.

Сзади меня шепталась стайка девушек, прерывая свой шепот смешками, и я чувствовала, как их взгляды прожигали мне спину, но мне было все равно: пусть! Пусть думают обо мне, что хотят!

Пара прошла быстро, потому что я не думала ни об окружающих, ни о Седрике, а полностью сосредоточилась на физике. На перемене никто не заговаривал со мной, и мне стало одиноко от мысли, что теперь у меня нет подруги, которой я могла бы доверить свои мысли и которая поддержала бы меня. Вокруг меня были одни насмешки, или наоборот – равнодушие. Казалось, новость о том, что я и Седрик приехали в университет на одной машине, доставила сплетникам долгожданную пищу для разговоров.

К концу перемены ко мне за парту вдруг подседа Юлия. Ее появление рядом со мной удивило меня: вчера вечером она позвонила мне, чтобы узнать какой выбор я сделала, и я без обиняков сказала ей, что я выбрала Седрика, и что такая лицемерная подруга мне не нужна. Юлия отреагировала на эту новость раздражением и плохими словами, но я вовремя отключилась.

И вот, она подошла, села рядом со мной и загадочно улыбнулась, но в ее красивых глазах и улыбке чувствовались презрение и холод.

– Так, так, кто у нас здесь? Предавшая подруга, которая увела моего парня? – елеинным голосом сказала она.

– Твоего парня? Кажется, твоим парнем еще недавно был Ян, – спокойно ответила на это я.

Юлии следовало бы, наконец, понять, что ей больше не удастся манипулировать мной.

– Да, моего! Седрик мог быть моим, если бы не вмешалась ты! – тихо прошипела она.

Я пожала плечами.

– Мы обе знаем, что это не так, – ответила я и испытывающее посмотрела в ее наглые глаза, но она даже не моргнула.

– Интересно, и на что он польстился? Как ты умудрилась его подцепить? – все тем же сладким голосом продолжала Юлия.

Подцепить... Как рыбу на крючок. Но Седрик – не рыба, а я – не крючок, цепляющий парней. Слово «умудрилась» тоже вызвало во мне негодование.

– Ты прекрасно знаешь о том, что я не бегала за ним и уж точно не пыталась его «подцепить». Я понимаю, что тебя это бесит, но знай – тебе не удастся разозлить меня: теперь я узнала твою истинную сущность, и больше никогда не пойду у тебя на поводу. – Я усмехнулась, увидев, что Юлия презрительно хмыкнула.

– В любом случае, ты ничего не докажешь! Почти все наши однокурсники – на моей стороне, и они считают тебя легкодоступной шлюшкой! Тебя же поддерживают только заучки, которые завидуют моей популярности и красоте! Я знаю тебя: ты ломаешься, ведь ты так зависишь от чужого мнения! Стоит только сказать тебе обидное слово, как ты тут же захлебываешься в слезах!

Я слушала ее ядовитые речи и удивлялась тому, насколько слепой была все эти три года! Где был мой разум?

– Возможно. Но, Юлия, ты никуда не развиваешься, ты стоишь месте, и вскоре все поймут, какова ты на самом деле. И не надейся – я не сломаюсь! Моей вины здесь нет. К тому же мнение окружающих меня мало интересует, – твердо сказала я.

– Ха! Бедняжка, ты так ослеплена тем, что он выбрал тебя! Но подумай сама: надолго ли это? Такие парни, как Седрик, не выбирают для серьезных отношений таких, как ты!

– Что ты имеешь в виду? – не поняла я смысл ее фразы.

– Как что? Он – красавец, богач, и так далее! А ты? Ты – нищая, как церковная мышь, ты, прости мою прямооту, – посредственность! Серая мышка! Хоть это и звучит грубо, но это правда. Ты была такой наивной, такой беззащитной на первом курсе, и я взяла тебя под свое теплое крылышко! И вот как ты отблагодарила меня!

От такой наглости, на миг я лишилась дара речи. И это говорит мне та, что уверяла меня в том, что я – лучшая подруга на свете!

– Тут только два варианта: или он просто играет с тобой и издевается над твоей наивностью со своими друзьями, или просто хочет затащить тебя в постель, что ему удастся без проблем, ведь ты сразу стала на него вешаться! А может, ему уже это удалось? – с презрительной улыбкой сказала Юлия.

– Как ты смешна! – со смехом ответила я на эту тираду. – У тебя, действительно, очень богатая фантазия! К тому же, не суди людей по себе. Тебе все равно не удастся обидеть или разозлить меня.

– Обидеть? Я просто хочу дать тебе один совет: рядом с Седриком должна быть девушка равная ему, а не ты! – выкрикнула Юлия мне в лицо и поспешно удалилась, но я услышала, как по дороге она обозвала меня непристойным ругательством.

Но я лишь усмехнулась. Я была горда тем, какой отпор дала ей. Конечно, мне было очень обидно от ее лживых слов. И все же... Она хотела заронить в моей душе сомнения в искренности Седрика, и ей это удалось: цветы сомнения вновь подняли свою голову, а потом пришли и мысли о том, что я действительно недостойна быть рядом с ним.

Почему Седрик выбрал меня? Я ведь простая, ничем не примечательная девушка ни красотой, ни умом. Юлии удалось убедить меня в этом, и я жестоко страдала от этих мыслей. Мне вдруг стало ужасно жаль себя. Это слабо, противно – жалеть себя, но я находила в этом некоторое утешенье.

Я спрошу его. Почему он выбрал меня?

Сегодня же.

– Седрик, почему вы не записывайте конспект? Я не буду по сто раз повторять эту лекцию!

Строгий тон профессора Марчека вернул меня в реальность, а точнее, грубо прервал мои мысли о Вайпер.

Все студенты повернули головы в мою сторону, словно желая услышать, что я отвечу.

– У меня отличная память, профессор, – отозвался я.

Аудитория хихикнула.

– Не знаю, где вы сейчас находитесь, но явно не в этой аудитории и не на этой лекции, – строго заметил преподаватель.

Вновь смешок.

– Я размышляю о том, как спасти мир от глобального потепления, – пошутил я, зная, что этот остряк не отстанет от меня, пока сам не скажет что-нибудь остренькое.

Аудитория со смехом наблюдала за нашим диалогом, наверняка, довольная тем, что скучная лекция хоть ненадолго задержится.

– Ну, это дело правое. Размышляйте на здоровье, а когда найдете решение, скажите мне, и мы с вами вместе будем спасать планету, – ответил Марчек.

– Как Чип и Дейл? – крикнул кто-то.

Студенты хохотнули.

Профессор Марчек тоже не удержался от добродушного смеха.

– Именно! Но вернемся к лекции. Седрик, все-таки отложите свои размышления на перемену, так как экзамены не за горами, и тесты будут по моим лекциям. Не зря же я пытаюсь заронить в ваши легкомысленные головы хоть зернышко знаний!

– Как скажете, – беспечно ответил я.

Профессор заунывным голосом продолжил лекцию, а я вновь погрузился в прекрасные мечты.

– Седрик!

Я вновь очнулся.

– Вы опять не пишете! – с упреком сказал Марчек.

Я кивнул и взял ручку.

К счастью, профессор с новым вдохновением стал рассказывать про геометрию на современном уровне и больше не обращал на меня внимания.

К черту конспект! Я знал геометрию от и до. К тому же я не мог сосредоточиться на лекции: мысленно я действительно был не здесь. Я был с Вайпер.

За окном начал накрапывать дождь. Его капли падали на стекло и медленно скользили вниз. Я смотрел на эту красоту и осознавал, что раньше не замечал ее, не придавал ей никакого значения, будто раньше я никогда не видел дождя.

С Вайпер я стал зрячим: она исцелила меня от слепоты, и, хотя мы были знакомы совсем недолго, я чувствовал, что становился другим, менялся, шел из тьмы в свет. Точнее, Вайпер вела меня за руку, а я словно поглощал свет, идущий из ее души.

Я сидел на лекции по геометрии и вспоминал нашу первую встречу с Вайпер. Наверно, люди находят друг друга именно так – сначала не замечают, а потом будто просыпаются ото сна. Да, люди находят, но ведь я не человек.

И тут я понял: как я посмел мечтать о Вайпер, если я – не человек? Я – вампир, убийца. Как я смогу раскрыть ей мою страшную тайну? Примет ли она ее? Как я смею мечтать о ней, если мои губы, которыми я прикасался к ее нежным белым рукам, покрыты кровью? Человеческой кровью и смертью.

Что мне делать? Скрывать от нее всю жизнь? Но это невозможно, ведь время даст свои плоды: оно протечет, и Вайпер начнет стареть, а я – нет. И вопросы не заставят себя ждать.

Нужно рассказать ей все. Нужно показать ей, что за существо влюблено в нее.

Я решил признаться ей в ближайшее время, чтобы наш разрыв, если она захочет уйти, не был бы таким тягостным и болезненным для нас обоих. Наверно, я смогу пережить его и задушить в себе эту любовь, пока она не стала чем-то большим, пока я не привязался к Вайпер настолько, что потом просто бы не смог дать ей уйти.

Она имеет право знать.

Но не сегодня. Я еще не готов расстаться с ней. Сегодня у нас будет другой разговор.

Разговор о смерти.

Глава 13

Наконец, настала большая перемена, и студенты, как стая пчел, с гулом покидающая свой улей, радостно бросились к дверям огромной аудитории. Я был один из них и почти бежал на встречу с Вайпер. По счастливой случайности Вайпер появилась у столовой в ту же минуту, что и я. Вайпер выглядела немного грустной, и я тут же решил, что обедать в столовой, посреди гула и гама, мы не будем. Я повел ее в небольшое кафе, расположенное недалеко от университета. Я сделал это нарочно, зная, что Вайпер смущена всеобщим любопытством: уютное маленькое кафе скрыло нас от посторонних глаз. К тому же я должен был поговорить с ней о чем-то очень личном.

И вот, мы сидели в кафе за маленьким круглым столиком, напротив друг друга. Для фона я заказал себе кофе и какой-то салат, Вайпер же попросила принести ей только кофе. Она твердо отказалась от моего предложения тоже взять салат или что-нибудь посущественнее, и, в конце концов, я сдался, поняв, что она упрямо стоит на своем и точно не позволит мне заплатить за нее.

Принесли кофе и салат. Я отставил салат на край стола и взял чашку кофе. Отхлебнув кофе, совсем маленький глоток, я едва не скривил лицо – этот напиток оказался просто отвратительным на вкус. Ранее, ничего, кроме крови, я не пил и ни ел, но сейчас, в первый раз в жизни, чтобы не расстраивать Вайпер, с довольным лицом и с отвращением внутри пил этот кофе, радуясь тому, что она сидела напротив и тоже его пила.

– Седрик, – вдруг робко сказала Вайпер, когда мы прервали веселый разговор о наших общих преподавателях (в особенности, об остряке Марчеке) для того, чтобы отпить кофе. – Мне так странно... Может, я говорю глупости, но мне действительно очень неловко от теперешней обстановки. Я раньше ни с кем не встречалась, и такое внимание к нашим отношениям пугает и смущает меня. Не понимаю, кому какое до нас дело?

Я взял ее ладонь в свою, и Вайпер, как обычно, сначала вздрогнула от моего ледяного прикосновения, но затем крепко сжала мою ладонь, будто пытаюсь согреть ее своим теплом.

– Вайпер, это всего лишь люди, – мягко сказал я.

– В каком смысле «всего лишь люди»?

– Всем нам присуще любопытство и желание совать нос в чужие дела – ведь это кажется нам таким интересным. Просто не обращай на это внимания, – вывернулся я.

Черт. Забылся.

– Да, это логично, но все же, я ужасно смущаюсь! – тихо воскликнула Вайпер. – Я чувствую себя как рыбка в аквариуме, на которую приходят поглазеть все, кому не лень!

– А ты знаешь, как рыбки чувствуют себя в аквариуме? – хитро улыбнулся я.

– Знаю: как я сейчас, – шутливо ответила она. – Обычно, мне нет дела до того, что обо мне думают, но мне непривычно такое внимание. На меня словно свалился огромный ледяной снежный ком... Все говорят, смотрят, шепчутся и удивляются тому, что мы вместе.

Она взволновано сжала мою ладонь.

– И я... Я сомневаюсь в себе, – тихо сказала Вайпер, опустив голову.

– Почему? – мягко спросил я, удивляясь ее словам.

– Мне кажется, что я недостойна тебя.

Меня словно молнией поразило.

– Что? – только и смог сказать я.

Что заставляет ее так думать? Или кто? Возможно ли, что это делаю я сам?

Вайпер отвернула лицо к окну.

– Они все так говорят: я недостойна быть с тобой, – печально улыбнулась она и, вздохнув, взглянула на наши соприкасающиеся ладони и вновь улыбнулась, но уже счастливой искристой улыбкой.

У меня отлегло от сердца. Я понял, почему она так думает: Вайпер очень юна и никогда прежде не сталкивалась с таким любопытством, я же – прожженный долгожитель и просто закаменел к всеобщему вниманию. Было время, когда смущался и я, но это было в далекой юности.

– Если все вокруг так слепы, что не видят, насколько ты прекрасна, добра и неповторима, они многое теряют. Ты – исключительная, единственная в целом мире, и я безумно рад, что именно я первый понял это, – на одном дыхании сказал я.

– Спасибо, Седрик, но, кажется, ты мне немного льстишь, – смущенно улыбнулась Вайпер.

– Я никогда никому не льщу, – серьезно сказал я. – Но, мне было непросто понять все это, всю твою исключительность, ведь ты так плотно надела на себя плащ неприступности. В первый раз, по-настоящему, я увидел тебя на Нусельском мосту. Ты стояла, облокотившись на перила, и смотрела вдаль.

– Но, ведь перед этим мы два раза встречались в библиотеке, – возразила Вайпер.

– Прости, я слишком поторопился, не объяснив тебе. Встреча в библиотеке не была нашей первой встречей: в первый раз я увидел тебя на Нусельском мосту в конце сентября. Ты была одета в свое черное пальто, твои волосы были распущены. Ты смотрела на город, а я смотрел на тебя – просто не мог оторвать от тебя взгляд. Ты ужасно заинтриговала меня в тот вечер, – с легкой улыбкой объяснил я.

– Так это был ты? Это ты смотрел на меня так пристально, что мне даже жгло кожу? – удивленно воскликнула она.

– Да. Это был я. Я смотрел на тебя и думал о том, какая ты необычная, странная и таинственная. Это был просто волшебный вечер.

Вайпер улыбнулась.

– Но что ты подумала тогда обо мне? – спросил я, наконец, подходя к интересующей меня теме и просто из любопытства.

– Я подумала, что какой-то странный тип наблюдает за мной, и у меня даже мелькнула мысль, что ты можешь быть маньяком.

– Даже так? – усмехнулся я.

– Ты напугал и разозлил меня, – со смущенной улыбкой сказала она. – Ты выглядел как-то... Угрожающе.

– Ты права, я действительно выглядел так. Но ты так заинтересовала меня, что я просто не мог оторвать от тебя взгляд, хоть и приказывал себе не быть таким назойливым. В тебе была загадка, которую я желал разгадать.

– Ты – поэт! – тихо сказала Вайпер и отпила глоток уже успевшего остыть кофе.

Я любовался ею, настолько совершенна она была.

Но мой разум вдруг напомнил мне о том, зачем мы здесь, в этом кафе.

– Что ты делала на мосту? – осторожно спросил я.

– Любовалась видом на вечерний город и размышляла обо всем на свете, – спокойно ответила Вайпер.

– Что именно тянет тебя на этот мост?

– Ты был там! Разве, с этого моста не открывается просто восхитительный вид на город? Я могу стоять там долго, пока окончательно не замерзну. Особенно, когда небо затянуто облаками: они так красиво проплывают над городом и иногда принимают такие причудливые формы! Я смотрю на них и пытаюсь увидеть какую-нибудь форму. Это такое интересное занятие! И так прекрасно быть наедине с собой: никто не мешает, и есть только я и мир.

Вайпер ни на секунду не запнулась, не задумалась, и я понял, что Юлия солгала мне. Мне тут же стало легче: Вайпер – в порядке. Она не думает о смерти.

– А ты? Я помню, ты сказал, что тоже часто приходишь на мост, – спросила Вайпер.

– Я приезжаю почти каждый день. Стою и думаю. Никого нет рядом, и вид, открывающийся на долину и город, успокаивает глаза, – поделился я.

– Особенно, когда начинает темнеть, и горизонт превращается в темную полосу, – мечтательным тоном добавила Вайпер.

– Но, пожалуйста, будь осторожнее – вечером в городе опасно ходить без сопровождения. Особенно красивым девушкам, – недовольно сказал я, подумав, что она часто идет на мост и обратно одна и когда уже темно.

– Да, я знаю, но ничего не могу с собой поделать, – пожала плечами Вайпер. – Но, подумай сам: это же Прага! Здесь ужасно много туристов, все четыре времени года! Единственный раз, когда я испугалась – это когда ты наблюдал за мной. А, ну да... И второй раз, когда ты недавно решил догнать меня, чтобы проводить, и я испугалась твоих шагов. Не волнуйся за меня: я не боюсь ходить одна и не дам себя в обиду. Ты ведь научил меня, как правильно сжимать кулак!

«Она просто совершенна» – пронеслось в моем разуме.

Мне нравилось ее чувство юмора, и последняя ее фраза вызвала у меня искренний смех.

Вайпер заразилась моим смехом и тоже рассмеялась красивым мелодичным смехом, а затем отпила глоток своего кофе. Вторя ей, я тоже с адским усилием проглотил глоток этого жуткого напитка.

– Так ты еще намерен узнать мое первое впечатление о тебе? – с хитрой улыбкой, поинтересовалась Вайпер.

Седрик улыбнулся и кивнул.

– Когда мне пришло сообщение с твоим именем, меня охватил настоящий ступор! – начала я. Глаза Седрика загорелись, видимо, ему был очень интересен наш разговор. – Тогда я не знала тебя и была уверена в том, что ты эгоист и все те слова, что я тебе недавно высказала. Я смотрела в телефон и думала о том, как мне не повезло.

Седрик усмехнулся, но вовсе не злой или насмешливой ухмылкой – он словно посмеивался над самим собой.

– Представляю, – сказал Седрик, впившись взглядом в мое лицо.

– Но когда мы встретились в библиотеке, ты показался мне воспитанным и вежливым несмотря на то, что опоздал на целый час. – Я замолчала и решила задать ему мучивший меня вопрос. – Седрик, признайся, ты ведь тогда нарочно опоздал?

Его улыбка была лучшим ответом: она словно говорила: «Да, вот таким идиотом я был!».

– Прости меня за это, – только и сказал он. И я сразу простила: в его глазах были искреннее сожаление и раскаяние. – Но все же, у меня есть оправдание, хоть и очень-очень слабое.

Я улыбнулась, как бы говоря: «Ну, давай, оправдывайся!».

– Ты, наверно, заметила, что я не слишком общителен. Точнее, я совсем необщителен. У меня нет друзей в университете, и я почти ни с кем не общаюсь, не разговариваю, и ни на кого не смотрю. Поэтому все считают меня эгоистом. После пар я сразу еду домой, не участвую ни в каких праздниках, ни в жизни университета, не выступаю с докладами и не пишу статей, хотя мог бы, просто мне это неинтересно. Но это не потому, что я слишком высокого мнения о себе. – Он вздохнул и сжал мою ладонь своей холодной белой ладонью. – Я чувствую себя чужим.

Я смотрела на него, на своего любимого Седрика Моргана, которого тоже раньше считала эгоистом, и моей душе было больно от его признания. Почему-то я никогда не думала и не даже

не догадывалась о том, что у него нет друзей. Наоборот, раньше я считала, что он – душа своего узкого избранного круга друзей, а оказалось, что их у него нет вообще! Как я ошибалась! Как я была слепа!

– Седрик... – вырвалось у меня.

– Я знаю, что ты сейчас думаешь, – с улыбкой перебил меня он. – Ты жалеешь меня и думаешь о том, как заблуждалась. Но не терзай себя: я сам выбрал такую жизнь. Лучше не иметь друзей вообще, чем иметь друзей-лицемеров. Лучше быть одному, чем постоянно развлекать кого-то или вынуждать других, чтобы они развлекали тебя. Я просто слишком люблю одиночество. Точнее, любил раньше, пока не встретил тебя. Поэтому все думают, что я – высокомерный и эгоистичный тип...

– Я тоже так думала, – перебила я его. Мне хотелось объяснить ему, оправдать себя в его глазах! – Но я тоже была слепа, как и все! Прости меня за то, что я смотрела лишь на внешнюю оболочку и не хотела смотреть глубже, в твою душу. Но теперь я вижу ее... Вижу твой духовный мир: он прекрасен. Я вижу, что ты... Ты просто другой, не похожий на остальных. И мне так стыдно за то, что я так ошибалась и поливала тебя ужасными словами!

– Ничего страшного, – мягко сказал на это Седрик. – Мы оба ошибались. Не твоя вина в том, что я вел себя как моральный урод. Я, действительно, специально отталкиваю от себя людей, чтобы быть свободным, но тебя я оттолкнуть не смог несмотря на то, что я очень старался. Я не смог перебороть свои чувства к тебе. И, знаешь, когда, в той огромной вазе я вытянул твое имя, меня переполняли лишь негативные чувства. Я разозлился, считая, что мне придется тратить на тебя время – я думал, что буду тратить его впустую. Я был мерзавцем, и в тот момент хотел показать тебе, что не желаю иметь с тобой ничего общего, хотел сделать все, чтобы ты сама отказалась от наших занятий. Но тогда я не знал того, что Вайпер Владинович – это та прекрасная незнакомка с Нусельского моста. Я увидел тебя, одинокую, в библиотеке, и сгорал от стыда за то, что заставил тебя ждать.

Его рассказ вызвал у меня лишь улыбку умиления: сама того не зная, я сломала его броню.

– И где ты пропадал все это время? – поинтересовалась я.

– Сидел в парке, читал книгу, – ответил он.

– Что ж, тогда это время ты провел с пользой! – пошутила я.

– На второй нашей встрече в библиотеке я очень обидел тебя. Я видел, какую боль причинил тебе своими словами, и злился на себя. Я уговаривал себя, говорил, что я не виноват, но моя совесть жгла меня. Мне нет дела до окружающих и до их чувств. Но ты – мое все. – Седрик замолчал и пристально смотрел на меня глубоким многозначительным взглядом.

Мне было трудно поверить, что это – не сон, что это – прекрасная реальность.

И я больше не могла сдерживать своих чувств.

Я никогда не любила раньше, и развитие событий казалось мне слишком стремительным, но я точно понимала, что чувствовала – я любила Седрика и знала, что, если не скажу ему об этом, то взорвусь от своих чувств. Как будто его признание заставило мою кровь кипеть. Слова признания сжигали мои легкие.

– Я не знаю, что сказать, – прошептала я, взволнованная своими чувствами и его словами. – Но я знаю, что...

Нет, не сейчас! Мне казалось, что такой важный разговор не мог происходить здесь, в кафе, и ни в каком другом месте, кроме как на Нусельском мосту. Я знала, что мне будет намного легче признаться ему там, где мы впервые встретились.

Я чувствовала, что если не скажу ему, то умру. И я решилась.

– Давай пойдем на Нусельский мост! Сейчас! И к черту пары! – твердо сказала я, поднимаясь со стула.

Седрик удивленно улыбнулся, но послушно поднялся со своего стула. Словно видя мое состояние, бурю во мне, он не стал спрашивать лишнего, а просто сказал: «Поехали».

Седрик помог мне надеть мою теплую кофту, надел свою кожаную куртку, и, быстро бросив деньги на стол рядом с недопитым кофе и не тронутым салатом, хотел, было, вывести меня из кафе, но я не хотела, чтобы он платил за меня.

С удивлением заметив, что он положил первую попавшуюся в его кармане купюру – тысячу крон, я достала из кармана джинс смятую двадцатку.

– Вайпер! – Седрик нахмурился и попытался отвести мою руку с деньгами.

– Нет! – твердо сказала я и положила деньги на стол.

Мы вышли из кафе и молча пошли на мост: он находился совсем рядом со зданием нашего факультета.

Меня слегка трясло от эмоций: любовь к Седрику переполняла меня, и я вцепилась руками в свою сумку, чтобы он не видел, как они дрожат.

Когда мы дошли до места назначения и остановились, я почти подбежала к перилам.

Мне нужно было бы успокоиться, но мое тело не слушало голос разума.

Седрик подошел ко мне и встал рядом.

Я вцепилась руками в перила и сказала, не глядя на него:

– Седрик, я люблю тебя.

Дар речи на некоторое время покинул меня: Вайпер только что призналась мне в любви. Я застыл, воспроизводя в своем мозгу эти слова снова и снова.

Радость наполнила мое сердце, но она была тихой и сладостной. Я чувствовал, что все вокруг померкло рядом с прекрасными словами Вайпер. В горле стоял ком, и я не мог произнести ни слова.

Вайпер любит меня. Неужели это правда? Неужели я услышал от нее слова любви, на которые не смел даже надеяться?

Вайпер судорожно держалась за перила и сказала эти слова так тихо, словно боялась спугнуть меня. Но я схватил их на лету и наслаждался ими.

Конечно, я надеялся, что и она чувствует ко мне хотя бы симпатию. Я надеялся, что она полюбит меня потом, когда пройдет нужное время. Что она полюбит меня так, как люблю ее я. Это было моей мечтой. Но реальность оказалась в тысячу раз прекрасней, чем мои самые красочные мечты и надежды.

Тогда почему я стою как идиот? Мне нужно сказать о том, что я тоже люблю ее!

Но я молчал. Я не мог подобрать слов.

Вайпер молчала и смотрела на горизонт, бледная и печальная.

– Вайпер... – Я запнулся, совершенно не зная, что сказать.

Она повернула ко мне свое лицо, и я увидел, как сильно мое глупое молчание заставило ее страдать: глаза Вайпер были полны боли и разочарования. Она горько усмехнулась. Я чувствовал, что ей было больно и горько оттого, что я стоял рядом – глухой как камень и не отвечал ей. Ведь Вайпер ждала не такой равнодушной реакции на свое чудесное признание.

– Ты ничего не скажешь? – дрогнувшим голосом, тихо спросила она.

– Ты любишь меня? – переспросил я, молясь, чтобы она подтвердила свои слова.

– Да, Седрик, я люблю тебя. Теперь ты все знаешь.

Не знаю, откуда во мне появилась сила сказать эти слова еще раз, ведь я почти плакала, видя, каким каменным стало его лицо. Я была разбита: я только что призналась ему в любви, а он лишь молча стоял рядом, как холодная прекрасная статуя. Мне хотелось плакать от разочарования, но я сдерживала слезы.

На что я надеялась? На то, что он возрадуется? Умрет от счастья? Он знал, что я неравнодушна к нему. Но вдруг он испугался того, как быстро я его полюбила?

«Седрик, как ты можешь быть таким холодным? Скажи хоть что-нибудь!» – думала я. Мне было невыносимо видеть его холодное окаменевшее лицо – оно причиняло боль моей душе, а его равнодушие било мое сердце.

Но он молчал. А потом спросил, будто не расслышал моих слов.

Боже, значит, он вообще их не слышал или просто не хотел слышать?!

Я думала, что разрыдаюсь, едва открою рот, но, к моему величайшему удивлению, мой голос прозвучал твердо и спокойно.

Но вдруг Седрик ожил, словно вышел из летаргического сна. Его лицо озарилось счастьем, а глаза засияли.

Он положил свои ладони на мои плечи, повернул меня лицом к себе, и я увидела его ласковую улыбку, которая подарила проблеск надежды моему уже отчаявшемуся сердцу.

– Я и надеяться не смел, – тихо сказал Седрик и едва заметно улыбнулся. Он охватил ладонями мое лицо.

Я невольно вздрогнула, почувствовав холод на моих теплых щеках.

– Прости меня, я так измучил тебя. Тебе показалось, что я равнодушен, но, на самом деле, я просто не мог поверить в чудо твоих слов. Я безмерно счастлив! Потому что я люблю тебя с первой нашей встречи на мосту. И я хотел дать тебе время, надеясь, что ты полюбишь меня.

Седрик любит меня! С первой нашей встречи! Я и не подозревала об этом... Да и как я могла?!

Вайпер спрятала свое покрасневшееся лицо на моей груди, словно не желая, чтобы я видел его. Она молчала, и я не стал ничего говорить, чтобы не нарушить ее покой: мы оба были в состоянии невесомости, вырваны из реальности, мы проживали эти моменты еще тысячу раз в своем воображении.

До Вайпер я любил только телом, но теперь я любил душой, и эта любовь наполнила все мое естество, всего меня, весь мой мир.

Мне было легко признаться Вайпер в своей любви, ведь я не лгал, не лукавил, не притворялся. Когда я открылся ей, с моей души просто упал огромный камень. Мир предстал передо мной в другом облики, ведь теперь я знал, что и Вайпер любит меня. Это чувство поймут лишь те, кто любит так же сильно как я, когда лелеешь надежду на взаимность, и тебе хватает даже этой крохи, чтобы быть счастливым. Но, когда эта взаимность рождается, весь мир переворачивается и наполняется яркими красками.

Вайпер отдала свою неземную любовь мне – убийце, монстру, который недостоин даже стоять рядом с ней.

О, нет. Зачем я вспомнил об этом?

Моя радость на мгновение померкла: Вайпер не знала, кого полюбила. Она думала, что я – человек. Может, в своих мечтах она уже видела нас женатыми, в окружении маленьких прелестных детишек...

«Она поймет. Я расскажу ей. Уверен – она не оттолкнет меня. Она простит меня» – успокоил я себя, сжимая Вайпер в своих объятьях и наслаждаясь ее близостью, ее дыханием на моем плече, тем, что она гладит своими мягкими ладонями мои волосы.

Все мое существо желало, чтобы Вайпер приняла таким, каким я есть – человекоубийцей. Как я смогу жить дальше, если она уйдет?

Вайпер отстранилась от меня и со смехом взглянула на часы, на моем запястье.

– Мы с тобой только что прогуляли пару! – весело сказала она. – А знаешь, я еще ни разу не прогуливала!

– А я еще тот прогульщик, и мне ужасно нравится прогуливать учебу. – Я взял ее за руку. – Это так весело.

Вайпер весело рассмеялась.

– Но мне не жаль, что мы прогуляли! Потому что этот прогул – самый прекрасный прогул и самый прекрасный день в моей жизни! – воскликнула она.

– И мой тоже, Вайпер, – улыбнулся я.

И это была чистая правда: я никогда в жизни не был так счастлив.

Глава 14

Покинув мост, мы с Вайпер бродили по прекрасной Старой Праге, и я рассказывал ей истории памятников, церквей, домов, мостовых, а она с интересом слушала, задавала интересные ее вопросы и восхищалась.

Как восхитительно было шагать по вымощенным дорогам и мостам, когда рядом была Вайпер, держащая меня за руку! Сегодня я понял, почему Прага имеет статус города романтики. Да, именно Прага – не Париж. Париж слишком переоценен, на мой взгляд. Но в Праге есть что-то таинственное, необъяснимое. Увидев этот город всего раз – сердца посетивших его навсегда останутся здесь. Прага – любимый город Вайпер.

Эта прогулка ознаменовала наш первый день в роли полноценных влюбленных. Полноценных? Не совсем – это Вайпер была полноценна. Я же – как бы не старался забыть об этом факте, оставался чудовищем в овечьей шкуре.

Вечером я отвез любимую домой, чтобы завтра утром вновь увидеть ее.

Вспоминая о том, что до этого дня я презирал всех влюбленных, кроме матери и отца, и Маркуса с Маришкой, считая, что любовь – это всего лишь простая привязанность двух особ, я насмешливо улыбался, потешаясь над самим собой. Я считал, что люди не могут и не умеют любить, в отличие от нас, вампиров. Люди сомневаются, ревнуют, обвиняют друг друга, ссорятся по пустякам. Их предназначение – продолжить человеческий род, оставить после себя потомство и умереть. Только редкие люди, гении, оставляют после себя великие труды, исследования и творчество, которое останется на все времена. Я уважал этих творцов. Но, в основной своей массе, люди – всего лишь муравьи, цель жизни которых – размножиться и работать. Поэтому я считал, что способность любить у них сводится просто к физиологическим потребностям. Но я ошибался: Вайпер была смертной, и она любила меня. Искренне и нежно.

Жизнь была для меня рутиной, однообразием, скукой, даже тягостью. Несмотря на то, что мне было любопытно наблюдать за тем, как меняется мир, мораль, ценности, этот «прогресс» лишь отгалкивал меня своей развращенностью: истинные ценности, ценимые во все времена, в современной эпохе стали пороком, а порок стал ценностью и добродетелью. То, что считалось грязью, современная эпоха превратила в чистоту, а чистоту – в грязь. Но дело даже не в этом: наблюдая за прогрессом техники, промышленности и науки, я испытывал горькое разочарование оттого, что все менялось, кроме меня. Я так и не сумел понять современные нравы и привыкнуть к этому новому грязному миру.

Но я встретил Вайпер. Мои взгляды на нравы остались прежними, но изменилось видение этого мира: я будто увидел, что на его могиле поднимаются прекрасные цветы. Значит, у этого мира еще есть шанс измениться к лучшему. Но вместе с этим мной завладели неизвестные мне чувства. Например, страх. Страх того, что я могу потерять Вайпер. Страх того, что я полюбил Вайпер: это противоестественно для вампира – влюбиться в смертную.

Да, Вайпер – смертная, и она гораздо младше меня: у вампиров ее возраст – двадцать два года, считается детством. Но у людей все иначе – им не приходится обучаться контролировать свои силы, учиться убивать, скрываться от солнца и еще длинный список того, что умеют взрослые вампиры. По сравнению со мной, Вайпер не знала практически ничего, но мне было интересно с ней, она была умна для человека, и я совершенно не воспринимал ее как глупышку. Она была совершенна для меня. Моя любимая женщина. Как хрупкий цветок, который может погибнуть от сильного ветра, замерзнуть от стужи, засохнуть в жару без воды. Но ее жизнь – моя жизнь. И я буду ее теплицей, чтобы защитить от всего.

Поднимаясь по широким каменным ступеням в замок, я вспомнил наш разговор с Маркусом и улыбнулся: я проиграл брату кубок крови, но решил вернуть ему его награду сегодня же.

Вечером вся семья собралась в огромной гостиной: мы уютно расположились в больших креслах и общались на самые разнообразные темы. Также, сегодня свершилось грандиозное событие: Маркус и Маришка стали искать подходящий день для свадьбы. До этого дня они были довольны тем, что помолвлены.

Я был искренне рад за них: я даже похлопал брата по плечу и поцеловал руку Маришке, желая им любви, всех благ и бесконечного счастья. Вся семья была удивлена моим поступком, так как все они по какой-то причине считали, что я не испытывал к невесте брата никакой симпатии. Затем, дождавшись момента, когда мы с братом, наконец-то, остались наедине, я решил действовать. Благо, Маришка и наши родители уехали в город, веселиться. Это было мне на руку: я проследил за действиями брата – он вернулся из библиотеки с книгой и, сев в кресло, у камина, принялся читать ее, не обращая на меня никакого внимания.

Прекрасно.

Взяв с полки чистый железный кубок и наполнив его кровью из красивого стеклянного кувшина, который мы прятали за огромной картиной с портретом нашей семьи, я подошел к креслу Маркуса и поставил на столик, стоящий перед ним, кубок с кровью, а затем, с чувством выполненного долга, сел в свое кресло. Но мне было интересно пронаблюдать реакцию брата на такое грандиозное событие, поэтому я не отрывал от него насмешливого взгляда.

Маркус медленно перевел взгляд от книги на кубок, и его губы растянулись в недоверчивой улыбке.

– Неужели это то, что я думаю? – спросил он, не отрывая взгляд от сосуда.

– Ты выиграл, о, ясновидец, – спокойно ответил ему я.

– О-лала! – довольным тоном воскликнул Маркус и взглянул на меня горящим любопытством взглядом. – И кто она? Я знаком с ней?

Мой рот растянулся в улыбке при мысли о том, что братец, вряд ли, сможет разгадать эту загадку: у него не могло быть и мысли о том, что я полюбил не вампиршу.

– Неужели... – начал было Маркус, но затем замолчал.

– Неужели, что? – с усмешкой, поинтересовался я.

– После приезда двух девиц из России, ты стал каким-то странным и вечно нахмуренным, – задумчиво сказал брат.

– Ты просто сама наблюдательность, – улыбнулся я, искренне забавляясь его ошибочной догадкой.

– Одна из них?

– И в чем же заключается моя странность? – вместо ответа спросил я.

Мне казалось, что мое поведение никоим образом не изменилось. Но Маркусу было заметнее. Неужели все было написано на моем лице?

– Ты стал задумчивым и будто мысленно споришь сам с собой, постоянно уходишь от семьи, запираешься в своей комнате, думаешь о чем-то, и твои глаза ожили, а ведь раньше они были наполнены лишь смертельной скукой! – Маркус широко улыбался, словно не мог поверить в то, что его младший братец-нелюдим попался в силки любви.

– Странно, я не замечал этого за собой, – признался я.

– Мама волнуется: постоянно спрашивает, почему ты уходишь, и жалуется, что ты стал холоден к ней. Я даже думал, что у тебя появились какие-то проблемы, но, оказалось, все намного банальней! Ты влюбился! – воскликнул брат и хлопнул в ладоши. Он выглядел таким довольным, как выглядят дети, получая очередной подарок на Рождество.

– Черт, Маркус, не кричи ты так! Не хватало еще, чтоб об этом узнали другие! – рассмеялся я, слегка потешаясь над ним.

– А к чему таиться? – насмешливо спросил он. – Так что, одна из девиц из России?

– Бог помиловал, – усмехнулся я.

– Кто тогда? – нетерпеливо спросил брат.

– Я был эгоистом, – тихо сказал я.

– Еще каким! Так кто же?

Я задумался: говорить Маркусу о Вайпер? Да, ведь она замечательная, неповторимая. Она...

Она – смертная.

Меня не смущал этот факт: для меня она была просто Вайпер, которую я люблю. Но как рассказать о ней семье? Ведь для них смертная – всего неразумное низшее звено, пища и ничего более. Раньше и я так думал. Но я знал, что мнение моей семьи никогда не изменится, и они не примут Вайпер. Моя семья возненавидит ее и будет, что есть сил, пытаться устранить ее с моего пути. Мои родители, такие мягкие ко мне, всегда были безжалостны к людям.

И почему раньше я не задумывался об этом? Ведь от этого зависит жизнь Вайпер!

– Седрик! – как сквозь туман услышал я настойчивый голос Маркуса, и понял, что он уже не единожды звал меня.

– Извини, я задумался. – Я устало откинулся на широкую спинку кресла.

– Так ты скажешь мне, кто она, в конце концов?!

Сказать ему? Да, ведь он всегда понимал меня. Но родителям – ни слова. Моя любовь и мое падение навсегда останутся для них тайной.

– Маркус, то, что я сейчас скажу, не должна услышать ни одна другая душа, – наконец, решился я.

– Не понимаю, к чему такая секретность, но ты знаешь, что я не болтун и никогда не выдавал тебя, – серьезно сказал Маркус.

По его нахмуренному лбу я увидел, что он начал догадываться о том, что с моей возлюбленной было что-то не так.

Да, Маркус никогда не выдавал меня, не предавал и не обманывал, и я знал, что мой старший брат никогда не предаст меня. Он будет хранить мою тайну, какой ужасной бы она ему не казалась.

– Поклянись, что никогда не выдашь меня и не расскажешь о том, что сейчас от меня услышишь, – настойчивым тоном попросил я.

Маркус слегка опешил: я впервые в жизни попросил его о клятве.

– Клянусь моей любовью к Маришке, – сказал он, и я понял, какую страшную клятву он дал: у нас нет клятвы, более тяжелой, чем клятва именем возлюбленной. Эта клятва – сильнее клятвы честью или семейным именем.

Я молча поднялся с кресла, обошел всю гостиную и, убедившись в том, что мы абсолютно одни, прикоснулся пальцами к своим губам, показывая брату, что он должен читать по моим губам и говорить так же. Этот способ мы придумали давно, зная о том, что вампиры даже невольно могут подслушать друг друга, благодаря своему абсолютному слуху. Маркус кивнул.

– Она – смертная, – прочитал он по моим губам.

На лице Маркуса четко читалось недоверие.

– Плохая шутка, – ответил мне он и всплеснул руками.

– Ты думаешь, я шучу?

– Естественно. Ты не можешь быть серьезен.

– Я серьезен, как никогда.

Маркус пристально смотрел в мое лицо, словно пытаясь прочитать мои мысли.

Я понимал: ему было трудно принять эту новость.

– Седрик, это неправильно, – наконец, после долгого молчания и созерцания моей особы, одними губами сказал Маркус. Его взгляд, устремленный на меня, был полон возмущения. Несогласия. Неприятия.

– Я знаю, – только и ответил я.

– Вампиры не могут испытывать любовь к смертным. Это ненормально.

– Значит, я – ненормальный.

– Как ты мог так вляпаться?

– Понятия не имею. Это просто случилось.

– Но, черт возьми! Вокруг тебя вьется столько красавиц-вампириш, а ты влюбился в смертную!

Маркус непонимающе смотрел на меня, и его брови взлетали почти до самых корней волос на его лбу.

– Теперь ты понимаешь? – спросил я.

– Прекрасно понимаю! И все равно ничего не могу понять!

– Я тоже, но мне плевать на это.

Маркус раздраженно вздохнул и откинулся на спинку кресла. Некоторое время он молча рассуждал, и, казалось, совсем забыл обо мне.

Я понимал его поведение. Он был вправе отреагировать так. Но я не солгал ему и открыл всю правду. Я не желал лгать брату.

– У меня нет желания узнать ее имени и, уж тем более, о том, что она из себя представляет, но просто ответь: ты и правда любишь ее или это всего лишь сильное увлечение? – вдруг спросил Маркус, будто выйдя из ступора.

– Моя любовь к ней – это твоя любовь к Маришке, – честно ответил я.

Маркус устало закрыл глаза ладонью. Лишь после того, как прошли долгие четыре минуты абсолютного молчания, он вновь взглянул на меня, но его глаза стали тусклыми, словно из них пропала вся жизнь.

– Не говори родителям, – сказал он, поднимаясь с кресла и подходя ко мне.

– И в мыслях не было, – усмехнувшись, ответил на это я.

– Как ты умудрился? Не пойму, просто не пойму!

– Я тоже не могу этого понять, но знаю, что люблю ее так, как любят вампиры.

– Черт, это недопустимо!

– Она не виновата в этом. Я не хочу, чтобы ты думал о ней плохо.

– Хорошо, что ты сказал только мне. Родители сойдут с ума, если узнают. Помнишь Барни? – спросил Маркус.

Я кивнул.

История Барни Стэкмана была для нас удивительной и трагической аномалией: в девятнадцатом веке он полюбил английскую аристократку, смертную. Вампиры смеялись над ним, думая, что он просто развлекается, но все оказалось намного трагичней. Когда она умерла, он сошел с ума и не смог жить без нее. Барни перестал питаться и стал высыхать, из-за отсутствия свежей крови. Он уже превратился в мумию, но его друзья они привели к нему жертву и вернули его к жизни. Барни сумел вернуться к нормальной вампирской жизни, но до сих пор тосковал и убивался по своей уже давно мертвой любимой. Он был единственным вампиром, который, вопреки природе, влюбился в смертную. А я стал вторым.

Мне было понятно, почему Маркус так обеспокоился: он испугался того, что я могу оказаться в такой же ситуации, что и бедный Барни. И если об этом узнают наши родители, они... Я даже боялся представить, как они решат эту ужасную для них ситуацию.

– Я – не Барни, – только и смог ответить я. – Не волнуйся, я смогу жить дальше, когда она умрет. У меня просто не будет другого выбора.

– Но ты оказался в той же ситуации: ты – вампир, а она – человек, – сказал Маркус.

– Я знаю, но мне абсолютно все равно. Я не чувствую ее как человека.

– Она знает о том, что ты – вампир? – задал он контрольный вопрос.

– Нет, – коротко ответил я.

– Ты понимаешь, как трудно вам придется?

– Что ж, за счастье нужно бороться, не так ли?

Словно заразившись от меня моим спокойствием, Маркус молчал, и я воспользовался этой тишиной, чтобы поразмышлять.

Между мной и Вайпер стояло сколько тайн, препятствий, рвов и ям, столько осуждения и презрения, что я не мог быть уверен в том, выдержит ли Вайпер этот тяжелый тернистый путь. И хватит ли ей сил принять меня тем, кто я есть?

«Почему я не родился человеком?» – с горечью подумал я. Ведь все было бы так легко: два человека нашли бы друг друга, поженились и жили бы вместе долго и счастливо до конца своих дней. Но я – не человек. Я навечно обречен жить в образе материи, даже когда умрет моя душа. Я – одно из страшных существ, созданных Богом для убийства людей. Бог придумал нас, чтобы мы убивали и терзали их в своем голоде, но наказывал нас за это. В наказание за то, что мы убиваем смертных, за то, что он сам создал нас чудовищами, Бог запретил солнцу благоволять к нам, приказал ему выдавать ему своими лучами нашу тайну, лишил нас великого дара – радоваться солнцу, ведь вместо этого мы ненавидели его. Бог приказал нам вечно быть в тени – вот какова наша судьба. Наградой нам за эти страдания было бессмертие. Награда? Я отдал бы эту муку, что отдаляет меня от Вайпер – свое бессмертие, без сожаления, без колебаний, лишь бы прожить свою жизнь и умереть с ней. Что мне остается сейчас? Постоянно с ужасом вспоминать о том, что скоро Вайпер навсегда покинет меня? Ведь любое происшествие, любая болезнь или случайность могут забрать ее из жизни, отнять у меня.

Как много радостей есть у смертных – право любить и право умереть, даже подарить себе смерть. У вампиров же нет права даже на самоубийство. Эти радости – награда людей, компенсация им от Бога за то, что они умрут. И Вайпер тоже умрет, а я буду жить, вопреки моему нежеланию, ведь еще никто из нас не нашел способа убить себя.

Когда Вайпер покинет меня в этой жизни, я буду жить один, без нее. Все века. Века одиночества и медленной потери разума.

– Ты собираешься сказать ей о том, что ты – вампир? – вдруг спросил Маркус.

– Да, она имеет право знать, – ответил я.

– Когда?

– Я еще не решил, когда точно, но скоро. Я дам ей выбор, и, если она захочет уйти, я не буду держать ее: она будет вправе сделать это, я даже не упрекну ее. Ведь, на самом деле, я обманываю ее надежды и мечты.

– Ты ведь понимаешь, что, если она не примет тебя и уйдет, зная нашу тайну, она будет обречена! – сказал он, смотря на меня с металлическим блеском в его карих глазах.

– Что? – с тихим ужасом в душе переспросил я.

– Она будет знать нашу тайну и подставит нас под удар! – Маркус пристально, как палач, посмотрел мне прямо в глаза. – И ее придется убить сразу же, как только она скажет, что уходит!

– Нет! – с бешенством вскрикнул я. – Я никому не позволю! Только через мой труп! Я убью, отрекись от любого, кто хоть пальцем ее тронет! – яростно вскричал я, глядя на брата безумными, полными гнева и решительности глазами.

Маркус стоял как статуя, его кожа было подобна мелу, глаза полны неприятия, а губы плотно сжаты.

– Даже если она отвернется от меня, я не позволю убить ее! – Я произнес эти слова четко, низким грубым голосом, твердым, как сталь. Я немного остыл от вспышки гнева и говорил с полным осознанием и ответственностью за каждое слово.

– Ты ненормальный! Глупец! Идиот! – тихо воскликнул Маркус, со страдальческим выражением лица. – Но ты мой брат, и, если ты так любишь свою смертную, я не могу быть против. Разум подсказывает мне, что это противоестественно, что это может привести всех нас к трагедии, но мое сердце на твоей стороне. Ты имеешь право любить ту, что полюбил. Твоя тайна у меня вот где! – Брат постукал по своей груди, где еле билось его почти мертвое сердце.

Я был растроган. Он понял меня! Он облегчил мои страдания: теперь я знал, что мой брат был на моей стороне. Меня переполняли благодарность и братская любовь. Я стремительно подошел к Маркусу и схватил его в свои крепкие объятия.

Маркус крепко обнял меня в ответ.

– Но ты все-таки самый настоящий идиот! – хохотнул он. – Ну, да ладно! Предлагаю выпить! Повод, хоть и не совсем радужный, но таки имеется!

Глава 15

Время летело незаметно, и я не замечала ни холода, пришедшего в этом году так поздно, ни сырости, что пробиралась сквозь одежду и стояла в воздухе, ни даже солнечных дней, которые теперь были большой редкостью и одинокими для меня. Седрик сказал, что его глаза плохо выносят солнечные дни, поэтому, когда они наступали, мы не виделись, но тогда мы часами общались по телефону и разговаривали о многих вещах, не замечая времени.

Прошло уже больше месяца с момента, как мы с Седриком стали встречаться, и теперь меня не волновали ни злые взгляды Юлии, ни насмешки однокурсников, которые продолжали наблюдать за нами с Седриком, будто ожидая, когда он бросит меня.

Седрик был для меня всем: моим другом, моей любовью и моим миром. Я рассказывала ему о своих переживаниях, мыслях, мнениях, а он учил меня быть сильнее. И я стала сильнее: во мне будто появился стержень, помогающий мне противостоять реальности и насмешкам. Мне стало плевать на них, ведь мой возлюбленный заслонял собой все неприятное, что окружало меня.

Мы занимались физикой в библиотеке почти каждый день, и Седрик был решителен и настойчив в обучении меня: когда я предлагала ему потратить эти часы на прогулку, он твердо настаивал на том, что мы должны заниматься. Он руководил моей учебой, и я была рада и благодарна ему за то, что он заставлял меня учить физику, не отступаясь от своего слова, ведь мысль о том, что я могла провалить стипендию от гранта, ввергала меня в ужас. Седрик был настоящим преподавателем: когда я отвлекалась и пыталась переключиться на нейтральную от физики тему, он мягко одергивал меня. Каждые полчаса он давал мне перерыв на пять минут, и тогда я извинялась за свое поведение и за то, что мешаю ему объяснять материал, а он извинялся за то, что был чересчур строг ко мне.

Седрик был странным, даже более чем странным, но я любила его и принимала эту странность как должное, ведь мой возлюбленный – необычный человек. Я не чувствовала ни малейшей обиды на него, когда он вдруг срывался с нашего свидания после того, как кто-то звонил ему и он разговаривал по телефону в двадцати метрах от меня. Я знала, что ему самому было тяжело расставаться со мной в таких обстоятельствах.

До экзаменов осталась неделя. Помощь Седрика была для меня манной небесной, и я мысленно благодарила ректора за его экспериментальную программу. Но я не могла отделаться от мысли о том, что буду делать, если вдруг получу низкий балл. Тогда, прощай стипендия и здравствуй работа по ночам! Я уже разыскала кафе, где требовались официантки, так, на всякий случай, потому что, если меня лишат стипендии гранта, признаваться в этом родителям я не буду, – они будут волноваться и жить в постоянном стрессе. Только этого еще не хватало!

Наступила зимняя сессия. Я удачно сдала все предметы на отлично, и теперь впереди маячил последний страшный экзамен по физике. Перед экзаменом Седрик опросил меня на знание теории и решение задач, законов, имен и дат, и после сказал, что я не допустила ни единой ошибки.

– Я не смогла бы сделать это без тебя! – вырвалось у меня. – Я так благодарна тебе!

– Меня не за что благодарить – я всего лишь подтолкнул тебя. – Седрик улыбнулся удивленной улыбкой.

– Не скромничай, я все равно тебе благодарна!

– Лучше поблагодари ректора – это его идея! – рассмеялся Седрик.

– Я делала это уже тысячу раз! Мысленно! Но, знаешь, никогда не думала о том, что буду когда-нибудь ему за что-то благодарна, ведь... – Я запнулась, вспомнив, как дурацкая экспериментальная программа ректора свела нас с Седриком за одним столом в библиотеке.

– Ведь?

– Ведь тогда мы бы с тобой не встретились. Я была бы для тебя всего лишь тенью, а ты для меня эгоистом, – улыбнувшись, продолжила я.

Он взял мои руки в свои.

– Поверь, если бы ректору не стукнула в голову эта программа, и, если бы даже он не устроил для всех такой сюрприз, я все равно познакомился бы с тобой, – серьезно сказал Седрик. – Я был просто очарован тобой на мосту, а потом мельком увидел, как ты выходила из университета, и я был в замешательстве оттого, что отчаянно хотел узнать, кто ты, черт возьми, такая, и почему ты так заинтриговала меня. Я полюбил тебя еще до того, как мы вообще начали разговаривать друг с другом, прежде нашей встречи в библиотеке.

– На Нусельском мосту? – удивилась я. – Но ты ведь не знал, кто я, и даже не увидел меня! Ты стоял слишком далеко, и я видела лишь твой силуэт!

– Возможно, ты не помнишь, но в тот вечер ты стояла близко к фонарю, – объяснил Седрик. – К тому же, у меня очень хорошее зрение.

Но я точно помнила, что это было не так: я никогда не становлюсь у фонарей – они мешают мне созерцать город. Открыв рот, я уже хотела, было ответить Седрику, но вдруг громом среди ясного неба зазвонил мой телефон – его противная мелодия ударила по ушам.

– Тебе не мешало бы сменить телефон, – усмехнувшись, сказал Седрик.

Его слова ужасно смутили меня. Мне вдруг стало ужасно стыдно за свою несостоятельность приобрести новый, более современный телефон. Я почувствовала себя оборванкой рядом с принцем. Конечно, я понимала, что Седрик всего лишь пошутил, но мне стало даже не обидно, а больно от его шутки.

Не знаю, что отразилось на моем лице, но Седрик тут же схватил мою ладонь и поцеловал ее.

– Прости меня, я сказал, не подумав, – произнес он. Он выглядел смущенным. – Прости меня, я дурак...

– Ничего страшного! – Я попыталась отшутиться. – Ты не обидел меня, нет! Эта мелодия и, правда, очень действует на нервы!

– Прости, но я знаю, что это было бестактно с моей стороны, – еще раз извинился он, не отпуская моей руки.

Увидев неподдельную искренность на лице Седрика, я улыбнулась широкой улыбкой. Он был так мил!

– Ты преувеличиваешь! Поверь мне, я ни капли не обижена! Прости, но мне нужно ответить на звонок.

Седрик молча отпустил мою руку, но продолжал сидеть с расстроенным выражением лица, наверняка, злясь на себя из-за своей неловкой шутки.

Достав из сумки телефон, я слегка нахмурилась: как не вовремя!

– Алло, привет мам! – сказала я в трубку, стараясь говорить тихо, чтобы не беспокоить других студентов своей болтовней.

Седрик деликатно кашлянул и, со словами: «Мне нужно отойти на минуту», направился к туалету, находившемуся на другом конце огромного библиотечного зала.

– Привет, солнышко. Почему так долго не отвечала? – спросила мама.

– Прости, я была немного занята, – ответила я.

– Но теперь ты освободилась? Как твоя сессия? Ты так долго не звонила, что мы с отцом уже успели разволноваться!

– Мам, я не звонила, потому что... У меня кончились деньги на счету, и я все еще не пополнила его, – понизив голос, тихо сказала я, радуясь тому, что Седрика не оказалось рядом в этот стыдный для меня момент.

– У тебя проблемы с деньгами? Давай я вышлю на твою карточку, только отцу надо сказать...

– Нет, нет, мама, все нормально, не нужно ничего высылать! Не беспокойся ты так! У меня все в порядке с деньгами, просто нет лишних, чтобы пополнить счет. Не волнуйся, я не голодаю!

– Но, детка, давай я, все-таки, немного вышлю! Я как раз получила аванс! – настаивала мама.

– Не нужно, мама! – немного жестким тоном сказала я, слегка раздраженная ее настойчивостью.

– Вайпер, не волнуйся, у нас есть возможность...

– Прекрати, пожалуйста! – Я была просто обескуражена. – Не нужно мне ничего высылать, у меня хватает денег!

– Ну, как скажете, барышня. Но, если что, звони или напиши сообщение, хорошо?

– Хорошо, – солгала я, зная, что все равно никогда не позвоню и не напишу по этому поводу.

– Как экзамены?

– О, все идет отлично! На данный момент все предметы сданы на высший бал! Завтра будет физика, но я уверена, что сдам хорошо.

Краем глаза я увидела Седрика: он одиноко стоял у большого окна и смотрел на улицу. Мне стало неловко оттого, что ему пришлось отойти и ждать, пока я закончу разговор.

– Послушай, не посчитай за грубость, но я не могу долго разговаривать, – поспешила сказала я маме, желая отделаться от ее звонка.

– Почему?

– Я не одна, – коротко ответила я.

– А с кем? – после короткой паузы спросила мама.

– Со своим парнем, – тихо ответила я.

Как я и думала, только услышав о том, что у меня появился парень, мама тут же принялась расспрашивать меня о нем: кто он, сколько ему лет, где мы познакомились, и почему я раньше не сказала ей о том, что начала встречаться с парнем? Ведь это так важно!

– Я расскажу тебе обо всем, но не сейчас, хорошо? – пообещала я.

Обычно, я делилась с родителями всем, но в этот раз мне казалось неприличным то, что я болтала по телефону, а мой возлюбленный не знал, куда ему деться.

– Он тебе нравится?

– Я люблю его. Это все! Больше я ничего пока не скажу!

– Не сердись, мне просто любопытно. Ты ведь приедешь домой? Мы с отцом тебя ждали.

Я прикусила губу: как я могла забыть о том, что в конце декабря, я всегда приезжала домой в Брно на две недели рождественских каникул?

Обычно сессия наступала в январе, а до двадцатых чисел декабря все еще тянулись будние лекционные дни. Однако, в этом году, благодаря все тому же ректору, который все так же продолжал ставить эксперименты на нас, студентах, экзамены перенесли на декабрь, до рождественских каникул. После последнего экзамена мне нужно было ехать в Брно, к родителям. Но как же Седрик? Мысль о том, что нам придется расстаться на некоторое время, приводила меня в отчаяние.

– Мам, я думаю, что... – начала я, было, желая сказать матери, что не смогу приехать, как вдруг она перебила меня.

– Приезжай со своим парнем, заодно мы с ним познакомимся! – сказала мама, словно прочитав мои мысли.

– Что? – переспросила я, не веря своим ушам.

– Приезжай со своим парнем! Как его зовут?

– Седрик.

– Седрик... Это не чешское имя. Кто он?

– Мама! – предостерегающе сказала я.

– Ладно, молчу! Мы с отцом будем рады познакомиться с ним. Ты не против?

– Вообще-то, не знаю... Он ничего не обязан.

– Я настаиваю.

Настойчивый голос матери немного напугал меня.

– Хорошо, я попробую, но ничего не обещаю! – сдалась я.

– Вот и прекрасно! Тогда мы ждем вас! Обоих! Ладно, не буду мешать. Позвони, когда сможешь.

– Конечно, мам.

– Люблю тебя. Пока.

– Пока.

Я отключила телефон, положила его в сумку и подошла к Седрику.

– Седрик... – Я взяла его за руку, не зная, с чего начать. Его руки всегда были очень холодными, и я как-то спросила его почему, а он ответил, что у него какая-то неопасная болезнь крови.

Седрик улыбнулся и обнял меня за талию. Я тут же просияла от счастья.

Но как сказать ему? Нельзя же просто: «Мои родители настаивают, чтобы ты приехал со мной» или «Мои родители хотят с тобой познакомиться». Это звучит так навязывающее грубо!

– Седрик, – еще раз сказала я, – у тебя уже есть планы на рождественские каникулы?

Когда я отошел, чтобы предоставить Вайпер возможность спокойно поговорить с ее матерью, то мысленно ругал себя за то, что обидел ее. Меня не обманули ее нарочно веселые слова, потому что я видел, как изменилось ее лицо, когда я так, по-дурацки, пошутил: на нем отразилась боль.

Черт, почему я не подумал, прежде чем открыть свой рот?!

Я никогда не замечал того, что мы с Вайпер находились на разных ступенях социальной лестницы. Мне никогда не приходило в голову это отличие между нами, такое существенное в людском мире – ведь я люблю ее, а на все остальное мне плевать. Я никогда не задумывался о том, где Вайпер берет деньги на жизнь, и о том, что я – богат, а она – бедна по меркам общества.

Какой я идиот! Я говорил ей, что я – не эгоист, но именно им я и являлся! Я шел по жизни слепо, никогда не задумываясь о деньгах: на моих счетах в банках была астрономическая сумма, которая постоянно пополнялась. Все мои желания сразу осуществлялись: захотел новый телефон? Только выбери какой! Новый автомобиль? Пожалуйста, не проблема! Я даже никогда не спрашивал цену, а просто брал то, что мне нравилось.

Глупец. Слепой дурак, привыкший к своему богатству и никогда даже не задумывающийся о том, как живут другие. Как живут смертные. Как живет моя Вайпер. Она слишком горда. Горда настолько, что никогда не попросит у меня денег и не примет их, даже если я буду сильно настаивать.

И я обидел ее. Вероятно, она подумала, что я презираю ее бедность, но я никогда даже не думал об этом.

С такими горькими мыслями я стоял у окна и смотрел во двор. В отражении, на стекле, я видел, как Вайпер взглянула в мою сторону, нахмурилась и выглядела весьма недовольной. Она и не подозревала о том, что я мог слышать ее разговор с матерью. Ее мать хотела помочь ей деньгами, но Вайпер твердо отказалась. Ее гордость, стойкость и уверенность себе, ее желание не беспокоить финансовыми вопросами своих родителей поразили меня. Я стал размышлять о

том, как бы помочь Вайпер и при этом не уязвить ее гордость. Я – богат, и все что принадлежит мне – принадлежит ей.

Мои мысли и раздумья не мешали мне подслушивать ее разговор с матерью.

«Приезжай со своим парнем» – услышал я, а затем – возмущенный ответ Вайпер.

К концу их разговора я понял, в какое неловкое положение поставила ее мать.

Но, к счастью для нас обоих, я был только за, поэтому, когда Вайпер спросила меня о том, есть ли у меня планы на свободные недели, я улыбнулся.

– Я еще ничего не планировал, – ответил я. – Но я хотел бы провести их с тобой.

Вайпер смущенно улыбнулась.

– Я тоже. Но, ты знаешь, я совсем забыла о том, что должна ехать домой. Но моя мама пригласила тебя к нам в гости, в Брно.

– К вам в гости? – переспросил я, приятно поражаясь тому, как ловко она заменила повелительный приказ ее матери предложением погостить.

– Да, понимаешь... – Вайпер взволнованно тербила рукав моей куртки и мило покраснела еще больше.

Я терпеливо ждал, притворяясь, что впервые слышу об этом, но, увидев ее смущение, решил прийти ей на помощь.

– Она хочет познакомиться со мной, – улыбнулся я.

Вайпер кивнула.

– Я думаю, это правильно: родители должны знать, с кем встречается их единственная любимая дочь, – спокойным тоном сказал я. – И я понимаю их желание посмотреть на парня, который любит их дочурку и которого любит она, чтобы убедиться в том, что я – не негодяй какой-нибудь.

Она улыбнулась так искренне, что мне захотелось тут же поцеловать ее. И я поцеловал. Вайпер шутливо стукнула меня по плечу.

– Седрик, мы же не одни! – смеясь, сказала она.

И, правда: за нами наблюдали восемь пар любопытных глаз.

– Мне все равно, пусть смотрят и завидуют мне, – сказал я и поцеловал ее еще раз.

– Та-а-ак! Молодые люди, целоваться идите на улицу, а здесь библиотека – храм знаний! – вдруг услышали мы недовольный голос пожилой библиотечарши.

Мы тихо рассмеялись и, быстро забрав свою одежду, весело сбежали из университета.

Взявшись за руки, мы направились на наш любимый мост. К счастью, зима в этом году была довольно пасмурной, и мы, вампиры не очень-то волновались из-за солнца.

– Седрик, ты опять в кожаной куртке! – вдруг недовольно сказала Вайпер, одетая в теплое черное пальто, в котором я видел ее в первый раз на мосту. – Тебе нужно теплее одеваться, иначе, ты заболеешь! На дворе зима, а ты даже не застегиваешься!

Я тут же застегнул куртку: несмотря на то, что я не мог чувствовать ни тепла, ни холода, как и все вампиры, мне приходилось выполнять меры предосторожности, чтобы смертные не слишком удивлялись моему виду. Тем более, я не хотел, чтобы Вайпер беспокоилась обо мне.

– Поверь, по сравнению с английской зимой, здешняя зима – просто лето на курорте, – шутливо сказал я.

– Ах, да, совсем забыла о том, что ты – наполовину англичанин, – усмехнулась Вайпер. – Но это тебя не оправдывает! Тебе нужно теплее одеваться, если ты не хочешь потом лежать в постели и не видеть меня все время твоей болезни! И я буду жутко волноваться за тебя!

Вайпер стала надевать шарф и вновь недовольно воскликнула: «Ты даже без шарфа!».

– Обещаю, что завтра приду в теплом пальто, – сдался я, тронутый ее волнением за мое здоровье.

– Ты собираешься идти со мной на экзамен? – удивилась Вайпер.

– Конечно. Я буду стоять в коридоре и мысленно тебя поддерживать. А потом мы отметим твою сдачу в каком-нибудь уютном кафе.

– Я не хочу, чтобы ты платил за меня, – серьезно сказала она.

– Вайпер, деньги – это всего лишь бумага. А ты – мое все, неужели ты думаешь, что я придаю хоть какое-то значение моей обеспеченности? Ты – моя девушка, и я люблю тебя. Пожалуйста, прекрати отталкивать мою заботу о тебе, – тоже серьезно сказал я.

– Я обижаю тебя этим? – гордо приподняв подбородок, спросила Вайпер.

– Да, – прямо ответил я. – Но давай не будем ссориться из-за пустяков.

– Давай вообще не будем ссориться, – тихо сказала Вайпер. – Если тебе хочется платить за меня, то делай, как считаешь нужным... Но мне все равно неловко!

– А мне неловко, когда ты отказываешься от моей заботы, – мягко произнес я и обнял ее. – Я хочу, чтобы ты забыла свое предубеждение насчет денег: они ничего для меня не значат, а ты – значишь все.

Вайпер молчала, но ее лоб все еще прорезали морщины.

– Хорошо – прошептала она. – И я тоже люблю тебя. Очень сильно.

Вайпер прильнула ко мне, и я стал самым счастливым чудовищем в мире.

Когда мы садились в машину, я спросил у Вайпер:

– Когда мы едем в Брно?

Она пожала плечами.

– Как насчет послезавтра?

– Отлично! – весело откликнулся на это предложение я и завел мотор. – Я ужасно заинтригован!

Вайпер весело рассмеялась.

Глава 16

Ночь перед экзаменом прошла бессонно. Утром я все же заснула, на минут сорок, но вскоре проснулась от звона будильника, возвратившего меня в реальность. Приняв душ, быстро перекусив бутербродами и выпив три чашки кофе, я выглянула в окно, помня о том, что Седрик собирался заехать за мной сегодня.

Седрик уже ждал меня.

Мое лицо осветила широкая улыбка, и, быстро собравшись, я спустилась к возлюбленному. По дороге мы поболтали об отвлеченных темах, а когда приехали в университет, я пошла на свой экзамен, а Седрик остался ждать меня в коридоре. Сегодня он, как и обещал, был одет в теплое черное пальто.

Наступил роковой час: я сидела в огромной аудитории и мяла в руках билет с заданиями. Мне было трудно собрать мысли, я была взвинчена, поэтому смогла решить только две задачи из трех: третья задача была ужасно трудной и запутанной. Но я не могла сдать, мне нужно было решить эту проклятую задачу! И, найдя в себе силы слегка расслабиться и настроиться, я все-таки смогла решить даже это запутанное последнее задание. Но, правильно ли? Я надеялась, что да.

– Вайпер, вы, смотрю, уже справились? – вдруг услышала я голос преподавателя и даже слегка вздрогнула от неожиданности.

– Да, но... Я не уверена, что все верно, – тихо ответила ему я, стараясь не тревожить других студентов, все еще сидевших за заданиями.

– Подойдите, я проверю ваши задачи, – вежливо сказал преподаватель.

Это удивило меня: но, разве я не должна была получить результат только через пару дней, после экзамена? Зачем ему понадобилось проверять мои ответы прямо сейчас?!

Но, выбора у меня не было, и, взяв свои ответы, я подошла к преподавателю и отдала ему их. Преподаватель тут же забегал взглядом по моей писанине.

«Остаться стоять, или сесть на свое место?» – подумала я, чувствуя себя каким-то клоуном, но вдруг пожилой профессор оторвал взгляд от листка, посмотрел на меня и нахмурился.

«Неужели все так плохо? О, нет! Нет!» – испугалась я.

– Что ж, Вайпер, признаться, вы меня удивили. Еще полгода назад, ваши знания физики были слабы, но сегодня я удивлен тем, насколько хорошо вы справились с задачами. Поздравляю и так держать, – наконец, произнес он.

– У меня был хороший репетитор, – ответила я, с облегчением подумав, что мои страхи были совершенно ни к чему.

– Эксперимент нашего ректора превзошел все ожидания, – с легким смехом сказал профессор. – Даже все мои прошлогодние галерщики сдали весьма достойно. И, если бы вы решили третью задачу менее запутанным способом, я поставил бы вам высший балл, но, увы. – И он вывел на своем экзаменационном листке большую четверку. – Поздравляю с успешной сдачей экзамена, и можете быть свободны, – сказал он, даже не взглянув на меня.

Мне трудно было поверить: я сдала! Стипендия осталась!

Быстро покинув аудиторию, я бросилась на шею Седрику.

– Четверка! – радостно крикнула я, так что, наверно, и профессор услышал.

– Вот видишь, все прошло просто прекрасно! Зря ты так волновалась, – с улыбкой отозвался на это Седрик.

Мы вышли во двор университета, и я с удивлением заметила, что за два часа экзамена, он покрылся довольно толстым слоем снега. Первый снег в этом году!

– Я так рада! Я сдала эту проклятую физику! И снег, смотри, снег! – Я закружилась по двору и раскидывала руками снег. Вскоре мои волосы и одежда тоже покрылись снегом.

Седрик, смеясь, стал отряхивать меня от снега.

– Ты чудо, мое любимое маленькое чудо. – Седрик поцеловал меня в макушку.

Но от меня не укрылась тень на его лице, словно он был чем-то обеспокоен.

– У тебя все в порядке? – настороженно спросила я.

– Конечно в порядке! К чему этот вопрос? Я не болею и даже надел пальто! – Он улыбнулся озорной мальчишеской улыбкой, но я чувствовала, что он улыбался, чтобы не тревожить меня, однако, сделала вид, будто поверила ему.

– В который час мы выезжаем? – вдруг спросил Седрик, словно нарочно меняя тему разговора.

– Куда? – переспросила я, не сразу поняв, что он имеет в виду.

– В Брно. Ты не забыла, что завтра мы едем к твоим родителям?

– Ты хочешь ехать завтра? – спросила я, удивляясь его настойчивости.

– К чему тянуть? – ответил он.

– Хорошо, давай сегодня же купим билеты, – предложила я и тотчас увидела его удивленные глаза: в них играли смешинки.

– Билеты? Вайпер, мы поедem на моем авто, – ласково сказал Седрик.

– Нет, мы купим билеты на автобус, – настойчиво повторила я.

– Почему ты не хочешь ехать на автомобиле? – мягко спросил он.

– Мои родители не поймут этого, – ответила я, а в душе упрекала себя за то, что не могла открыть ему истинную причину моего отказа – нежелание использовать его богатство. – К тому же, я хочу показать тебе мою жизнь. Поездка в автобусе тебе очень понравится, я обещаю! – Я любяще заглянула в его глаза, надеясь, что он не будет больше настаивать на своем, иначе, я просто сдамся, в ущерб своей гордости, лишь бы не обидеть его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.